

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** ГОСТЬ НОМЕРА
Фарид КАРИМОВ
БГ: «Евтушенко был настоящим поэтом»
- 6** ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК
Айдар ТУМАШЕВ
Жизнь в искусстве театра. Воспоминания об отце
- 12** **Алина ИВАНОВА**
Война! Поверь, ты никому не нужна!
- 16** МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
Лилия ИСХАКОВА, Дария ШАРАФУТДИНОВА
Хоровая весна
- 18** КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
Анастасия ИВАНОВА
О жизни химика, любящего исторические романы, или как «тройка» меняет судьбу
- 20** СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
Ландыш ФАЗУЛЛИНА
«В хараме нет бараката!»
- 22** СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
Крепкая семья – надёжная опора
- 24** БУДЬ ЗДОРОВ
Альбина АБСАЛЯМОВА
Лучший диагност – патологоанатом
- 28** ПОЭЗИЯ
Геннадий ПОПРЫГА
- 30** В ПЕРЕВОДЕ
Дамир ГИСМЕТДИНОВ
Дом над обрывом
- 39** ПРО ЧТЕНИЕ
Ахат МУШИНСКИЙ
С чего начинается писатель

54

- 42** ПОЭЗИЯ
Иван КЛИНОВОЙ
- 44** МИНИАТЮРЫ
Владимир ГАРАНИН
- 46** ДЕБЮТ
Карина КАДЫРОВА
- 47** **Миляуша НАБИУЛЛИНА**
Прочная нить
- 48** ЛИТПРОЦЕСС
Литературный конкурс КГМУ
Михаил ЧЕРТИЩЕВ
Эльмаз МУСТАФАЕВА
- 54** КОНТРАМАРКА
Айгуль ГАБАШИ
Душевные устремления и приземленная реальность
- 58** РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ
Лена ТЯБИНА
Живая современница Тукая
- 60** КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
Розалина ШАГЕЕВА
Восхождение к идеальному. Баки Урманче и татарская литература

- 64** СПОРТФОЛИО
Рустам ИМАМОВ
Анна НЕЧАЕВСКАЯ: «Перейдя в сборную Татарстана, я вывела свою карьеру на новый уровень»
- 70** ПОРТРЕТ ЭПОХИ
Ашира КАТЕЕВА
Встречи с Мусой Джалилем и Аделем Кутуем
- 76** ЛИЧНОСТЬ КРУПНЫМ ПЛАНОМ
Марат САФАРОВ
Музыкальные сюжеты судьбы Зюргы Байрашевой

60

64

Евгений Евтушенко

НЕ ИСЧЕЗАЙ

Не исчезай... Исчезнув из меня,
развоплотясь, ты из себя исчезнешь,
себе самой навеки изменя,
и это будет низшая нечестность.

Не исчезай... Исчезнуть – так легко.
Воскреснуть друг для друга невозможно.
Смерть втягивает слишком глубоко.
Стать мертвым хоть на миг – неосторожно.

Не исчезай... Забудь про третью тень.
В любви есть только двое. Третьих нету.
Чисты мы будем оба в Судный день,
когда нас трубы призовут к ответу.

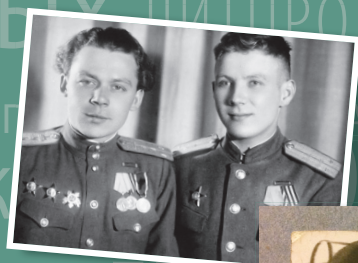
Не исчезай... Мы искупили грех.
Мы оба неподсудны, невозбранны.
Достойны мы с тобой прощенья тех,
кому невольно причинили раны.

Не исчезай. Исчезнуть можно вмиг,
но как нам после встретиться в столетях?
Возможен ли на свете твой двойник
и мой двойник? Лишь только в наших детях.

Не исчезай. Дай мне свою ладонь.
На ней написан я – я в это верю.
Тем и страшна последняя любовь,
что это не любовь, а страх потери.

- > ГОСТЬ НОМЕРА
- > ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК
- > МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
- > КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
- > СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
- > БУДЬ ЗДОРОВ

► Фарид Каримов

«ЕВТУШЕНКО БЫЛ НАСТОЯЩИМ ПОЭТОМ»

Борис Борисович Гребенщиков – бессменный лидер группы «Аквариум», которая вобрала в себя лучшее, что было и есть в современной музыке с 70-х годов по наше время. Удивительно, но даже теперь, спустя 45 лет с момента основания, «Аквариум» не воспринимается как ретро-бэнд. Группа по-прежнему радует своих слушателей новыми альбомами, ничуть не уступающими шедеврам прежних лет. Только за последние три года у «Аквариума» вышло более 10 музыкальных релизов (синглы, переиздания, концертные записи и др.). Среди них особого внимания, на мой взгляд, заслуживают: сольная пластинка БГ «Соль», мини-альбом «Песни нелюбимых» и диск «3 равно 8» на стихи Джорджа Гуницкого.

У каждого «аквариумиста» своя неповторимая история знакомства с творчеством группы. Я отлично помню, как в 12 лет из любопытства взял у друга альбом «Навигатор» (1995) и после нескольких минут прослушивания испытал настоящий «культурный шок». Целый мир на пленке. Сочетание тонкой иронии с искренним глубоким переживанием за происходящее в стране, изысканной поэзии с непривычно эпатажной формой подачи. И хотя с тех пор прошло 20 лет, «Аквариум» по-прежнему остается моей самой любимой группой. И я испытываю тот же трепет и радостное предвкушение, когда ставлю на проигрыватель ее новую пластинку.

«Идель» представляет вашему вниманию небольшое интервью, взятое у музыканта во время юбилейных гастролей «Аквариума» 2017 года.

– «Аквариум» регулярно радует своих поклонников новыми релизами, изданиями редких вещей. И все же остается ряд песен, которые по тем или иным причинам пока

не увидели свет. Планируете ли их обнародовать в дальнейшем?

– Все эти песни (и ряд других, еще менее известных) есть и ждут своего часа. Но пока я публиковать их не собираюсь. Посмотрим, что нас ждет в будущем.

– Когда ориентировочно ждать выхода двух обещанных в 2016 году мини-альбомов «Аквариума»? Сколько песен туда войдет?

– Песни, которые готовились для мини-альбомов, скорее всего войдут в долгоиграющую пластинку «Аквариума», над которой сейчас мы работаем. Причём песен там будет не более 10, а готовых новых композиций у нас намного больше. Так что, возможно, к студийной пластинке выйдет еще масса дополнительного материала. Пока всё это окончательно не определено.

– Какова судьба альбома русско-советских песен «Золотой букет», выпуск которого был вынужденно отложен в прошлом году?

– Альбом этот был уже почти готов, когда к нам пришло письмо из агентства по охране авторских прав с требованием заплатить огромную сумму за исполнение двух из пятнадцати песен. Сумма эта многократно превосходит любой потенциальный доход, который мы могли извлечь с продажи «Золотого букета» за 100 лет, поэтому, к сожалению, пришлось отказать от его выпуска. Но скажу по секрету, все песни оттуда можно скачать в Интернете. Ищите, и взыщется вам. После этой истории я понял, насколько плохи в нашей стране дела с авторским правом. Причём правами на композиции зачастую владеют какие-то непонятные компании, а вовсе не родственники. И компании эти требуют огромные деньги за исполнение песен моих друзей.

– Приоткройте, пожалуйста, завесу тайны, какие песни каверов ваших коллег по рок-цеху будут в мини-альбоме, выход которого вы анонсировали в предпоследней передаче «АэроСтат»?

– Докладываю. Мини-альбом будет состоять из шести песен: «Растафара» Майка Науменко, «Безъядерная зона» и «Генерал» Виктора Цоя, «Цветы на огороде» Петра Мамонова, «Я хочу быть с тобой» Вячеслава Бутусова и Ильи Кормильцева и, наконец, «Подмога» группы «Х.й забей».

– 1 апреля ушёл из жизни великий поэт Евгений Евтушенко. Как вы относитесь к его поэзии, к его личности в целом?

– Евтушенко был очень забавным человеком. Мне довелось не раз с ним общаться. Могу сказать одно: с профессиональной точки зрения (а у меня очень требовательное отношение к поэзии) он был настоящим поэтом. А хорошим или плохим, не берусь судить. Хорошо, что он был таким. Мир его праху.

– Знаю, что в 1988 году вы познакомились и общались с Джорджем Харрисоном, Томом Петти и Джеффом Линном. Чему они вас научили?

– Это было потрясающее ощущение. Я как будто бы оказался дома. Главное, что я понял, общаясь с ними, что чем значительнее и масштабнее человек, тем с большим уважением и заботой он относится к другим людям. Дает почувствовать, что стоит с тобой на одном уровне. Тогда я, наконец, перестал чувствовать себя ущербным.

– Борис Борисович, планируете ли вы выпустить концертный альбом с записью выступлений с симфоническим оркестром в рамках гастрольного тура «БГ Symphonia»? Очень бы хотелось это послушать в хорошем качестве, как у Чайфа в «Теории струн» (2017).

– Планируем. И смею надеяться, что его звучание будет не

хуже, чем у группы «Чайф» *(улыбается)*.

– Есть ли у вас какие-то действенные способы борьбы с депрессией, плохим настроением и страхом смерти?

– Я не вижу смысла с ними бороться. Это только дает им силу. Медитируйте, дышите и молитесь – и они исчезнут сами собой.

– Некоторые ученые считают, что в основе любого творчества лежит страх смерти. Разделяете ли вы эту точку зрения?

– Нет, не разделяю. Думаю, только любовь может быть достойной мотивацией для творчества. Все остальное от лукавого.

– Спасибо большое за внимание!

– И вам спасибо. 🍷

► Айдар Тумашев

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ ТЕАТРА.

Воспоминания об отце

Время неумолимо. Все меньше среди нас участников Великой Отечественной войны, ушли в прошлое и стали историей сражения XX века. Мне хочется поделиться с читателями некоторыми эпизодами фронтовой и послевоенной жизни моего отца – заслуженного деятеля искусств ТАССР Равиля Рахимовича Тумашева. Эти истории он сам рассказывал в последние годы своей жизни.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Равиль Тумашев родился 21 апреля 1923 года в Семипалатинске в семье театральных деятелей. Он рано потерял отца и воспитывался матерью – Кашифой Тумашевой – редактором литературно-драматических передач, диктором и режиссёром Татарского радио. В послереволюционные годы она работала актрисой первой мусульманской профессиональной театральной труппы Иркутска и позднее Семипалатинска.

Во время учебы матери в ГИТИСе им. А.В. Луначарского Равиль Тумашев некоторое время был воспитанником детского дома в Москве, а в 1941 году окончил среднюю школу №15 Казани (ныне в ее здании находится школа №18). Торжественный выпускной вечер состоялся 21 июня, а утром 22 июня по радио прозвучала речь Народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова о нападении фашистской Германии на СССР. Вчерашние

мальчишки-выпускники призывались в армию.

В июле призывников города Казани отправили через Куйбышев-Самару в Чкаловское артиллерийское училище, где они прошли подготовку зенитчиков. Из-за наступивших зимних холодов тех, кто жил в палатках, разослали по своим райвоенкоматам. Равиль Тумашев поступил учеником-наладчиком токарных станков на эвакуированный ленинградский завод №4 им. Калинина,

занимавший тогда здания Казанского мехового комбината, а через полтора месяца работы в цеху получил обещанную повестку с направлением в Штаб Брянского фронта. С января 1942 года началась его служба в действующей армии, первоначально офицером шифровальной связи штаба 307 стрелковой дивизии, а с января 1943 года – помощником начальника 8 отдела штаба 13 армии на Брянском, Центральном и I Украинском фронтах.

ОБРАЗЫ ВОЙНЫ

В памяти отца сохранились ужасы первых бомбардировок, обстрелов немецкими самолетами колонны автомобилей, в кузове одного из которых он ехал, зрелище горящих машин. Для молодого офицера это был первый опыт реальной войны. Запомнился также эпизод событий на Украине в феврале 1944 года, связанный с полученным в столкновении с группой боевиков УПА тяжелым, оказавшимся смертельным ранением генерала Н.Ф. Ватутина. Машина связи, на которой ехал отец с автоматчиком, выезжала из штаба армии, когда навстречу прибыла машина с раненым командующим I Украинским фронтом, подвергшимся нападению у села Милятын.

Главными событиями своей военной биографии отец считал сражение на Курской дуге и бои на Сандомирском плацдарме. Ему как офицеру связи пришлось докладывать в присутствии маршала К.К. Рокоссовского командующему 13 армии генералу Н.П. Пухову донесение, полученное от фронтовой разведки, о решении немецкого командования с утра 5 июля начать артиллерийскую подготовку в районе расположения войск 307 стрелковой дивизии.

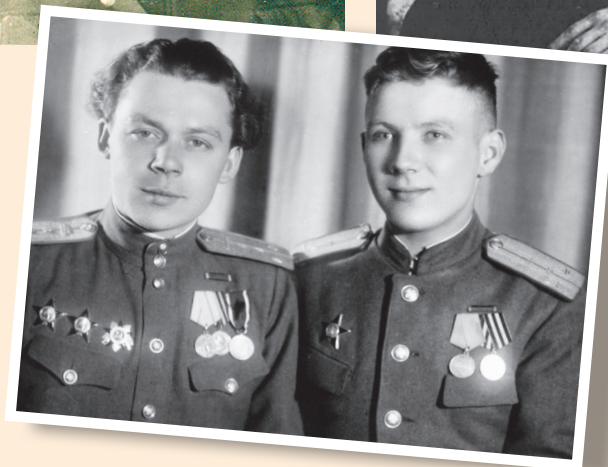
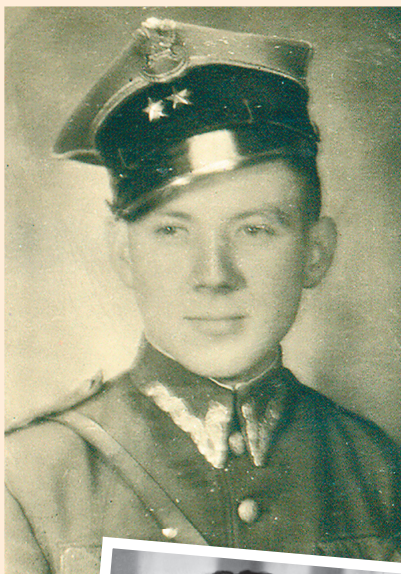
Менее крупными по масштабу, но ожесточенными были бои в августе 1944 года на плацдарме, захваченном 1-й гвардейской танковой армией и 13-й армией в ходе Львовско-Сандомирской операции на берегу Вислы. Для удержания захваченных у врага позиций на передовую были направлены солдаты и офицеры служб обеспечения, офицеры штаба армии. В этих боях отцу пришлось непосредственно вести огонь по вражеским позициям.

В конце войны, уже дойдя до Эльбы и города Торгау, где наши войска встретились с американскими, отец был командирован в Войско Польское – 16-ю отдельную танковую Краснознаменную Дновско-Лужицкую бригаду. В ней он прослужил до

конца войны. Об окончании войны отец узнал от разбудивших его сослуживцев: после бессонной ночи он спал в коляске мотоцикла. О своих фронтовых друзьях, сослуживцах и командирах, о командующем 13-й армии генерале Николае Павловиче Пухове, начальнике штаба Германе Капитоновиче Маландине, начальнике 8 отдела штаба подполковнике Марченко, относившихся к нему по-отечески, отец вспоминал с благодарностью.

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В июне 1946 года Равиль Тумашев уволился в запас и вернулся в Москву. В то время ему исполнилось всего 23 года. За участие в боях за

освобождение Украины, Польши и Чехословакии он был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», двумя орденами Польской Народной Республики «Серебряный Крест Заслуги» и двумя польскими медалями за сражения на Одере-Нейсе.

У него была возможность продолжать военную службу, но желание заняться театральным творчеством пересилило – он поступает в Государственный институт театрального искусства им. А.В. Луначарского на отделение режиссуры. Отец говорил, что мечтал быть художником. Закончив в детстве художественную школу, он неплохо рисовал пейзажи и графические портреты современников. В семейном архиве сохранились выполненные им портреты Народного артиста ТАССР Хакима Салимжанова, художественного руководителя Татарского академического театра им. Г. Камала Хусаина Уразикова, Заслуженного художника РСФСР Анаса Тумашева. Тем не менее, выбор был им сделан в пользу режиссуры.

Руководителями курса в театральном институте у него были Алексей Попов и Мария Кнебель, долгие годы работавшие совместно в театре (МХАТ).

Народный артист СССР Алексей Дмитриевич Попов – актер, режиссер – в послевоенные годы руководил Центральным театром Красной Армии. Алексей Попов был для отца любимым педагогом и учителем, его портрет и сегодня стоит у меня на книжной полке. Отец отмечал внешнее и внутреннее сходство А.Д. Попова и его сына Андрея Попова, которого зрители 50-70-х годов помнят по ролям в советском кинематографе – Яго в «Отелло», Соломатина в «Учителе пения» и других.

С приходом Р. Тумашева в театр начала свою творческую жизнь плеяда замечательных актеров, которые воспитывались на произведениях нового поколения драматургов – Ю. АМИНОВА, Т. МИННУЛЛИНА, А. ГИЛЯЗОВА, И. ЮЗЕЕВА и других.

Шарияздан Сарымсаков, Кашифа Тумашева, Риза Ишмурат

Очень тепло отец относился и к Марии Осиповне Кнебель.

Во время стажировки в Ленинградском академическом театре драмы им. А.С.Пушкина судьба подарила ему встречу с великим актером театра и советского кино Николаем Черкасовым, чье лицо запечатлено на одном из военных орденов СССР – ордена Александра Невского. К этому времени он уже был Народным артистом СССР, сыгравшим главные роли в десятках фильмов, в числе которых «Дети капитана Гранта», «Александр Невский», «Иван Грозный», «Весна».

В один из вечеров отец как режиссер-практикант и Николай Константинович вдвоем репетировали вторую сцену из «Скупого рыцаря» А. Пушкина. Черкасов в уверенной, свойственной ему артистической манере начал монолог барона. Прислушав часть текста, отец остановил его и предложил взглянуть на сцену несколько по-иному. Сундук с деньгами стоял на возвышении, и Черкасов должен был подойти к нему. Отец предложил, в соответствии с духом, внутренним смыслом произведения, мысленно представить те преступления, на которые пришлось пойти герою, чтобы скопить эти сокровища. Черкасов повторил монолог, медленно и тяжело поднимаясь по ступеням к сундуку. Сцена получилась трагичной, весомой и значимой. Такое решение Николаю Константиновичу понравилось, и репетиция продолжилась более оживленно, с обсуждением психологических тонкостей действия. Похвала выдающегося актера не могла оставить отца равнодушным.

С московским периодом были связаны изменения не только в творческой биографии отца, но и в личной жизни. В билетных кассах и поезде Москва-Казань он познакомился со

своей будущей женой, а затем судьба вновь свела их в стенах Московского государственного университета, где в Институте стран Азии и Африки училась Диляра Заббарова. Некоторое время их отношения развивались безоблачно, но последствия войны дали себя знать: здоровье отца резко ухудшилось. Полагая, что его болезнь неизлечима, он предложил маме расстаться. Узнав о причине, она сделала все возможное, чтобы вместе победить его недуг, и болезнь отступила. Диляра и Равиль Тумашевы стали верной опорой друг другу на всю жизнь.

Отец познакомил маму со своими приятелями по театральному институту – Анатолием Никитиным и Виктором Белявским, а также своим другом из Эстонии Арво Круусементом, впоследствии известным эстонским кинорежиссером.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАЗАНЬ. ЖИЗНЬ В НАЦИОНАЛЬНОМ ТЕАТРЕ

После завершения обучения в ГИТИСе Равиль Тумашев вернулся в Казань. Здесь он встретился со своими школьными друзьями – Вячеславом Алемасовым, Алексеем и Ираидой Талантовыми, Львом Черновым, Геннадием Мухачевым и другими. Особенно близким другом до войны был В.Алемасов, с которым они впервые заработали небольшие деньги для материальной помощи своим матерям, подготовив переводы пьес татарских авторов на русский язык для декады театрального искусства. Об этом профессор КАИ, академик РАН Вячеслав Евгеньевич Алемасов писал в своих воспоминаниях.

Опыт художественного перевода пригодился отцу и после войны, когда с предложением осуществить подстрочный перевод романа «Алтын йолдыз» («Орлята») на русский

язык к нему и маме обратился выдающийся татарский писатель Абдурахман Сафиевич Абсалямов. Сделать эту работу было большой честью для Диляры и Равиля Тумашевых. С этого времени между Абдурахманом Сафиевичем, Магиной Измайловной и моими родителями установились близкие дружеские отношения, которые продолжились и в следующем поколении – семьи их сына Булата Абсалямова и моей семьи.

После постановки дипломного спектакля «Галиябану» по пьесе М. Файзи Равиль Тумашев в 1952 году был приглашен режиссером в Татарский академический театр, где поставил около 20 спектаклей, среди которых «Отелло» В. Шекспира, «Анджело» В. Гюго, «Наследники Рабурдена» Э. Золя, «Легенда о любви» Н. Хикмета, «Казанское полотенце» К. Тинчурина. В те годы ему посчастливилось поработать с ведущими актерами и коллегами-режиссерами по академическому театру, получить ценный опыт профессиональной работы. В одном из его спектаклей сцены фехтования ему помогал ставить Марсель Салимжанов. Марсель Хакимович, долгие годы являвшийся художественным руководителем Татарского академического театра им Г. Камала, был вторым после Халила Галеевича Абжалилова татарским режиссером, удостоенным звания Народный артист СССР. Получение им премии «Золотая маска» в 2001 году отец рассматривал как оценку высокого уровня всей татарской театральной культуры. «Браво, Марсель!» – написал он тогда в своей поздравительной телеграмме.

Наиболее полно творческий потенциал отца раскрылся во время работы в Татарском государственном театре драмы и комедии им. Карима Тинчурина, в те годы называвшемся

Татарским государственным передвижным театром. Театр не имел своей постоянной сцены. Репетиции проходили в Спасской башне Казанского Кремля. Тем не менее, роль этого творческого коллектива в культурной жизни татарского народа была очень велика. Приезд артистов с театральной постановкой для жителей татарской деревни был окном в мир, незабываемым ярким событием. Зритель был настолько искренним и доверчивым, что зачастую отождествлял личность артиста с тем персонажем, которого он играл. Разбирая актеров на ночлег, люди были счастливы, если им попадали исполнители главных положительных ролей.

В первые послевоенные годы в театре работали артисты Фаридун Юнусов, Магинур Шарипова, Мунира Шагидуллина, Закия Туишева. В 50-е годы труппа пополнилась выпускниками Казанского театрального училища Фердинандом Фарсиным, Каримой Нуруллиной, Назлыгуль Латыповой, Санией Исмагиловой, впоследствии удостоенными звания Народный артист ТАССР. В послевоенные годы репертуар театра обогатился постановками зарубежной, русской и татарской классики.

С приходом Р. Тумашева в театр начала свою творческую жизнь плеяда замечательных актеров, которые воспитывались на произведениях нового поколения драматургов – Ю. Аминова, Т. Миннуллина, А. Гилязова, И. Юзеева и других. В спектаклях, поставленных по пьесам этих авторов, раскрылся яркий талант заслуженной артистки РФ Исламии Махмутовой, народных артистов РТ Рената Мифтахова, Халила Махмутова, Хазяр Шакуровой, Наиля Шайхутдинова, Ляли Миннуллиной, Гаты Нуруллиной, Анаса Галиуллина, Земфиры Досаевой, Розы Хабибрахмановой, Тимера Зиннурова, Зулейхи

Равиль и Диляра Тумашевы с ее отцом Гарифом Заббаровым

Хакимзяновой, Зуфара Харисова, Марсея Заббарова, Нуретдина Назмиева и многих других. В передвижном театре начинали свою театральную жизнь народные артисты РТ Зайтуна Халиуллина, Ирек Багманов.

Постановка спектаклей требовала совместной работы с композиторами, художниками. Это было незабываемое время творческого сотрудничества с Сарой Садыковой, Масгутом Имашевым, который в одном из первых спектаклей, поставленных по пьесе Аяза Гилязова, выступил в амплуа актера в паре с замечательной актрисой Люцией Фарсиной. Некоторые из произведений Масгута Габдрахмановича, написанных специально для спектаклей передвижного театра, впоследствии стали народными песнями. С благодарностью отец вспоминал художника Петра Баландина, директоров Мухаммата Хамзина и Сайта Шакурова, актера и режиссера Рафката Бикчантаева – автора фильма «Моабитская тетрадь» о подвиге поэта Мусы Джалиля. Отец рассказывал мне о нем как о талантливом, творчески одаренном человеке.

Отец любил классику татарской, русской и зарубежной драматургии и с удовольствием осуществлял постановки классических пьес – «Хаджи женится» Ш. Камала, «Мещане» М. Горького, «Без вины виноватые» А.Н. Островского, «Много шума из ничего» В. Шекспира, «Забавный случай» К. Гольдони, «Молодые сердца» Ф. Бурнаша, «Шамсикамар» М. Аблеева, «Чернолик» М. Гафури, «Ходжа Насретдин» Н. Исанбета. И все же вершиной творческой биографии отца стало время работы с драматургами-современниками. Режиссерской работе предшествовало обсуждение с авторами сценических решений, которые бы наиболее полно выразили их творческий замысел. Я хорошо помню, как они увлеченно, каждый в своей неповторимой манере, читали, сидя за столом, рукописи своих пьес: уверенно, опираясь руками в стол, немного раскачиваясь – Туфан Миннуллин, быстро, с красивой интонацией татарской речи – Аяз Гилязов. Ильдар Юзеев читал как поэт, своеобразно и проникновенно, порой вскидывая руку, подчеркивая ту или иную важную мысль.

Пьесы Туфана Миннуллина всегда хорошо принимались зрителями, а спектакли успешно ставились в разных театрах. Аяз Гилязов – признанный мастер психологической прозы. Это определило особенность его пьес, их насыщенность монологами и в силу этого сложных для актерского исполнения.

Наиболее долгим было творческое сотрудничество отца с драматургом и поэтом Ильдаром Юзеевым. В его произведениях ощущалось стремление видеть в людях прекрасное. «Я – из передвижного театра, – писал Ильдар Гафурович в своих воспоминаниях. – Кашифа Тумашева сумела разглядеть развившийся в дальнейшем мой драматический почерк, двери в Татарский государственный передвижной театр моим драматическим произведениям открыл режиссер Равиль Тумашев. Режиссер, с пониманием проникающий в своеобразие и стиль каждого автора, режиссер, который добивается доведения каждого произведения до возможного совершенства, он поднял на сцену шесть моих произведений. В то время театр, в полном смысле этого слова, превратился в

творческую лабораторию драматургов ... Водевием «Орлы гнездятся на скалах», значительная часть которого написана стихами, Р. Тумашев добился поэтического взлета зрителя на духовные скалы сценического произведения».

В 1976 году за постановку пьес Т. Миннуллина, И. Юзеева и А. Гилязова Р. Тумашеву была присуждена Государственная премия ТАССР им. Г. Тукая.

В последние года жизни отец занялся переводами на татарский язык произведений мировой классики. К его 90-летию вышло в свет подготовленное им издание переводов Б. Брехта, О. Уайльда, древнеиндийского драматурга Шудраки, У. Шекспира, Михаила Рошина.

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Работа отца в театре, а мамы – заслуженного деятеля науки России, академика АН РТ – в Казанском государственном университете сближала их с людьми искусства, деятелями науки и культуры. Долгие годы одним из самых близких друзей был для нас народный артист Татарстана и России Айрат Арсланов.

Айрат Гареевич был красивым и бесконечно добрым человеком. В нашем доме бывали народный художник России и Татарстана Баки Урманче, заслуженный деятель науки ТАССР, фольклорист Хамит Ярми, народный писатель ТАССР Гумер Баширов, поэт, писатель и переводчик Шайхи Маннур, лауреат премии им. Г. Тукая и премии им. Ханса Кристиана Андерсена поэт Шаукет Галиев, академик РАН Роальд Сагдеев, переводчик древних восточных литературных памятников Сергей Николаевич Иванов, профессор Института стран Азии и Африки МГУ Эльвира Александровна Грунина и многие другие. ■

**Уходят люди, но остается
память о сложном и
героическом времени,
в которое им пришлось
жить и творить. Я смотрю
на книги, стоящие на
книжной полке, подаренные
авторами – СИБГАТОМ
ХАКИМОМ, АБДУРАХМАНОМ
АБСАЛЯМОВЫМ, РИЗОЙ
ИШМУРАТОМ, ШАУКЕТОМ
ГАЛИЕВЫМ, РАВИЛЕМ
ФАЙЗУЛЛИНЫМ,
МУХАММАТОМ МАГДЕЕВЫМ,
МИХАИЛОМ ДЕВЯТАЕВЫМ,
и в душе оживают образы
событий прошлого, большие
смыслы ушедшей эпохи.**

*На репетиции с
актерами Татарского
государственного
передвижного театра*

► Алина Иванова

ВОЙНА! ПОВЕРЬ, ТЫ НИКОМУ НЕ НУЖНА!

Раскулачивание, раннее сиротство, постоянное чувство голода, самая кровопролитная в истории человечества война... Пережить такие беспощадные события и не ожесточиться, остаться человеком – больше, чем подвиг. Эти слова о хрупкой женщине, ветеране Великой Отечественной войны, народном художнике Республики Татарстан Рушан Мустафовне Якуповой. Вопреки тяжелым испытаниям, выпавшим на ее детскую и юношескую долю, она осталась открыта и добра. Затаив дыхание, со слезами на глазах я слушаю неторопливый рассказ, вызывающий неподдельное чувство гордости за наш народ, за нашу страну.

– Рушан Мустафовна, расскажите о своей жизни. Что Вы помните о Великой Отечественной войне?

– Да, война, война... Таким круглым сиротам, как я, она далась особенно тяжело. Родилась я в суровую зиму 1928 года в деревне Кызыл Мечеть Оренбургской области. Это далекая глухомань. Отец мой – кузнец, ювелир, видимо, по тем временам был состоятельным человеком. Смутно помню большой двухэтажный деревянный дом. В 30-е годы семью раскулачили. Отобрали все, выгнали из дома. Чтобы как-то свести концы с концами, мама стала работать уборщицей, а папа – охранником в мечети, которую преобразовали в школу. В школьном дворе был небольшой флигелек, там мы и жили, пока не умер папа. На тот момент мне было всего пять лет. Мама с тремя маленькими детьми на руках в очередной раз оказалась на улице. Надо было искать кров. Тогда нам помогли местные мужчины. Они расчистили небольшую площадку от травы, сняли почву до глинистого слоя. Мы, дети, мяли ногами смесь из глины, навоза и воды. Мама эту смесь укладывала ровными рядами и сушила. Получились саманные кирпичи. Через несколько дней из этих кирпичей мы слепили домик с маленьким окошком, русской печкой и глиняным полом. Никакой мебели не было. Вместо одеяла – большой папин тулуп. К весне вся соломенная крыша уходила на растопку, потому что дров не хватало.

Уже тогда приходилось зарабатывать на еду самим. С сестрой мы носили бабушкам воду из речки в маленьких ведерках, сделанных когда-то отцом. В благодарность за это получали кусок хлеба или кружку катыка. Брат целый день пас соседских цыплят, отгоняя прутиком коршунов, за это его кормили. Иногда старый

пастух жарил кузнечиков в огромной сковороде, которых мы ловко ловили на лугу. Уплетали их за обе щеки, как хрустящие семечки. Так и жили. Мама умерла, когда мне было восемь лет. Нас, малышей, разобрали родственники.

Шло время... В 1941 году мой старший брат, художник Байназар Альменов, перевез меня к себе в Казань. И надо же такому случиться, началась война. А я – девчонка еще, несмышлениш. Подумала, как здорово! Сейчас солдаты построятся в стройные шеренги и будут маршировать под

барабанную дробь с красными флагами. Представила войну игрой, в которую часто резвились мальчишки. Прибежала домой радостная, кричу: «Абы, абы, сугыш башланды, сугыш!» («Брат, брат, война началась, война!»). Он тогда и объяснил мне, что война – это смерть.

Тогда мы жили на улице Щапова в двухкомнатной квартире двухэтажного деревянного дома. Это были две крохотные комнатки – проходная и спальня. Вскоре из Ленинграда в Казань эвакуировали военный завод с рабочими. К нам поселили трех

девушек. В войну давали талоны на хлеб: детям и старикам по 300 грамм в день, а рабочим военных заводов – по 700. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, эти девушки устроили меня к себе на производство. Это был один из самых тяжелых периодов войны, тогда немцы уверенно наступали на столицу нашей Родины – Москву. Взрослые работали круглосуточно. Подремлют часок на полу около станка и опять за работу. Мы, дети, работали в три смены по восемь часов на 40-метровом конвейере. У каждого из нас было лекало, по которому мы сверяли детали к оружию. Никогда не забуду мальчика из еврейской семьи с нашего двора. Он – девятилетний, худенький, маленький – пришел работать на завод из-за талонов на хлеб. Не доставал до конвейера, ящик ему подставляли, он от усталости постоянно с него падал. Бригадирша жалела мальчугана. Бывало, уложит спать, а сама встанет у конвейера вместо него. А что делать? Выживали как могли, но сострадания не теряли.

На заводе работали еще репрессированные немцы с Поволжья. Не пленные. Они родились и выросли в России. А ребятня их фашистами называла. Им поручали самую тяжелую и грязную работу. Кормили плохо. Иногда в заводской столовой нам баланду наливали. Она жидкая-жидкая была. Мы её в мисках до утра настаивали, ждали, когда осядет и гуще станет. Жижуху затем сливали. Так вот немцы, опухшие от голода, в обеденный перерыв приходили и чуть ли не из наших рук эту мутную жижуху выхватывали и жадно пили.

Постоянно хотелось кушать. Хлеб в войну был не такой, как сейчас. Буханка весила больше двух килограмм. Талон давали на 700 грамм. Мы, девочки и мальчики, договаривались, сегодня я беру целый кирпич

хлеба как раз на три талона – на свой и двух товарищей – наедаюсь от пуза, но завтра и послезавтра свои талоны отдаю тем, у кого брала. А эти два дня чего только не ели, чтобы заглушить чувство голода. Если жмых достанется, хорошо. Но чаще глина черная. Берешь её в рот, долго держишь, ощущение, будто что-то съестное жуёшь.

Наш цех был огромный, в два этажа. Помню, шуток пошел, что на втором этаже женщина повесилась. Мы, любопытные дети, во время перерыва побежали посмотреть. Оказалось, что у многодетной матери украли продовольственные талоны. Муж на фронте, дома дети голодные. Как быть? Она от отчаяния прямо в цеху покончила с собой. Все очень жалели эту женщину и ее осиротевших детей. Такие страшные воспоминания детства врезаются в память на всю жизнь.

Времена были очень тяжелые. Все были заняты добыванием еды. Но люди были честные. Военный завод размещался в Новой Татарской слободе. С улицы Щапова мы ходили в такую даль пешком туда и обратно, не боялись. Девочек парни не трогали, да и в голову даже не приходило, что кто-нибудь может обидеть. Хотя беспризорных было много. Взрослым не до детей – сутками на работе. На месте нынешнего Татарского театра был сквер, куда привозили на ремонт подорванные танки. Местные мальчишки лазили по ним, хотя и был на это запрет. Любопытные пацаны находили гранаты, играли ими и, бывало, взрывались. Один раз сама стала свидетелем этой страшной картины.

Когда война закончилась, родственники жены моего брата увезли меня в Казахстан в небольшой городок Казалинск. Устроили в железнодорожное училище, училась на

помощника машиниста. Пришлось выучить казахский язык. В училище были дети из эвакуированного украинского детского дома. Они такие талантливые! Девочки хорошо пели. Все – отличные рукодельницы. Меня научили шить и вязать. Нам давали нижнее белье из грубой белой ткани, мы его перекраивали на блузки и украшали вышивкой. Обувь круглый год была одна и та же – босоножки на деревянной подошве с брезентовой тесьмой, набитой крест-накрест. Мы их носили с шерстяными носками. Тогда была очень популярна песня из американского фильма «Серенада солнечной долины»: «Мне декабрь кажется маем, На снегу я вижу цветы, Отчего так в мае сердце замирает – Знаю я, и знаешь ты». Мы ее пели на свой лад: «Нам декабрь кажется маем, И в снегу мы видим цветы, Почему, как в мае, ходим в босоножках – Знаю я, и знаешь ты». Училась я всегда на «отлично», за всю жизнь только одна «двойка», да и та за подсказку. За отличную учебу и примерное поведение подарили мне кофточку.

Сколько себя помню, для меня всегда великим счастьем было занятие рисованием. Но реализовать это желание в войну было сложно. А я умудрялась! Срезала пучок волос, привязывала к палочке, аккуратно подравнивала – кисточка готова. У многих преподавателей мужа или сыновья были на фронте. Женщины доставали где-то бумагу и черную краску. Я срисовывала с фотографий их родственников. За это меня кормили. Особенно разжигалась, когда получила приглашение в детский сад железнодорожников украсить детские шкафчики. За работу дали акварельные краски. Вот уж тогда я рисовала! Мои работы отобрали на выставку Трудовых резервов в город Кзыл-Орда. И в знак

поощрения послали на учебу в художественно-ремесленное училище в город Дулево под Москвой. Там хлеб тоже по норме выдавали. А мы девушки молодые, нам хотелось принарядиться, одеться красиво. Ремесленная форма до чего надоела! Поэтому иногда свой махонький кусочек каравая продавали на базаре. Свою первую сатиновую юбку купила на эти деньги, второй покупкой стали спортивные резиновые тапочки со шнуровкой.

Победу встретила в Казахстане. Это было всеобщее ликование. Только повзрослев, я в полной мере осознала и поняла значение слова «ПОБЕДА».

С аттестатом отличия поехала к брату в Казань. Я очень благодарна нашему государству за то, что в

самые суровые и трудные для страны годы мы, дети-сироты, имели еду, кров, возможность получить образование и профессию.

Вот что такое война для меня. Именно эти эпизоды времен Великой Отечественной у меня остались в памяти. Да, я не была на поле боя, но вносила свой посильный вклад в великую победу в глубоком тылу. На передовой воевал мой муж, народный художник Татарстана Харис Абдрахманович Якупов. Он демобилизовался лишь в 1946 году. Войну прошел «от звонка до звонка». Оставшуюся жизнь только она ему и снилась. Я очень благодарна своему Харису. Мне, сироте, которая не знала человеческой ласки и тепла, очень повезло с мужем. Он окружил меня заботой. Именно он

впервые в жизни накормил меня досьята. Сколько себя помню, постоянно хотелось есть. И это чувство меня не покидало до самого замужества.

Мне скоро исполнится 90 лет, но выбросить кусок хлеба до сих пор рука не поднимается. Да и не только хлеб. Нам, детям войны, хочется сохранить в целости все. Нам кажется, что любая вещь в скорости может обязательно пригодиться. Часто людей нашего поколения называют барахольщиками. Да, все, кто пережил войну, экономны и рачительны. Она нас научила многому: быть благодарными и честными, ценить людей и уважать труд. И тем не менее. Война, я обращаюсь к тебе без всякого уважения. Война! Поверь, ты никому не нужна! ❏

Проект Казанской хоровой ассамблеи начал формироваться еще двадцать лет назад. Его развитие было определено важнейшим педагогическим принципом Семена Абрамовича Казачкова: стать выдающимся педагогом хорового дирижирования в отрыве от практики, от постоянной работы с хором невозможно!

Педагоги и выпускники кафедры хорового дирижирования возглавляли многие хоровые коллективы города, в том числе и студенческие, и ежегодно принимали участие в консерваторских концертах. Для молодых дирижеров это было важным этапом, необходимым для приобретения концертного опыта и демонстрации творческого роста. Так и зарождалась Казанская хоровая ассамблея, задачи которой нашли свое отражение в трех направлениях: хоровое исполнительское искусство в средних и высших учебных заведениях, детское хоровое пение, татарское национальное хоровое искусство.

В далеком 1997 году состоялись концерты первой ассамблеи. Три года назад фестивалю было присвоено имя легендарного хормейстера, основоположника традиций казанской хоровой школы Семёна Абрамовича Казачкова.

XXI КАЗАНСКАЯ ХОРОВАЯ АССАМБЛЕЯ

Хоровой форум 2017 года открылся концертом, посвященным юбилею Алевтины Булдаковой – ученицы Казачкова, профессора Казанской консерватории, заслуженного деятеля искусств Татарстана. Алевтина Владимировна внесла огромный вклад в развитие хорового искусства Казани: по ее инициативе были созданы хор Казанского энергетического института, хор рабочих завода «Электроприбор», камерный хор «Dornenkronе» при Казанском немецком обществе (последний удостоился звания лауреата на международных конкурсах в Финляндии, на Мальте, в Италии и России). В начале 2000-х Булдакова организовала хор учителей детских музыкальных школ Казани, руководила хоровыми коллективами Казанского института культуры и Казанского музыкального колледжа.

На концерте выступили коллеги и ученики Алевтины Владимировны, ныне известные дирижеры из разных городов России: Москвы, Казани, Ижевска, Оренбурга и Чебоксар.

Еще один фестивальный вечер ассамблеи был назван «Gaudeamus igitur!..» («Будем радоваться!..»). В нем приняли участие лауреаты международных и всероссийских конкурсов: народный коллектив России, Хоровая капелла им. Л.Е. Усцова Казанского федерального университета под управлением Эры Даниловой и Смешанный хор Казанского музыкального колледжа им. И.В. Аухадеева под управлением Дины Венедиктовой.

В рамках ассамблеи прошел VI Международный конкурс хоровых дирижеров, в котором приняли участие студенты старших курсов музыкальных колледжей из городов России, Беларуси и Казахстана.

«Конкурс носит демократический характер: не требуются взносы, в определенных случаях конкурсантам предоставляются опытные концертмейстеры. Наши условия дают возможность участия в конкурсе приезжим от Улан-Удэ, Астаны, Кургана, Новосибирска и Челябинска до Нижнего Новгорода, Волгограда и Москвы», – отметил председатель жюри, заслуженный деятель искусств России, заведующий кафедрой хорового дирижирования Казанской консерватории, профессор Владислав Георгиевич Лукьянов.

Мероприятие открылось концертом Хора студентов Казанской консерватории под управлением Владислава Лукьянова. На протяжении двух дней 55 участников демонстрировали строгому жюри свои умения и навыки. Лауреатами конкурса-смотря хоровых дирижеров стали учащиеся колледжей Минска, Москвы, Барнаула, Казани и Екатеринбурга.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОКИ

С 2003 года в состав ассамблеи входит Фестиваль татарской хоровой музыки, который в этом году отметил свой 15-летний юбилей. Организатором проекта является заслуженный деятель искусств Татарстана, заведующий кафедрой музыкального театра Казанской консерватории, профессор Альфия Заппарова.

Эта фестивальная ветвь призвана представить публике богатую палитру академической и народной музыки республики. Особую важность приобретает и просветительская задача: в рамках проекта исполняются премьерные сочинения татарских композиторов – кантаты, оратории, мистерии, оперы.

За многие годы программы фестиваля были посвящены известным и незаслуженно забытым композиторам, великим поэтам, духовной музыке и колыбельным песням татарского народа. Звучала музыка Назиба Жиганова, Александра Ключарева, Азгара Абдуллина, Алмаза Монасыпова, Шамиля Шарифуллина, современных композиторов Рашида Калимуллина и Светланы Зорюковой.

Юбилейный XV Фестиваль татарской хоровой музыки открылся благотворительным концертом для ветеранов «Без жырлыбыз» («Мы поем») в Национальном музее Республики Татарстан.

Фестиваль, как и вся ассамблея, – не только калейдоскоп ярких запоминающихся концертов, в него также

входит Международный конкурс вокально-хоровых коллективов. С периодичностью раз в два года проходят прослушивания ансамблей и хоров из разных городов и стран, для руководителей устраиваются круглые столы, проводятся дискуссии на актуальные темы.

«Создание такого масштабного проекта – колоссальный труд, – рассказала Альфия Заппарова. – В то же время мы понимаем, что это необходимо для будущих поколений музыкантов. Ведь сегодня все больше люди увлекаются зарубежной эстрадой, джазом. Это не плохо, однако национальный «родник» может затеряться в бурном потоке глобализма. Поэтому если не мы, то кто же еще? Каждый наш фестиваль – это рождение чего-то нового. И каждый год мы восхищаемся безграничностью хорового искусства – ведь непременно находится что-то свежее и интересное».

Как правило, каждый конкурс становится тематическим: участники готовят обязательные произведения одного из композиторов Татарстана. В этом году обязательными сочинениями для исполнения на конкурсе стали произведения Шамиля Шарифуллина – известного татарского композитора, автора хорового концерта «Мунаджаты». Заявки на участие в конкурсе были присланы из Азербайджана, Украины и Латвии. Большим гала-концертом «Донья матур» («Мир прекрасен») с участием лауреатов конкурса завершился весь фестиваль.

Казанская хоровая ассамблея дает возможность не только продемонстрировать творческие результаты, но и плодотворно общаться с коллегами, обмениваться опытом, что отвечает самой идее хорового искусства – единению людей в процессе совместного творчества. ■

► Анастасия Иванова,
Медиа Лаборатория Университета Талантов

О ЖИЗНИ ХИМИКА, ЛЮБЯЩЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ, ИЛИ КАК «ТРОЙКА» МЕНЯЕТ СУДЬБУ

Мы продолжаем общаться с молодыми татарстанцами, которые уже реализовали свой талант и теперь подают пример другим. Сегодня наш герой – золотой медалист Международной олимпиады школьников по химии, двукратный золотой медалист Менделеевской международной олимпиады, трехкратный победитель Всероссийской олимпиады школьников по химии – Булат Курамшин. Сейчас Булат учится на 1 курсе Химического института им. А.М. Бутлерова Казанского (Приволжского) федерального университета и преподает в лицее №131 (г. Казань), в котором учился.

Фото из архива Университета Талантов

– Как сложилась твоя история с химией?

– Меня разозлила моя первая тройка по химии. Я получил её в восьмом классе, и меня это подстегнуло к усердной работе: я хорошо писал контрольные и участвовал в олимпиадах. Когда-то я занимался в кружке по химии, решал сложные задачи. Благодаря этому опыту, я трижды выигрывал Всероссийскую школьную олимпиаду.

– Какой путь ты прошел до Международной олимпиады?

– Сначала я выиграл Всероссийскую олимпиаду. Также я прошел и внутреннюю олимпиаду: 20 победителей собрали на химическом факультете МГУ, где нас готовили, и в итоге на Международном уровне от России приняли участие четыре человека.

– Победа в Международной олимпиаде открыла перед тобой множество дверей. Почему ты решил поступать в Казанский федеральный университет?

– Весь 11-ый класс я колебался между МГУ и КФУ. В итоге остановился на Казанском федеральном и не жалею. У моей жизни в Казани много плюсов: здесь я не отвлекаюсь от учебы, науки и преподавания на бытовые вопросы.

– Ты бы хотел провести свое исследование?

– Сейчас я просто изучаю химию. Я уже знаю материал первого курса и половину второго. Благодаря этому, сейчас у меня больше свободного времени, и я уделяю его занятиям со школьниками. Также я занимаюсь научной деятельностью в лаборатории, ставлю эксперименты.

– Тебя вдохновляет химия?

– Иногда мне кажется, что она не логична, тогда я просто должен отдохнуть. Чаше я чувствую, что она идеальна. Химия красива, но не на бумаге, а в реакциях, в опытах.

– Какие планы на будущее?

– После окончания университета собираюсь заниматься научной работой. Точно могу сказать, что буду преподавать в школе, потому что считаю: закладывать базу знаний важно именно со школы. Главное – чтобы в это время рядом был наставник.

– А у тебя был наставник?

– Конечно, меня поддерживали родители и два учителя химии: Альфия Блигвардовна Хабибулина – директор нашего лицея, и учитель химии – Эльфия Рустамовна Сафоновна. Она направила меня в нужное русло, когда я еще только начинал изучать этот предмет.

– Есть ли, на твой взгляд, проблемы в образовании?

– ЕГЭ – вот проблема. Только в математике можно определить уровень знаний путем госэкзамена: там есть сложные и легкие задачи. ЕГЭ по химии вызывает сложности, потому что школьная химия не имеет никакого отношения к реальности. А всё потому, что в школах сильно упрощают дисциплину.

– Думаешь в школе нужно давать сразу все правила и исключения?

– Своим ученикам я говорю, что есть множество исключений к каждому правилу. Я считаю, что учитель должен давать дополнительные знания, завлекать детей в науку. Например, можно рассказать, какие химические свойства могут быть полезны людям в быту.

– Считаешь ли ты себя успешным человеком?

– Я считаю, что успешно закончил школу. Теперь нужно достичь успеха в научной деятельности. Ученики, которых я готовил, хорошо написали предметную школьную олимпиаду – это тоже для меня показатель успеха.

Чтобы чего-то достичь, нужно быть усердным и старательным. Это один из элементов рецепта любого успеха. ▀

► Ландыш Фазуллина

Бэрэкетле

«В ХАРАМЕ НЕТ БАРАКАТА!»

В каждом городе или селе есть кафе и рестораны. Они открываются, а через некоторое время многие, не выдержав конкуренции либо из-за маленького дохода, закрываются. Радует то, что в последние годы возросло количество халяль заведений общественного питания. Один из руководителей таких кафе ГУЗЕЛЬ ТАЗЮКОВА поделилась с нами секретами успеха.

Гузель, что сподвигло тебя открыть кафе-пекарню? Почему вы выбрали название «Бэрэкетле»?

Мы с мужем выходцы из деревни Шыгырдан Чувашской республики. Обосновались в Казани, устроились в банк: я – бухгалтером, супруг – финансистом. Слава Всевышнему, один за другим у нас родились двое детей. Как известно, в этот период у многих мамочек пробуждаются творческие способности: одни начинают вязать, другие рисовать, третьи шить... Кроме воспитания детей, я старалась создать уютную атмосферу дома, готовила вкусные блюда. Однажды мне пришла идея открыть пекарню. А почему бы и нет?!

И вот уже три года, как мы работаем. Пекарня и наши блюда успели понравиться жителям близлежащих домов. Спустя какое-то время начали поступать предложения об открытии кафе, так как любителям нашей кухни хотелось не только купить понравившуюся выпечку, но и отведать горячие блюда в самой пекарне. Кто-то хотел суп-лапшу, кто-то – пельмени. Вот мы и решили открыть кафе. Тем более, что для этого у нас были все условия: своя пекарня. Сейчас наша организация объединяет пекарню и кафе. Мы рады тому, что можем кормить жителей Казани

На правах рекламы

вкусной и качественной едой, приготовленной с любовью. Нам понадобилась неделя, чтобы определиться с названием. Источником вдохновения стали слова одного из посетителей. Он пришел в кафе, отведал горячие блюда, а напоследок поблагодарил и пожелал нашему дому и кафе бараката. Это слово тут же пришлось нам по душе.

Гузель, допустим, я хочу открыть кафе. Какой объем инвестиций необходим и каков срок окупаемости этих вложений?

Мы не брали кредит в банках. Слава Всевышнему, с начальным капиталом нам помог мой брат. Чтобы арендовать помещение в пятьдесят шесть квадратных метров, необходимо примерно шестьсот тысяч рублей. За пол года можно покрыть затраты.

С какими проблемами пришлось столкнуться в самом начале пути?

Проблемы есть везде. Мы – не исключение. Но они решаемы. Долго искали место, отвечающее нашим запросам. На начальном этапе нам помогли и мама, и брат, и его супруга. Я очень благодарна родным и близким.

Начали проводить стажировки. Желающие устраивались на работу. Те, кто не справился, уходили. Из того коллектива, который был сформирован три года назад, четыре девушки до сих пор работают. Остальные сменились. Рабочее время с 06.00 утра до 18.00 вечера. Три дня работают, три дня отдыхают. Официальное трудоустройство, заработная плата, выплата больничных листов – все это предусмотрено.

Что особенного в вашем кафе?

У нас по-домашнему вкусные, а самое главное – халляль блюда.

У многих предпринимателей в кафе и ресторанах клиентам предлагаются спиртные напитки. Руководители данных заведений утверждают, что большую часть дохода приносят именно они. Ваше мнение по этому поводу?

В нашем кафе спиртные напитки и харам блюда не продаются. Мы также запрещаем приносить и распивать их. И без этого «добра» работа кипит. В хараме нет бараката!

Проводите ли вы для своих посетителей акции, праздники, мастер-классы?

Ежедневно с 08.00 до 11.00 часов утра с тридцатипроцентной скидкой распродаем выпечки и блюда, оставшиеся с вечера. В скором времени собираемся объявить

новую акцию: в пятницу в течение всего дня предоставлять пенсионерам пятипроцентную скидку. В священный месяц Рамазан планируем ввести специальное меню для постящихся. Также у нас проводятся меджлисы для гостей с численностью в двадцать человек.

Какие блюда в меню твои любимые? Что больше заказывают? Имеется ли у вас доставка по городу?

В меню есть первые, вторые блюда, выпечка. Я люблю все, что у нас готовится. Больше всего заказов поступает на пироги, торты и полуфабрикаты. По Казани осуществляется доставка. Когда общая сумма заказа более тысячи рублей, то доставка бесплатная.

Как по-вашему, от чего зависит успех в работе?

Мы хотим приносить добро людям, кормить их вкусной едой. Успех, конечно, зависит от качества. Еще необходимо уметь делиться. Мы помогаем детям с ограниченными физическими возможностями, которые воспитываются как в отдельных семьях, так и в интернатах Казани.

Планируете ли вы в ближайшее время открыть новые кафе-пекарни?

Разумеется. В начале апреля на улице Фучика прошло торжественное открытие второго кафе-пекарни «Бэрэкэгле». Потихонечку расширяемся.

Никогда еще не видела, как директор кафе, повязав платок и надев передник, сам же участвует в процессе приготовления блюд.

Эта работа мне по душе. Поэтому, когда у меня есть время и настроение, я принимаю участие в этом благородном деле. Особенно люблю украшать торты и чак-чак.

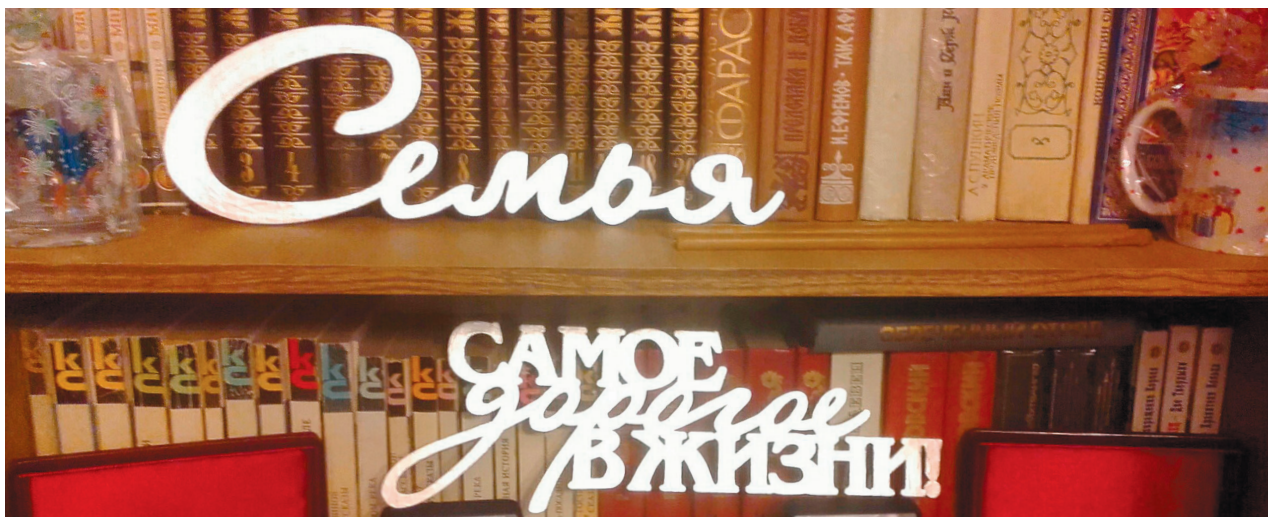
Мы от всей души желаем, чтобы чистые намерения, блюда, приготовленные с любовью сотрудников «Бэрэкэгле», всегда приносили баракат им же самим.

Предъявителю купона скидка **10%** на всю продукцию кафе-пекарни «Бэрэкэгле» **с 15 мая по 15 июня 2017 года.**

Кафе-пекарня «Бэрэкэгле»
Работает ежедневно с 08.00 до 20.00 ч.
Прием заказов: WhatsApp,
Viber 89270303172

Адреса: г. Казань, ул. Академика
Сахарова, д. 27, ул. Фучика, д. 8

КРЕПКАЯ СЕМЬЯ — НАДЕЖНАЯ ОПОРА

Семья Исмаиловых живет в Жигулевске. В конце 2016 года губернатор Самарской области вручил многодетным родителям – супругам Исмаиловым Орден «Родительская слава». В семье четверо детей: Диана, Тимур, Иван и Лена. Зовут родителей Амир Пулатович и Татьяна Олеговна. Местом жительства двадцать лет назад они выбрали тихое место в Жигулевске: рядом с их домом лес и горы.

Глава семьи окончил Ташкентский электротехнический институт связи, работал командиром роты вертолетного полка. После переезда в Самарскую область Амир Пулатович преподавал математику в Жигулевской детской колонии. А сейчас работает на заводе «Тольяттикаучук» руководителем смены. Татьяна Олеговна работает в «Энергонефть Самара».

В 1997 году родилась их первая дочь Диана. Сейчас она студентка Московского государственного строительного университета. Ей по душе архитектура и дизайнерское дело. Проектированием она занималась еще в школе, также окончила художественную школу.

В 1998 году в семье Исмаиловых родился сын Тимур, а в 1999 – Иван. Многодетная семья в непростые девяностые... Однако только в большой семье по-настоящему крепкий тыл. Дети, когда вырастут, станут и для родителей, и друг для друга поддержкой.

Сыновей отдали в спорт, но мальчики, как и их сестра, обучаются в художественной школе. У Тимура и Ивана математический склад ума, с детства они увлеклись математикой. Братья, как и их сестра, – участники многочисленных конкурсов, в том числе и международных.

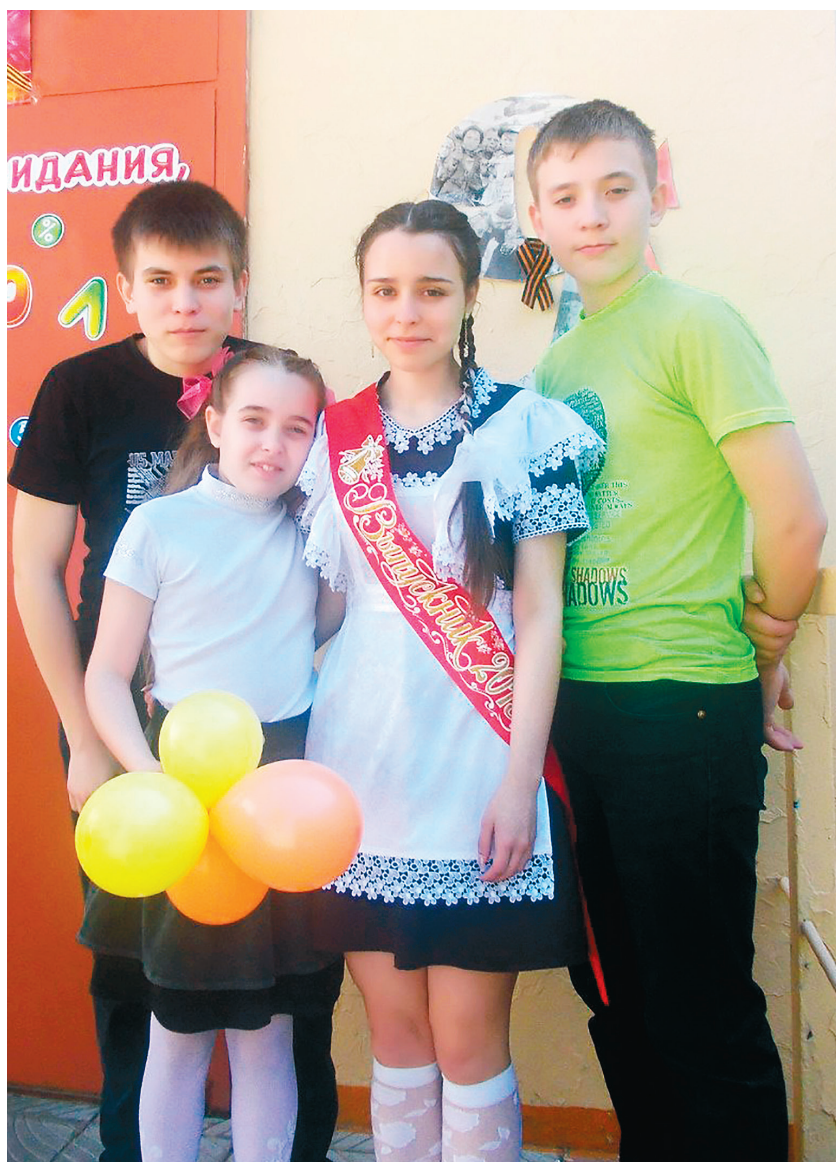
Самая младшая – лапочка-дочка Лена только-только пошла в школу, и учеба идет легко и успешно!

В 2015 году глава семьи Исмаиловых Амир Пулатович стал победителем областного конкурса общественного признания «Во имя отцовства» и получил знак отличия. А Татьяне Олеговне в торжественной обстановке вручили почетную грамоту и благодарственное письмо от главы администрации Жигулевска. Орден «Родительская

слава», который вручается гражданам России за вклад в укрепление института семьи и воспитания детей, семья Исмаиловых получила от губернатора Самарской области.

В Татарстане смешанными браками никого не удивишь. Татьяна, ныне мать четверых детей, была в своей семье единственным ребенком и всегда мечтала, что у нее самой будет много детей. Мечта ее сбылась: Татьяна состоялась как

мать, как жена. И Амир Пулатович и дерево посадил, и сына вырастил, и не одного, и не только сына. Семья – начало начал человека, в семье закладываются ценности, с которыми и во имя которых человек живет потом всю жизнь. Детство – самые теплые воспоминания, пример родителей формирует личность человека. Семья Исмаиловых – пример счастливой семьи, где каждый любим, где каждый – особенный. ■

► Альбина Абсаямова

Лучший диагност – ПАТОЛОГОАНАТОМ

Микроскопы, стекла, реагенты. Вооружившись этими инструментами, заведующий патологоанатомическим отделением ГАУЗ МКДЦ, главный внештатный патологоанатом Министерства здравоохранения РТ Насима ГИЗАТУЛЛИНА проникает в самую суть вещей, в глубину, видит то, чего не увидит ни терапевт на приеме, ни хирург во время операции. Вопреки устоявшемуся мифу, ее работа – это работа для живых.

Теория клеточной патологии ВИРХОВА

Первым строго научным учением о сущности болезни была теория клеточной патологии выдающегося немецкого патолога Рудольфа Вирхова (1821-1902). В опубликованной им в 1858 г. книге «Клеточная патология» Вирхов утверждал, что болезнь – это повреждение клеток, от которых «зависит жизнь, здоровье, болезнь и смерть». С точки зрения Вирхова, болезнь детерминирована результатом прямого действия материальных причинных факторов на различные клетки, ответ которых часто определяется не столько спецификой патогенного агента, сколько заложенными в клетках природными свойствами и предрасположенностями. Сеченов характеризовал учение Вирхова как «крайнюю ступень развития анатомического направления в патологии».

ЛЮДИ ДУМАЮТ, ЧТО...

Патологоанатом – это тот, кто работает в секционном зале и занимается вскрытием. На самом деле все иначе: если взять весь объем нашей работы за 100%, окажется, что на вскрытие приходится меньше 10%. Все остальное – это прижизненная диагностика, работа с материалом живых людей. Именно от того, насколько точной будет эта диагностика, в конечном итоге зависит жизнь человека. Кардиологи занимаются только сердцем, пульмонологи – легкими, а патологоанатом должен знать все о строении абсолютно всех органов и тканей.

МОЙ ПУТЬ

Когда я только поступала в вуз, я хотела стать хирургом. В процессе обучения решила стать анестезиологом, а к окончанию учебы поняла: буду либо судмедэкспертом, либо патологоанатомом. Мне интересно видеть сам субстрат, саму патологию изнутри. Ведь терапевт ставит диагноз на основе анализов, рентгеновских снимков, того, как он послушал больного, пропальпировал, расспросил о его жалобах, а я вижу сам источник болезни.

С КАКИМ МАТЕРИАЛОМ МЫ РАБОТАЕМ?

С операционным и биопсийным. Это значит, что кусочки органов и тканей, а может быть, и целый орган берутся у пациента во время операции или биопсии и присылаются нам. Мы проводим гистологическую обработку, готовим микропрепараты и исследуем их под микроскопом. Изготовлением микропрепаратов занимаются фельдшеры-лаборанты, от точности и аккуратности работы которых зависит результат исследования. В нашем отделении работают высококлассные специалисты по обработке

гистологического материала. Именно они являются главными помощниками врача-патологоанатома.

ДО И ПОСЛЕ

Исследовав материал до и после лечения, мы помогаем клиницисту оценить эффективность проведенной терапии: все препараты, которые принимал больной, отражаются на строении его клеток и тканей. Мы можем определить степень активности воспалительного процесса, наличие инфекционной патологии.

ЦЕНА ВОПРОСА

На нас лежит большая ответственность, особенно в дифференциальной диагностике онкологических заболеваний. Ведь если мы не увидим изменения, которые характерны для опухоли, и не поставим вовремя диагноз, последствия могут быть весьма плачевными. Гипердиагностика тоже опасна: только представьте, что будет, если неопытный специалист увидит рак там, где его нет!

ИНТЕРЕСНЫЕ СЛУЧАИ? КОНЕЧНО!

Например, сегодня: в брюшной полости человека протекал воспалительный процесс, но его причины определить не получалось. Вот, смотрите (*даст заглянуть в микроскоп, подробно объясняет, что там видно*): оказалось, что все дело в... паразитах! Глистная инвазия в кишку способствовала развитию воспалительного процесса. Стало ясно: лечение будет направлено на ликвидацию инфекционного паразитарного заболевания. Если бы нашлась другая причина воспаления, то и лечение было бы другим.

АЛГЕБРА И ГАРМОНИЯ

Наша работа очень интересная. С одной стороны, она имеет что-то общее

с математикой, когда на основе набора признаков, параметров, изменений в тканях нужно сделать точный вывод о том, что это именно та, а не иная болезнь; в то же время всегда присутствует элемент творчества, потому что надо уметь увидеть взаимосвязь всех признаков, всю совокупность факторов и причин.

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ

В нашей специальности как нигде развито взаимодействие с коллегами. Мы постоянно общаемся, консультируемся, обмениваемся опытом, обсуждаем сложные и необычные случаи. Без этого совершенствоваться в профессии невозможно.

ЧТО ТАМ ВНУТРИ?

Да, мы занимаемся и вскрытием. Для чего? Чтобы определить причину смерти. Спросите: разве без этого она непонятна? Да, многие вещи ясны и так: если к смерти привела сердечная недостаточность, то картина будет одна, если почечная – совсем другая, так что это не основная задача вскрытия, хотя надо понимать: врач-патологоанатом ставит патологоанатомический диагноз, который в итоге может совпасть с клиническим, а может и отличаться. Вскрытие, в первую очередь, важно для клинициста, поэтому на каждом вскрытии обязательно присутствуют лечащие врачи, хирурги, реаниматологи. Им обязательно нужно видеть «изнутри», что одна и та же болезнь может проходить по разным сценариям.

PRO ET CONTRA

Что делать, если родственники против вскрытия? В основном закон №323-ФЗ «Об охране здоровья граждан» прописано, что вскрытие может не проводиться по желанию родственников, например, по религиозным соображениям, за

исключением некоторых ситуаций, когда оно обязательно: если человек умер в больнице в течение первых суток, или если у него было инфекционное заболевание или хотя бы подозрение на него, если он умирает во время или после операции, при переливании крови... Здесь пожелания родственников могут быть отклонены.

СУД ДА ДЕЛО

Вскрытия бывают не только патологоанатомические, но и судебно-медицинские. Патологоанатом работает только с умершими от естественных причин – от болезней или старости. Последнее в чистом виде встречается крайне редко. А вот насильственная смерть, травмы, отравления, аварии, катастрофы – прерогатива судебной медицины. Бывает, что во время патологоанатомического вскрытия обнаруживаются признаки насилия. Например, доставленный в медицинское учреждение человек был найден на улице без сознания. С подозрением на инсульт он попадает в больницу, умирает, а во время патологоанатомического вскрытия у него обнаруживается перелом основания черепа, клинически по ряду причин не диагностированный. Согласно регламенту, вскрытие в этот момент приостанавливается и переводится в разряд судебно-медицинского. Тогда экспертиза трупа проводится в бюро судебно-медицинской экспертизы, где судмедэксперты работают в тесном контакте с правоохранительными органами.

МНЕ НИКОГДА НЕ БЫЛО СТРАШНО

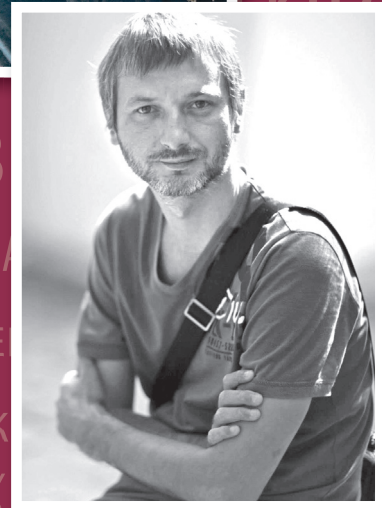
Кровь, запах? Ну и что? Я не фокусируюсь на этих вещах, мне важно узнать, какие процессы происходят внутри человека, постичь их самую суть.

Бывает, что количество или качество материала не позволяет поставить диагноз, тогда испытываешь огромное разочарование. Я рада, что это бывает очень редко, ведь всегда хочется, чтобы была поставлена точка и дан точный ответ на вопрос клинициста, требующий подтверждения или опровержения диагноза. ▀

ПАТОЛОГОАНАТОМ –

лучший диагност, дальше уже некуда. После проведения вскрытия тот диагноз, который он выставляет, является последней инстанцией. И в прижизненной диагностике за патологоанатомом всегда остается последнее слово, ведь он оперирует данными и макроскопических, и микроскопических исследований. Я отказалась от судебной медицины в пользу патанатомии потому, что большую часть времени мы работаем для живых. Это наша основная задача.

ПОРТРЕТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ АКТИВНЫЙ
ОТДЫХ ДЕБЮТ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК НОВИНКИ ОТ ТАТАРСКОГО
КНИЖНО БЕЗ ОБЛОЖКИ В ПЕРЕВОДЕ
НАУ Т ПРО ЧТЕНИЕ
ПРОЗ ОФИКСАЦИЯ
ИМ ТОЖЕ Б КОГО КНИЖНОГО
ИЗДАТЕ РУКАМИ ВЕЧНЫЙ
ЧЕЛОВЕ ЮБИЛЕИ
ВЧЕРА VS СЕГОДНЯ ПОРТРЕТ АКТИВНЫЙ
ОТДЫХ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ТАРСКОГО
КНИЖНОГО ИЗ ТЕТРАДИ БЕЗ
НАУКОГРАД ПОЭЗИЯ СВОИМИ РУКАМИ ПЕРЕВОДЕ
ПРОЗА (О) ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ВЧЕРА VS СЕ ЧТЕНИЕ
ИМ ТОЖЕ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ПОРТРЕТ ЭПОХИ НОВИНКИ НИЖНОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА ИЗ ТЕТРАДИ БЕЗ ОБЛОЖКИ СВОИМИ РУКАМИ ВЕЧНЫЙ
ЧЕЛОВЕК ОФИКСАЦИЯ ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК АФИША ЮБИЛЕИ
ВЧЕРА VS ПОСЛА ВОЛНА ПОРТРЕТ ЭП АКТИВНЫЙ
ОТДЫХ ЛИТПРОЦЕСС ВЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК ОТ ТАТАРСКОГО
КНИЖНО И В ПЕРЕВОДЕ
НАУ РУКАМИ ДЕБЮТ
ПРО ЧТ СЕГОДНЯ НОВИНКИ
ОТ ТАТА РИЗОНТ СОБЫТИЙ ИМ ТОЖЕ
БЫЛО ДВАДЦАТЬ ПОРТРЕТ ЭПОХИ НОВИНКИ ОТ ТАТАРСКОГО КНИЖНОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА ИЗ ТЕТРАДИ БЕЗ ОБЛОЖКИ СВОИМИ РУКАМИ ВЕЧНЫЙ

- > ПОЭЗИЯ
- > В ПЕРЕВОДЕ
- > ПРО ЧТЕНИЕ
- > БАЛ-ОМУТ
- > ДЕБЮТ
- > ЛИТПРОЦЕСС

Родился в р.п. Тяжин Кемеровской обл. В 1977 году поступил в Новосибирское высшее военное общевойсковое училище, в газете которого состоялись первые публикации стихов. Был военным корреспондентом дивизионной газеты в Забайкальском военном округе, в окружной газете «На боевом посту» (г. Чита). В 1991 году окончил журфак Военной академии (г. Москва) и был направлен в Новосибирск, где работал в окружной газете «Воин России», был сотрудником и руководителем пресс-службы СибВО. Вел авторскую программу на канале «Радио «Слово». С 2000 года – на федеральной государственной гражданской службе. В 2006 году награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени за вклад в сохранение культурного наследия Сибири. Публиковался в ряде периодических и литературных изданий Сибирского федерального округа. Читатели Татарстана также знают Геннадия Попрыгу по публикациям в журналах «Казань» (2013) и «Идель» (2014). Автор поэтических сборников «Край неисчерпаемой любви» (2013) и «Фактор-резус» (2016). С 2008 года живёт и работает в Москве.

Геннадий Попрыга

Пока теплом ласкает бабье лето,
и медь его горит, как золотая,
не говори, что песней недопетой
оставит грусть на небе птичья стая.

Да не затем, чтоб только лишь проститься:
подать, быть может, знак – и присмотреться,
как здесь вокруг уже другие птицы
свой куст рябины выбрали погреться.

О том, что лето сделать не успело,
грустить теперь, наверное, не надо...
Зачем жалеть о том, что отзвенело,
с капелью бронзовой и шорохами сада?

Позолотило ведь, не побелило...
А повод просто, помолчав, услышать,
как налегке прощается, как мило
помашет вслед листок, шурша по крыше.

И пусть не эти грустные мотивы
вдруг растревожат сонмом приходящим...
Пока есть бабье лето, будь счастливой
До каждой капли счастья в настоящем.

ЗИМНИЙ УЗОРНИК

Зимняя мозаика.
На стекле – узоры.
Как в калейдоскопе,
снежные просторы:
то с авантюрином
бисера по краю,
то волшебной смальтой
нежно заиграют.

И поэмки вихри
пляшут, натываясь,
на сугробы-кочки,
как пугливый заяц.
А до горизонта –
все цвета навстречу
бесшабашной тройкой
к лесу, через речку.

Видишь, да не вырвешь!
В пору плакать нынче,
что не мастер кисти
с гением да Винчи.
Чтобы, как художник,
в зимней галерее
весь этот узорник
к полотну примерить.

Может, ты права, что как в Зайсане
мало мест прекрасней в этом мире.
Но я не такой по жизни странник,
чтоб забыть, что родом из Сибири.

Как долина солнцем не богата,
вряд ли мне согреться здесь удастся:
разве степь до края виновата,
что я родом всё же из Кузбасса?

Там в свои права вступает осень,
отленившись в солнечной истоме.
Там, среди озёр, берёз и сосен,
мне в душе всегда тепло, как в доме...

И глаза твои на полдолины
с отраженьем ярких звёзд Зайсана
лишь напомнят в сумрачные зимы
угольки-тюльпаны Казахстана.

Так спокойно спится
и легко забвенье...
Хорошо счастливицу
на твоих коленях.

Как ночные птицы
перевоплощений,
далеко зарницы,
матовые тени.

Ничего не снится,
ни следа сомнений...
Ты – его царица
звездных вдохновений.

Чтобы превратиться
в фейерверк мгновений...
Тот, что воплотится
в свет его творений.

Тот, что не растает,
словно небылица,
и тепло оставит,
прежде чем проститься.

Не буди напрасно.
Пусть он отоспится...
Он не так уж часто
может быть счастливым.

ЮБИЛЕЙНОЕ

Полвека – только
первая ступень,
чтоб через тернии
добраться до орбиты.
И мир внизу,
прекрасный, как сирень,
благодарить за этот
путь открытий.
За каждый день,
за каждый новый шаг,
нас в мудрый космос
направлявший верно...
Чтоб на второй ступени
и душа
свет излучала
тем, внизу, на первой.

СУХОВЕЙ

Погодой вновь побит рекорд,
как повод загулять:
вот суховой через сто лет
накрыл Москву опять!

Он из пустыни к нам пришёл,
где больше жизни нет,
видать, всё высушив до дна,
прислать решил привет.

На фоне санкций и жары
не весть какая весть.
Но у кого-то вот теперь
напиться повод есть.

За катаклизмом катаклизм
недаром к нам несёт:
то летний снег, то град с яйцо,
то вдруг тайфун идёт...

А сквозь туман всемирной лжи
Ползёт тоской в умах,
не то – молчание ягнят,
не то – застывший страх.

Страх перед тем, что знают все,
да вслух не говорят,
как про одесский Холокост...
Но души – не горят!

И про Донбасс молчат, о том,
куда огонь идёт...
От взрывов светятся дома,
а фосфор – сердце жжёт.

Такой славянский катаклизм,
на всю ООН вопрос...
Здесь, если где-то полыхнёт,
Надолго и всерьёз.

Пусть даже кончится жара,
кому сказать ещё,
что в нашей средней полосе
погода – это всё?

И, чёрт возьми, уж никогда
не будет веселей:
по душам, высушив до дна,
промчался суховой!

БАЛЛАДА О МЕЧТАХ

Полетели с клёнов вертолётки
за мечтой к небесному родству...
Как же нам хотелось в детстве в «ётики»,
глядя на осеннюю листву!

Как хотелось нам в края небесные,
словно конфетти, с листвою взлетать...
Мы себе давали клятвы – честные,
чистым небесам совсем под стать.

Юношами – в секции спортивные,
вечером – в забор бросать ножи ...
Мы мечтали – сильные, наивные –
в небеса подняться, чтобы жить!

Но не многие окончили училища.
И не лётные. И всё же кто-то смог
всем назло и через все чистилища
за мечтой переступить порог.

И теперь мы – дяденьки и тётеньки –
трём глаза перед экраном, будто дым
застелил мечты про вертолётки
под сирийским небом грозным.

Там, где жить в чужих краях приходится,
кто-то будет тоже вспоминать,
что дороже всех мечты обходятся
тем, кому и незачем мечтать.

В этом вечернем графитном саду
в пику притихшей округ
через молчания стену войду
эхом последней разлуки.

В ранах под сердцем – осколки вины,
каждый – размером с измену...
Но коль мы знаем, что были верны,
к черту и ревности сцены!
Вынуть их сразу – больней, но быстрее
вылечить этим обиды.
Вечером сад уже не для гостей,
здесь для двоих только виды.

И пониманием буду польщён,
как на двери табличка,
что «Посторонним вход воспрещён!».
Ведь и любовь – не привычка.

Дамир Тисметдинов

ДОМ НАД ОБРЫВОМ

Продолжение. Начало в №4

Время текло быстро. Страна жила от выборов до выборов. Создавались какие-то партии, избирательные блоки. Со всем агитационным жаром, мощным телевизионным потенциалом СМИ обрушивались на электорат, который шел на участки в полном смятении, мешаниной в головах и голосовал против всех. Избирательные технологии внедрялись на ходу, снова в моду вошло меткое выражение Сталина: «Неважно, как голосовали, важно, как подсчитали». Выборная система то и дело съезжала в старую колею и никак не хотела модернизироваться. Частенько попытки в этом направлении напоминали совершенствование телеги, так как иные технологии на нашей земле плохо приживались. Многие можно было объяснить одним словом «квази»: квазидемократия, квазिवыборы, квазипартийность, квазипорядочность...

Идея местного самоуправления была задумана и реализована федеральной властью. И тут ограничивались, как любил говорить отец перестройки, паллиативными мерами. То есть половинчатыми решениями. На бумаге все вроде было гладко. Провозглашалась демократия, расписаны были инструменты вроде референдумов, опросов, анкетирования и прочее. Но в конечном счете избранными в местную власть оказывались шустрые люди с мошенническим уклоном, любители поболтать, наобещать с три короба. Частенько среди тех, кто избирался в местную власть, оказывались временщики, у коих было одно на уме — сорвать погуще, побольше и тикать подальше.

Колхозы друг за другом приходили в упадок, разорялись. Некоторые подпадали под влияние инвесторов. Председатели пошустрее тайно

продавали колхозные земли. А затем перебирались в города в элитные квартиры. Не минула сия чаша и орденоносный колхоз «Чишма».

Назифа в конце концов уговорили. Он, можно сказать, без особой нервозности был большинством голосов избран руководителем местного сельхозпредприятия. Молодому руководителю вникать приходилось основательно. Не хватало знаний, опыта. За каких-то полгода предприятие финансово подсело прилично. Не хватало техники, не была выработана стратегия развития. Назиф присматривался к опыту соседей. Много ездил. В общем, решено было заниматься знакомым делом — овощеводством.

— Будем выращивать овощи, — сказал Назиф, собрав всех трудоспособных односельчан. — Помидоры, огурцы, укроп и прочие. Экономически выгодно. Придется брать кредиты...

Народ поверил. Пришлось строить теплицы. Некоторые отошли от привычного уклада — засаживали овощами даже традиционные 25 соток, отведенные под картошку.

Тем временем в Москве опять власть поменялась. Стране показали трогательное новогоднее обращение Бориса Ельцина, где он сказал, что уходит с поста президента. Надо отдать должное Ельцину: впервые в российской истории глава государства добровольно складывал полномочия и объявлял имя преемника. Это был прецедент, а точнее экспромт в духе Ельцина. На сей раз обошлось без всяких дворцовых интриг, переворотов, кровопролитий, социальных потрясений, коими так богата многострадальная история России. Можно сказать, народу процесс передачи власти понравился.

В многонациональную, поликонфессиональную страну, с несформировавшимися структурами власти то и дело заносит на поворотах. Разгул преступности, кланы, мафиозные структуры, коррупционные схемы буйным цветом расцвели от Калининграда до Камчатки. К любому губернскому городу смело можно пристегнуть прилагательное "бандитский". Никто не удивлялся и не обижался. В порядке вещей говорилось, к примеру, что вчера в бандитском Петербурге застрелили депутата Государственной Думы такого-то такого... В разных городах от рук криминала погибали чиновники, депутаты, министры, генеральные директора. Потери несли и сами преступники, и те, кто с ними вел настоящую войну. Иногда страдали безвинные люди, попадающие под горячую руку. Любой мало-мальский бизнес, приносящий выгоду, моментально облагалась данью или оброком. Бизнесмены лезли под бандитскую крышу, а те, кто имел связи и прикрытие во власти, уходили под защиту коррумпированных чиновников. Разумеется, за определенную мзду, за откаты.

Преступники создавали разные околовластные структуры, получали информацию о характере бизнеса, о прибылях, налогах. Через банки, где сидели свои люди, поступали сведения о финансах того или иного бизнесмена.

Саид Галеевич по своему положению и связям не мог оказаться в разработке бандитских структур. Тут как бы действовала двойная защита. Дружба с прокурором и «зонтик» самого Алмаза Бардымова. Когда проворачивались какие-нибудь выгодные дела, Алмаз вопросы конспирации, «разговоры» с нужными людьми брал на себя. До поры до времени вопросы решались в рамках сауны, дефицитных подарков. Но времена изменились. Безопасность в этих делах вышла как бы на первое место. Бандиты отличались и изобретательностью, и жестокостью. Они изощренно пытали, прятали жертвы, быстро перемещались, имели оперативную связь. В общем, страна задыхалась от повальной преступности, которая при слабой, коррумпированной власти не могла взять под контроль бандитов, мафиозные структуры.

Кооперативщик Амир, у кого подрабатывал Ильсур, относился к нему дружелюбно.

Интересовался семейным положением, расспрашивал об окружении, друзьях-товарищах. Похоже, Амир собирался расширять торговлю и подыскивал себе надежного помощника. Однако прямолинейный Ильсур совсем не догадывался, что в основе расспросов хитрого работодателя лежал небескорыстный умысел получить подробную информацию о папеньке Ильсура — Саиде Галеевиче и его окружении. Короче говоря, Амир активно вращался в бандитских тусовках и как бы оказывался своим человеком. Выполнял не самую главную работу, но был в качестве винтика большого, работающего механизма преступной группировки. Так, операция «рюмка коньяка» была провернута именно Амиром, в результате с помощью приличной дозы клофелина простодушный Ильсур оказался в машине смазливой секретарши в сопровождении крепких братков со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами.

Случилось это вечером, когда Ильсур немного задержался на работе. Амир, заметив подчиненного, позвал его в кабинет. Похоже, только что у него здесь закончилась вечеринка. Разукрашенная помощница Резеда в обтянутой мини-юбке расставляла на столе приборы и закуску.

— Ты вот что, красавица, нам закусочку подай и можешь на сегодня закругляться!.. Тебя ребята завезут куда надо.. А мы тут сами разберемся...

Амир начал с обычных расспросов о семье, жене, родственниках. А потом стал угощать каким-то заморским коньяком.

— Откровенно говоря, я к тебе, Ильсур, давно приглядываюсь. Хороший ты малый. С тобой можно сработаться. Давай хлопнем по рюмашке. Полгода вместе, экономику страны поднимаем, капитализм строим и даже рюмочку коньяка не хлопнули. Так нельзя...

Ильсур, кроме шампанского и сухого, ничего не употреблял, потому несколько растерялся:

— Откровенно говоря, крепкие напитки не употребляю, Амир эфенди!

Работодатель настаивал:

— Ну что ты, Ильсур Саидович! Я, как говорится, от души. А то обижусь...

Обижать человека, искренне желающего тебе добра, Ильсур не хотел. Тем более начальника.

А еще оказалось, что у Амира день рождения. Сказал Ильсур какой-то кавказский тост о птичках и выпил рюмку.

В окружающем нас мире частенько бывает так, что один опрометчивый шаг переворачивает всю жизнь. Злополучная рюмка, опрокинутая Ильсуром, круто опрокинула и его судьбу. Он, просто говоря, после этого моментально отключился... Пробуждение Ильсура было довольно туманным, мутным и болезненным. На него пристально смотрели какие-то небритые качки в темных очках. По манере развязной речи, сплошной матерщины Ильсур понял, что попал, мягко говоря, в нехорошую компанию. Следовательно, надо ждать сюрпризов вроде мордобития. Они, похоже, хотели денег. Но денег у Ильсура как раз не было. Наконец, один из мордovorотов взял его за шкуру, посмотрел через темные очки и брезгливо буркнул:

— Ну что, ботаник, оклемался? Будем мануальной гимнастикой заниматься!

Удар под дых снова вырубил Ильсура. Очнувшись он под воздействием холодного душа. Пролог спектакля был типичным, и бандитам казалось, что «мамкин сынок» вот-вот сломается. Можно ставить ультиматум. Это был следующий акт хорошо отрепетированного спектакля... Тут на сцене объявился интеллигентного вида человек лет пятидесяти, который сразу накинулся на качков:

— Вы что себе позволяете?! — орал он в ярости. — Перестаньте издеваться над парнем. Дебилы! Марш отсюда, пока целы!

Бандиты нехотя потянулись к выходу. Ильсур в молодости любил смотреть бандитские сериалы, хорошо разбирался в их жанровой специфике, про себя раскручивал сюжетные интриги. Но одно дело созерцать это действие, сидя на мягком диване, совсем другое — самому оказаться в руках непрогнозируемых отморозков. Надо держаться во что бы то ни стало! Ради Гульнары, Лилианы, ради всего святого!..

«Добрый» дядя, вышедший на сцену взамен ушедших злодеев, рассказал историю о человеке, которого он когда-то спас от неминуемой беды. Он подробно рассказывал о делах давно минувших, наконец, остановился, выдержал паузу и, глядя в глаза Ильсура сверлящим взглядом, вскрикнул:

— Это был твой отец, юноша! Да, да Саид Галеевич! Он меня сильно подставил, — у доброго человека на скулах заходили желваки. — Он меня о-очень крупно подставил: и морально и материально. Ты согласен?!

Ильсур толком не разобрал, в чем суть конфликта интересов, но спросил:

— А что вы от меня хотите? Сын разве за отца отвечает?

— Разные бывают ситуации. В наше смутное время — отвечает! Поначалу хотели тебя подстрелить... Но деловые ребята подсказали: поступить более интеллигентно. Взять родного сына в качестве бартера...

— Что я должен сделать?

— Под нашим контролем ты позвонишь отцу и скажешь три слова: «привет от Хайдара» и «должок». Он должен догадаться. А не догадается — эти толстолобики вернуться сюда.

— Дайте мне немного подумать. Ильсур взял паузу. Ситуация была архискверная. Какие-то отцовские дела спустя много лет бумерангом возвращаются на семью сына. Но сидеть черт знает где и дожидаться кровавого финала в качестве жертвы тоже не дело. Один звонок — это уже соломинка. И за нее надо ухватиться!!

Ильсур кивнул головой утвердительно. Подали какой-то телефон или рацию. Ильсур позвонил отцу и сказал то, что требовали. Но рискнул и добавил еще три слова «иначе всем — хана!» За грубое нарушение договоренностей Ильсур тут же получил удар по голове. Добрый человек вырубил Ильсура надолго. Придя в себя, он заметил резкую перемену в настроении переговорщика. Но до финала еще было далеко.

Саид Галеевич быстро вспомнил Хайдара — знаменитого казанского авторитета, чье имя держало в страхе не только кооперативщиков, но и всех мало-мальски состоятельных граждан Поволжья, Питера, Москвы и других приличных российских городов.

Конечно, Саид Галеевич вызвал такси и напрямиком поехал к земляку, только что утвержденному прокурору. Выложил все начистоту:

— Да, виноват, года два назад его земельный участок отдал другому. Более важной птице. Оттуда звонили, — Саид Галеевич показал пальцем в небо. — Надо было. Уж больно солидные люди просили, понимаешь?! Участок

на берегу Волги, почти гектар земли. Хотя разница в цене небольшая. Но взамен пообещал другой. Участок тоже неплохой, можно сказать, равнозначный. Но главному бандюгану чем-то тот участок больше приглянулся. Короче, нарвался на наглых, упертых, с гонором. Решили, как говорится, рублем наказать... Сыночка в заложники взяли.

Саид Галеевич был явно смущен. Можно сказать, растерян. Он не знал, как выйти из этой щекотливой ситуации.

— Нехорошо получилось! — сказал Салих, выслушав исповедь земляка. — В результате парнишка в руки отморозков попал... Может сломаться... Жизнь на сотни не меняют, Саид ахири! Надо было заранее все обдумать!

Гульнара почти сутки проплакала. Обзвонила больницы, морги, а муж как в воду канул. Связалась с Назифом. К концу дня Назиф и Гузель все бросили и примчались в Казань. Отчаявшейся Гульнаре позвонил Салих Галеевич. Сообщил, что милиция уже на ногах. Просил не паниковать.

Между тем пошла работа и по неофициальным каналам. Назиф разыскал друга-афганца Камиля, с которым почти два года воевал в горах. Так в жизни случается, что порой дружеские связи срабатывают лучше, чем работа профессионалов из полиции. Казанский друг Назифа считался крутым среди братвы и пользовался авторитетом как среди полицейских, так и среди крутых. Кстати, такие ребята и в постперестроечное время не остались без куска хлеба, довольно шустро устраивали разборки. И частенько отбивали из рук бандитов безвинных людей.

Суть да дело, милиция совместно с прокуратурой произвели обыск в кооперативе, где трудился Ильсур и арестовали Амира. Но дальше дело застопорилось. Амир подтвердил, что он с Ильсуром выпили какой-то коньяк, видно, с чем-то помешанный. Поэтому ничего не помнит. Не найдя ничего существенного, через пару дней кооператора из СИЗО выпустили. А вот решающий Камиль к концу этого же дня принес в клюве существенные вести. Освобождение Ильсура было обставлено встречной

просьбой насчет закрепления участка под коттедж агрофирме «Чишме». В результате решение этого вопроса уперлось в полномочия самого Назифа как руководителя агрофирмы.

Надо было вытаскивать Ильсура из беды. Это однозначно. Ильсур ни в чем не виноват. За земельные махинации наказание должен получить его «добренький» папаша Саид Галеевич. Сама судьба подкидывает Назифу счет, предъявив который он может наказать Саида Галеевича по полной программе. Подключи он ту же прокуратуру — результат будет однозначный.

Конечно, самая главная задача для Назифа — найти и освободить Ильсура. Уж больно смотреть, как переживает бедная Гульнара?! Но Назиф не может думать только об одной стороне дела. С какой стати он должен безучастно смотреть на махинации с землей родной агрофирмы, о которых ему вдруг стало известно. Назиф еще раз решил посоветоваться с Камилем.

Разговор был трудный, но начистоту. Бандиты просто так освободить Ильсура не хотят. С одной стороны, чувствовалось, что сам Камиль в какой-то мере тоже заинтересован в результатах халявной сделки. При разделке барана всегда какие-то кусочки остаются. Как ни крути, проигравшим оказывался Саид Галеевич, который лично распорядился колхозной землей. Камиль пообещал еще раз встретиться с главарем бандитов и поставить перед ним вопрос об освобождении Ильсура. А почтенный Саид абый как залез в этот капкан, так пускай теперь и выкручивается сам.

В тот же день поздно вечером Назиф привез Ильсура домой. Исхудавший, но счастливый глава семейства готов был на радостях обнять и поцеловать весь земной шар. Гульнара обнялась с мужем и долго не выпускала его из своих объятий. В результате ситуация повернулась против Саида Галеевича, который должен был уладить финансовый вопрос с бандитами. Постольку торговать колхозной землей Саид Галеевич не имел никакого права, должен был оплатить малиновым пиджакам приличную сумму в виде откупных. Так вышло, что вынужденная сделка для молодых людей из команды Назифа складывалась удачно, так как

и овцы были целы, и волки были сыты. А самое главное — зло в лице Саида Галеевича должно было быть наказано. Заодно потянулась цепочка к раскрытию махинацией с лакомыми пригородными участками и недвижимостью.

В этот вечер Назиф с Ильсуром, можно сказать, поговорили по душам и до первых петухов. Гульнара, напуганная случившимся, никуда не хотела отпускать Гузель и Назифа. Ей казалось, когда эти милые люди рядом, ничего плохого с ними не случится. Возможно, инцидент с бандитами внес мощную корректировку в жизнь молодых и стал какой-то поворотной точкой в их судьбе. Надо плыть в одной лодке, решили они. Назиф убедил Ильсура, что нынче времена сложные, надо держаться друг за друга покрепче. Они понимали, что надо держаться и действовать одной командой.

— Мне нужен грамотный финансист! — убеждал он Ильсура. Да и жены будут рядом. Разве плохо?! Ав город, когда надо будет, скатаем! Подумаешь, каких-то двадцать километров! Столько плюсов — успеешь только складывать!

Проросшее зерно, можно сказать, упало в благодатную почву. Ильсур, по правде говоря, и сам не знал, как избавиться от суетливой городской жизни. Он был сыном земли и тянулся к земле. Вот как-то само собой было принято однозначное решение: всей командой остаться в родной деревне...

А тем временем вернулся на родину из заморских поездок Алмаз Бардымов. Он знал, что на родине давно его ждут. Почти неделю он, как говорят военные, изучал обстановку. А потом вечером объявился у прокурора района. Конечно, не с пустыми руками. Поначалу он достал из сумки дорогой французский коньяк «Хенесси»! Затем на столе появился флакон изысканных французских духов.

— Это Вашей дражайшей половинке...

— Ты, дорогой Алмаз, этими вещами нас не балуй! Сам знаешь, какие нынче времена! — строго сказал прокурор.

Разговор был откровенный. Претензий со стороны правоохранителей Бардымову практически

не было. Раз не было преступления — не было и наказания.

— И все-таки, ты мне по-свойски скажи, — спросил его Салих Галеевич, переходя на шепот и пристально глядя в глаза Алмаза. — Авария в Варваринском овраге ваших рук дело? Это не для протокола... Так, для меня самого...

Бардымов тяжело вздохнул:

— Видит Аллах, я перед ним чист. От Вас тоже не стану скрывать... Типичное российское разгильдяйство — не убавить, не прибавить! Трос давно на свалку надо было выкинуть!

— А что думаешь делать?

— Немножко оклемаюсь, Салих Галеевич. А там видно будет. К капитализму же идем. Откровенно говоря, я лично давно эти времена ждал и готовился... Деловой человек при мне без куска хлеба не останется.

А Саид Галеевич, находясь в больнице, вел трудные переговоры с похитителями сына. Конечно, можно было выложить кругленькую сумму и забыть этот кошмар. Но Саид хотел и сына спасти, и деньги сохранить. А тут как раз объявился и долгожданный Алмазик Бардымов. «Слава богу, вернулся! Наконец-то! Что-нибудь дельное посоветует! Он на этот счет сообразительный...»

Прошла беспокойная неделя. И вот Алмаз разыскал Саида Галеевича сам. За полгода случилось много чего. Надо было обо всем основательно потолковать. Алмаз заказал столик в восточном ресторане, куда шпана в малиновых пиджаках не ходила, вдобавок было уютно и безопасно, кормили вкусно.

Сначала обсудили горячую ситуацию о наезде крутых. Алмаз через свою «разведку» уже получил нужную информацию. После рюмки коньяка Саид абый начал свой путанный рассказ о текущем моменте. Бардымов, не дождавшись цельного анализа ситуации, решил взять вожжи в свои руки.

— А что, Алмаз, может быть, их того... Убрать к едрени-фени... Чтобы не путались под ногами?! — предложил бывший шеф.

— Саид Галеевич, это крайняя мера. Какова цена вопроса? Ты, наверное, обсудил? Убрать-то можно, а дальше-то что?

— Тысяча баксов за сотку...

— Да-а, мужики там тоже, видать, ушлые.

В ценах хорошо разбираются, — улыбнулся Саид. — Ведь капитализм - то они начали строить там не вчера.

— Поэтому хорошо разбираются в конъюнктуре, — усмехнулся Алмаз. — В Анталии нынче примерно такие же цены, как у нас, откровенно говоря, не так разорительно. Думаю, надо с бандитами рассчитаться и забыть! Других вариантов не вижу...

— Обидно... Подонки!

— А что делать, Саид Галеевич? Сейчас все так напряженно живут...

Выяснилось, Алмаз зря время не терял. Посмотрел домики на берегу Средиземного моря. Привез с собой прайс-листы. Разложил на столе рекламные букеты.

— Познакомился с тамошними татарами. Все окей! Я думаю, на старости лет будешь кости греть на морском песочке.

— А потянем ли, Алмаз! Тут пока у меня одни минусы...

— Потянем, все будет окей! Тряхни золотишком, турки смекалистый народ... оптом

закупают, особенно контрабандное золото. Сплошные ювелиры, понимаешь... Время будет — поди посмотри Стамбульский ювелирный рынок — закачаешься!

Разумеется, Алмаз не предполагал уехать из России завтра же.

— Мы же еще тут не все заработали! А тамошняя недвижимость так же, как здешняя, Саид Галеевич, она имеет привычку дорожать... Будем в сезон сдавать коттедж иностранцам за твердую валюту.

— Я - то одной ногой на пенсии. А вот тебе где - то надо устроиться.

— Думал я... Только в нашем орденоносном хозяйстве, слышал я, нынче командуют другие. И другие песни поют...

— Надо ловить рыбу в другом пруду. Новой власти, думаю, предприимчивые люди вроде тебя тоже нужны. Да уж всех сразу не поменяют, наши старые связи тоже пригодятся, тем более, Алмаз, старые кадры — они всегда мудры! Как говорил мой дед, помогать - то мы уже вряд ли сможем, а вот делу навредить, напакостить при желании запросто...

— Конечно, неплохо бы земельными делами позаниматься. Земля — капитал беспроигрышный. Кто сейчас у нас в этой части командующий?

— Откровенно говоря, даже не интересовался.

— Надо интересоваться, Саид Галеевич! У нас, сам знаешь, теперь не плановое хозяйство, а клановое. Надо знать, откуда, кто чей, почему?

— Если хорошенько подумать, возможно, кто - то и найдется.

— Вот уже теплее, Саид Галеевич. Надо мне лишь одной ногой зайти в нужное министерство. А дальше мы разберемся что к чему... Давай, уважаемый, к следующей встрече что -нибудь придумай. Надо действовать! Сам знаешь, «яткан таш астына су акмый»...

Время быстротечно: не успеешь оглянуться, уже что - то произошло. Уже что - то не вернуть. Нерасторопный человек попадает как бы в ловушку. Он ничего не успевает, бросается из одного угла в другой и, в конце концов, загоняет себя в пятый угол. Вы наверняка таких людей встречали и в гостях, и в городском транспорте,

и у себя на работе. Они вечно суеются, опаздывают, одеты так себе, и характер у них далеко не ангельский. Сказал бы даже, наоборот. Кстати, эти бедолаги, интуитивно притягивают себе подобных.

Алмаз Бардымов исходил из постулата, что каждый человек индивидуум, стоит только растормошить его и поставить в нужную тебе ситуацию. Точнее в ракурс. Дальше он будет действовать как надо. А если еще его заинтересуешь, то получишь хорошего исполнителя.

Пару дней на колхозном базаре потереться, пообщаться, сыграть роль своего парня, и рынок выдаст тебе координаты нужного человека.

Так думал про тракториста Шакира Алмаз Бардымов. Да, да, о том самом, который сотворил тяжелую аварию в Варваринском спуске. Почему-то он вдруг этого непутевого (такая кличка была у Шакира среди работяг-односельчан) вспомнил. С одной стороны, какой-никакой человек. Да и пострадал он по своей глупости. Так иногда Алмаз пытался влезть в чужую шкуру и пытался там немного побыть. Шакир полгода отсидел за халатность и был амнистирован. И наверняка носит за пазухой обиду на весь мир, включая Алмаза. Хорошо, что бедолагу выпустили из тюрьмы по амнистии.

Колхозный рынок — прибежище подобных отбросов общества, которые друг к другу тянутся. Количество отверженных растет как на дрожжах в стране, где происходят революции, коренные изменения, экономические реформы. Тысячи людей выбрасываются на обочину жизни и в конце концов погибают.

Размышляя о трагической судьбе сырых и убогих, Алмаз не заметил, как оказался рядом с городской мечетью. Его внимание привлек бомжеватый человек, который упорно сопротивлялся идти туда, куда тащил его бородатый человек в чапане. По тому, как человек упирался идти туда, куда его тащили, можно было сделать вывод, что бедолагу ожидали серьезные неприятности в виде наказания.

— О, благоверный! — обратился Алмаз к бородатому. — Что этот человек натворил?

— Он сам хорошо знает, что натворил! — буркнул бородач, продолжая тянуть несчастного в сторону мечети.

— Уважаемый, — не унимался Алмаз. — Какой ущерб он тебе нанес? Я готов возместить его садакой.

Человек в чапане, услышав фразу о садаке, насторожился и перестал тащить бедолагу за шиворот, но, окончательно не отпуская воротник, сказал:

— Сто рублей!

Алмаз достал из кармана пятисотрублевую купюру и протянул бородачу.

— Помолись за нас обоих! Впрочем, можно и за троих.

Человек в чапане взял деньги и поклонился и быстрым шагом направился в мечеть.

Алмаз с чувством исполненного долга вглядывался в перепуганного вора. Немало удивился, узнав в нем тракториста Шакира.

— Что ж ты, братец, святые деньги тыришь? — пристыдил Алмаз односельчанина. — Я смотрю, ты никак бомжуешь! Тут рядышком есть баня, я тебя туда немедленно отведу. Не то на тебя из-за дурного запаха даже мухи не садятся...

За несколько часов стараниями Алмаза Шакир был полностью преобразен: его постригли, помыли, переодели в нормальную одежду. А потом односельчане отправились в мечеть.

— А теперь, земляк, пойдем, помолимся. Ведь все мы в этом мире грешны... перед Аллахом.

Алмаз до сих пор не считал себя благоверным, тем более мусульманином, но время от времени задумывался о бренности жизни, о том свете, о своих, не всегда праведных делах, а молиться, читать пять раз намаз, соблюдать уразу он еще не был готов, но каждый год в курбан-байрам приносил в жертву барана. За два часа общения с Шакиром он понял многое. Теперь судьба бедолаги целиком была в его руках. Почему-то он проникся его проблемами. Возможно, это было запоздалое прозрение или угрызение совести. Может быть, он не напрямую, но чувствовал свою причастность к гибели Хадичи, поломанную судьбу Шакира, потерявшего нормальную семью, избравшего путь ко дну жизни.

Мулла городской мечети был крайне удивлен, лицезрев на пятничном намазе преобразенного до неузнаваемости бомжа и его

сердобольного щедрого покровителя, несколько часов назад подавшего священнослужителю аж пятьсот рублей садаки.

Шакир, надо отдать ему должное, бомжевал недавно, поэтому быстро вернулся к нормальной жизни. С помощью Алмаза он восстановил водительские права, устроился в общежитие, начал работать. Раз в неделю Бардымов заезжал туда, куда он устроился, одним словом, присматривал за поведением односельчанина по принципу «доверяй, но проверяй». Справлялся, как проживает новенький. Ведь многие съезжают, как говорится, на виражах в старую колею, а затем снова берутся за привычное. После этого ни на каком буксире ты их из старой колеи не вытащишь!

Пока Алмаз занимался делами Шакира, Саид Галеевич зондировал вопрос Бардымова напрямую внедриться в клановые круги для решения земельных вопросов. Надо сказать, дело шло туго. Нашлись люди со старыми связями, которые были готовы помочь. Ну, конечно, не за красивые глазки. Некоторые, как им казалось, имели связи по старой работе, замыкающиеся на влиятельных и деловых кланах, и даже состояли в некотором родстве вроде седьмой воды на киселе. А вот активная молодая поросль, интересующая кланоискателей вроде Алмаза Бардымова, отгородилась от мира плотным забором, и все щели были плотно закрыты и практически недоступны.

Отцы-создатели кланов учли важность собственной и личной безопасности и вроде не собирались устраивать день открытых дверей и благотворительные ярмарки с раздачей бесплатных подарков. Для благоприятного развития кланов нужна не скандальная, а тихая ситуация. Они постоянно общались и были крепко связаны, объединены большими деньгами, бизнесом.

Агрофирма «Чишма» кардинально изменила свое привычное направление и вплотную занялась разведением овощей и потихонечку выкабкивалась из старых долгов. Новые кредиты брали в крайнем случае. Экономия во всем стала главным правилом жизни. Ведь как же иначе?! Работали сельчане теперь не на дядю, не на государство, а уже на самих себя. Это менял

образ жизни, поведение людей. Из сельского уклада само собой уходили такие привычки, как пьянство, прогулы и прочие негативные «измы», с которыми много лет безуспешно боролась коммунистическая власть.

Гульнара не могла нарадоваться: Ильсур вцепился в новую работу зубами и ногтями. Допоздна задерживался в офисе, говорил: вот немного станем на ноги, поднимемся, переведем дыхание, легче будет, о себе, любимых, вспомним.

Назиф также беспрестанно пропадал по делам, объездил почти все российские регионы, где компактно проживают соплеменники — татары. Каждый рассказывал об опыте татарских сел, завязывал не только экономические, но и культурные связи. Стали проводиться федеральные сабантуи, национальные форумы с участием татар России и из-за рубежа. Назиф понимал, что надо построить новую мечеть, об этом вел переговоры со спонсорами, преимущественно с теми, чьи предки когда-то покинули Чишму. Из-за разборок с кулачеством, из-за религиозных притеснений...

Кто-то бежал от голода, кто-то покидал родные края из-за классовых разборок, притеснений т.д. Как говорил Нурулла, сначала надо навести порядок в душе, затем многое изменится в жизни. Сельчане понимали, что тут надо братья всем миром, и сразу. Говорили, что во всех приличных населенных пунктах уже построили не только мечети, но и медресе, только в Чишме — в этом позорное отставание. Впрочем, чишминцы никогда не прыгали в омут головой. Любую новинку они воспринимали с осторожностью, пробуя, как говорится, на зуб. Так они после всех объединились в колхоз только в 60-х годах, секретаря парткома после нескольких выговоров по партийной линии вынудили снести ветхий минарет мечети. Надо сказать, вышел скандал. Секретарь парткома был мудрый человек. Он, не спросив начальства, этот вопрос вынес на суд общественности, то есть самих сельчан. Ну в каком татарском селе люди добровольно примут решение о закрытии мечети, тем более о сносе старого минарета. Это тебе не атеисты с маузерами, бессовестные безбожники, коих в новой стране вряд ли быстро разыщешь.

Время — лучший счетчик вечности, считали чишминцы, посмотрим, что из этого получится... И не торопились бежать впереди паровоза. С другой стороны, они понимали: еще немного — и «чишминцы» со своей и неповоротливостью и с громадными долгами не успеют сесть и на теплоход, который вот-вот отчалит по маршруту в счастливую гавань под названием «капитализм» без них.

Между тем Гузель родила мальчика. В свете дел такое важное событие особо и не отмечали. Откладывали все на потом, до лучших времен.

— Вот третьего родим — будем отмечать всем селом! — отшучивался Назиф и приводил в пример многодетные семьи! В своих публичных выступлениях он убедительно обосновывал, что трое детей — это естественное воспроизводство нации.

— Татарская женщина должна родить минимум троих детей и вырастить их. Тогда она с чистой совестью может сказать, что выполнила долг перед своим народом...

Эпилог

Кажется, Лев Толстой говорил потомкам: вы еще наплачетесь, познав прелести цивилизации. Конечно, живем мы в непростое время, передвигаемся со сверхзвуковыми скоростями, когда может случиться всякое. При этом экс-

перты считают, что самым опасным месяцем является август, который в народе называют самолетопадким. Часто случается это с чартерными рейсами, коими пользуются российские туристы. В то августовское утро при заходе на посадку российский авиалайнер потерпел крушение недалеко от курортного города Анталия. Рядом со стойкой ожидания аэропорта негромко разговаривали два турка.

— Надо же, я должен был встретить двоих знакомых из Татарстана.

— Случаем не Алмаза Бардымова?

— Да-да, его! Недавно он здесь на море дом купил.

— Во, дела! А он один только летел?

— Нет, говорил с бывшим шефом, с человеком состоятельным, тоже что-то хотел прикупить.

— Утро весело начинается, — грустно пошутил собеседник.

— Теперь наши покупатели все больше отсюда, — показал в небо грустный турок. — Дай Аллах им здоровья!

Так неожиданно сложилась судьба некоторых героев повести — любителей пожить на широкую ногу. Кто знает, чего они натворили бы еще, если бы им суждено было остаться в живых и реализовать свои мечты на благодатной турецкой земле. Но это уже, как говорится, совсем другая история. ■

Ахат Мушинский

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПИСАТЕЛЬ

Поступая в университет, я писал экзаменационное сочинение под названием «С чего начинается Родина?» В те годы это была популярная тема. А вот сегодня мне хочется поговорить о том, с чего начинается писатель, и сделать это на примере казанского автора Альбины Нурисламовой.

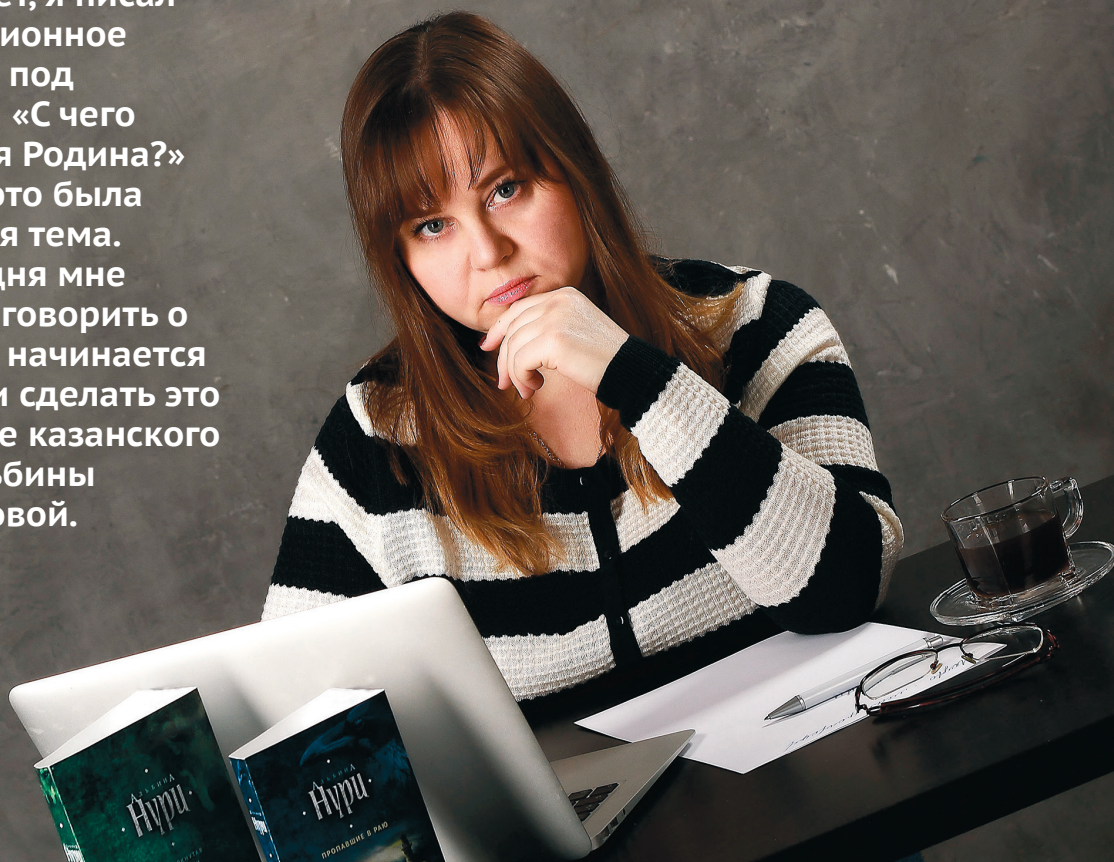

Фото Лауры Трофимовой

...Едва научившись читать по слогам и писать неуклюжими печатными буквами, пятилетняя девочка пыталась сочинять стихи. Дедушка старательно записывал под диктовку внучки первые наивные строки про неугомонного медвежонка, который не желает ложиться спать, про колючего ёжика, что не боится злых

зверей, и про любимую маму, которая «веселее песни, светлее солнца и нежнее ручья».

...Незаметно пролетели несколько лет, и второклассница Альбина Ахметшина – хрупкая девочка крошечного росточка – после школы мчалась в библиотеку. Страсть к чтению оказалась настолько велика,

что её буквально невозможно было оторвать от очередной книжки. Девочка была записана сразу в четыре библиотеки, и сотрудница одной из них даже устроила ей первый в жизни экзамен по литературе: никак не могла поверить, что ребёнок действительно успевал за короткое время прочесть все взятые книги.

...Попыток писать собственные тексты, прозаические и стихотворные, Альбина тоже не оставляла – напротив! Писала, как и читала: взахлёб, увлечённо, с огромным желанием. Уже к окончанию школы изложенное с трудом помещалось в специально отведённый под рукописи ящик письменного стола: около трёх сотен стихотворений, несколько повестей, больше десятка очерков и рассказов, а ещё поэмы, сказки, дневниковые зарисовки...

Дальше всё складывалось вполне логично: был с отличием окончен факультет русской филологии, а затем и юрфак, пройден большой путь в печатных изданиях нашей республики – от рядового корреспондента до главного редактора. А параллельно будущая писательница, успевшая сменить фамилию на Нурисламову и обзавестись детьми, продолжала писать – правда, исключительно прозу. Поэтические опыты остались в прошлом, так и не увидев свет, если не считать одного печального опыта, когда её стихи были опубликованы под чужим именем.

К тридцати четырём годам Альбина Нурисламова «созрела» для крупной прозы и написала первый роман. Вскоре – ещё один и ещё...

Когда мы познакомились, а было это в 2012 году, она успела создать множество текстов. И больше всего меня поразило то, что до этого не сделала она ни единой попытки обнародовать их, обратиться в издательства и редакции литературных журналов. Такая вот весьма необычная скромность. Обыкновенно ведь авторы поступают наоборот: упорно штурмуют редакционные пороги, имея за душой пару стихотворений или рассказов.

И вот первая публикация в журнале, первое интервью с безусловно даровитым автором. И что

характерно, интервью это имело весьма точное название «Тёмная лошадка выходит на свет». И в самом деле, писатель Альбина Нурисламова взялась как бы ниоткуда, никто о ней ни в редакциях, ни в литобъединениях и слыхом не слыхивал, она вырвалась на литературные просторы, как джинн из неожиданно раскупоренной бутылки.

Сегодня молодой автор стремительно движется по стезе литературного творчества. За короткий срок в казанских издательствах были изданы три её прозаических сборника, а недавно в Москве стартовала книжная серия «За гранью. Мистические триллеры Альбины Нури»: увидели свет два романа – «Вычеркнутая из жизни» и «Пропавшие в раю». Собственно, это и послужило информационным поводом для настоящей статьи.

Хочу сказать главное: перед нами писатель взаправдашний, писатель по глубинной своей сути. Для неё важно творить, для неё счастье – письменный стол и, образно говоря, бумага белая и чёрные чернила. Она издаётся в Казани уже пять лет, и за всё это время не провела ни одной презентации! Первая встреча с

читателями, посвященная выходу двух вышеупомянутых романов и организованная, подчёркиваю, не ею самой, прошла лишь этой весной, в апреле.

Само название новой авторской серии говорит о том, что книги,

Несмотря на стойкое нежелание рекламировать свои творения, писательницу всегда окружало повышенное читательское внимание. Ажиотаж начинался уже в издательствах: редакторы, корректоры, верстальщики, вахтёры читали, обсуждали, передавали друг другу её тексты. Произведения ещё до книжных полок не успевали добраться, а ими уже зачитывались, советовали прочесть родным и знакомым...

которые издаются в её рамках, написаны в жанре мистики. Точнее, мистического реализма. Суть поэтики романов Нурисламовой вкратце можно обозначить как «ужасное в обычном», когда магические элементы накладываются на полотно действительности, вплетаются в привычную картину мира. Этот жанр имеет под собой богатую литературную основу: достаточно вспомнить Гоголя, Алексея Толстого, Михаила Булгакова, Эрнста Гофмана, Анну Рэдклиф, Эдгара По, Оскара Уайлда, Габриэля Маркеса, Стивена Кинга, Айру Левин, Уильяма Блэтти, Роберта Маккаммона и многих других.

Вслед за своими предшественниками Альбина Нурисламова обращается к потусторонней, таинственной части бытия, поднимая при этом сложные философские, нравственные и психологические проблемы, погружая читателя во внутренний мир человека. Если убрать из романов всю мистику, то перед нами окажутся крепко сработанные психологические триллеры.

Пересказывать содержание романов не стану – скажу лишь, что автору удаётся создавать необычайно увлекательные истории. По собственным словам Нурисламовой, она всегда стремилась писать так, чтобы читатель оказался с головой втянутым в повествование, не мог оторваться, отложить книгу и забыть о ней. По-моему, это ей удаётся.

Повествование у неё развивается стремительно, атмосфера накаляется с каждой строкой, одна картина сменяет другую. Я уже отмечал: у Альбины Нурисламовой удивительно лёгкое перо. Она и сама говорила мне, что

пишет быстро, новые повороты сюжета и образы свободно рождаются в воображении. Может, потому и читаются её книги с неослабевающим вниманием?

Ещё одной характерной чертой творческой манеры писательницы считаю умение создавать живые, из плоти и крови, персонажи. Это не куклы, появившиеся на свет по велению автора для воплощения его идеи, а именно люди, наделенные индивидуальными чертами, неоднозначные и запоминающиеся.

При чтении её прозы человек волей-неволей начинает воспринимать персонажей как знакомых людей, верить в их подлинность, сопереживать. Эта тщательно культивируемая писателем реалистичность, на фоне которой развивается мистический сюжет, как раз и придаёт восприятию особую остроту.

Завершая свою статью, хотел бы поздравить Альбину Нурисламову с успехом и у себя в Казани, и в Москве – с выходом романов в крупнейшем издательстве страны. Одновременно напоминаю всем, что творчество её не ограничивается рамками мистических триллеров. Это разносторонний автор, она – и сильный писатель-реалист, и крутой мистик... Так что, дорогой читатель, выбери себе по душе.

...А всё-таки вернёмся к началу статьи – с чего начинается писатель? Ответ прост. Его сформулировала сама Нурисламова: писатель начинается с письма. Для того чтобы стать писателем, надо, прежде всего, писать. Учиться это делать, совершенствоваться и писать, писать, писать ...

Фото Ольги Юхновской

Альбина Нурисламова в книжном магазине Казани «Читай-город».

Родился в 1980 году в Красноярске. Дипломант «Илья-премии», лауреат премии Фонда им. В.П. Астафьева, лауреат премии им. И.Д. Рождественского. Публиковался в журналах «День и ночь», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Континент», «Интерпоэзия», «Новая юность», «Октябрь» и др. Автор книг стихов «Шапито», «Античность», «Осязание», «Латте-арт». Член Союза российских писателей, член Русского ПЕН-центра. Живёт в Красноярске.

Иван Клиновой

Который год, не покладая волн,
Завод по производству афродит
Невнятно демосфенствует, шумит
И на-гора выносит произвол.

Он заодно с вольфрамовой дугой.
Она вся, излучая гордый вид,
Мне говорит: «А ты-то кто такой,
Что требуешь от звёзд эфемерид?!»

А я никто, я мальчик с коробком,
В котором спичек хватит, чтобы речь
Стояла в горле острым кадыком
И было трудно ею пренебречь.

Я каждый день хожу на волнолом
И беспросветно порождаю тьму,
Не потому, что мне светиться влом,
А потому что сам себе самум.

И если вам даётся свет с трудом
И в горле тоже полный буерак,
Несите спички – будем вместе мрак
Переживать, ходя на волнолом.

Маслянистая тьма, складки штор – что в консервах шпроты,
И немного парит над прорубью монитора.
Напряжён в ожидании апперкота или кого ты
Спишь и видишь в конце пространства и коридора?

Воздух спёрт, словно спрут, – не спасёт никакой Каттани.
Если сердце заколготится обрыдлой рындой:
Что любовь безответна – становится оправданьем
Безответному сексу, в котором признаться стыдно.

Лучше просто подглядывать в щёлочку интернета,
Не давая себе труда разобраться в чувствах;
Лучше просто играть поручика, чем корнета, –
Во френч-прессе судьбы не арабика, а робуста.

Лучше уж заслужить восхищение «вот ведь шельма!»
И преследовать нимф, отбирая у Пана флейту...
Но в конце коридора – счётчик святого Эльма
И невольные сны с оговорочками по Фрейду.

Помнишь, как мы сидели с тобой в едалъне,
Спорили о безопасно смешных вещах:
Кто кого когерентней и вертикальней
И почему йо-йо не совсем праща?

Память ещё слюится слюдою мутной,
С каждой чешуйкой тоньше, но и мутней,
Не обнажая счастья и почему-то
Не выдавая дат и не различая дней.

Нам остаются запахи, звуки, лица,
Всякие мелочи, как поцелуй под дых –
То, чем, казалось бы, можно и не делиться,
Если и так всё общее на двоих.

Разные – только мысли, когда однажды
Мы разошлись не вдруг, и куда ни клин,
Кто кого вертикальней, уже не важно.
Важно, что дальше каждый пошёл один.

Мысли о море лучше живого моря –
Первый закон любого хикикомори.
Нет ничего хорошего в том просторе,
Что за окном и порогом расставил сеть.
Выйди вовне

и станешь одним из многих,
Скользок и круглорот на манер миноги,
Будешь кричать о Го́йе и перемогё,
Встав на котурны, чего-то желать,
борзеть...

Всё, чего ты касаешься,
есть в квартире;
Всё, чего не касаешься, – в палантире;
Все ведь в итоге окажемся там,
в надире,

Так что иных направлений по сути нет.
Вера в себя не требует веры в прочих.
Весь этот мир – скопление одиночек.
Можно в графе «контакты»

поставить прочерк,
Выключить музыку
и отложить планшет.

Слово «вечность» разобрав на кубики,
Он сидит и складывает что-то,
Но слова выходят, словно трупики,
А живые – только на скриншотах.

Он в экранчик пялится и молится,
Будто рыба в проруби киота.
Клинопись, кириллица, глаголица
Корчатся от сурдоперевода.

Всё это когда-нибудь закончится
Многоточьем смерти, т.е. бегством,
И уже абсурдопереводчица
Будет над его склоняться текстом.

Переворачиватель пингвинов
Красиво идёт в закат.
Торосы за ним картинно
Смыкаются и скрипят.
Он даже не очень Данко,
Но вынужден был уйти.
Стучит по бедру берданка,
Простой метроном пути.

А скольких пингвинов спас он,
Снега Антарктиды вброд
Форсируя без опаски,
Кладя их вновь на живот.
Что ж, ночью полярной, длинной
Он выплатил свой закят...
Переворачиватель пингвинов
Красиво идёт в закат.

Вещей ненужных отбросить хвост
И взять билет на любой лоу-кост,
Куда подальше от этих стен –
Искать свободу, нирвану, дзен.

Расставить точки над і и ё,
Не грызть обрыдлое «бытиё»,
А со скамейки смотреть Гудзон,
На нет сходящий под горизонт,

Потом в Тибете найти батут,
В блокнот заметки: был тут и тут,
Заря в Заире, закат в ЮАР...
Жить в целом мире не в долг, а в дар.

Учиться счастью, начав с основ,
Не думать, будет ли гроб соснов,
Обросши грёзами, обрести
Покой не в самом конце пути.

На то и пепел, чтобы вспоминать...
Под ветром наклоняются колонны,
И миллионы движущихся вспять
Бессмертны, безобразны и синхронны.

На то и шлейка, чтобы никуда...
Натужным смехом зеркало кривится
От лиц героев разного труда,
Но краски прорастут сквозь половицы,

Проступят сквозь обои облака,
Опустится любовь на парашюте...
На то и слово, чтоб наверняка...
На то и люди, чтобы жить как люди...

**Владимир
Таранин**

Родился в 1969 году в деревне Самосырово Высокогорского района ТАССР. В 1988 году окончил школу с серебряной медалью, поступил на отделение журналистики филологического факультета Казанского государственного университета, который окончил с отличием в 1994 году.

Первые стихи, рассказы и статьи появились в районной газете «Путь Ильича» и всероссийском журнале «Юный натуралист». Позже произведения выходили в сборниках «Казанская уют-компания» (Казань, 1992), «Душа – птица вольная» (Москва, 1998), «Альма матер» (Казань, 2001); «Галактика любви» (Казань, 2006), «Сердце сердцу радо» (Казань, 2013), «Во имя жизни» (Алатырь, 2014), «Белые крылья» (Тула, 2014). Публиковался в газетах «Культура быта», «Казанские ведомости», «Республика Татарстан», журнале «Казань», «Казанском альманахе». В 1994 году вышел в свет сборник стихов «УНИ-СОН». Как автор и исполнитель издал три альбома: «Милая девочка» (2005), «Прозрачный вальс» (2011) и «Сквозь струны» (2014). Участник ЛИТО «Белая ворона» с 2002 года. Победитель международных, всероссийских и республиканских спортивных состязаний по армрестлингу и кроссу на велоколясках. Женат, воспитал двух дочерей.

ПЕРВЫЙ СУГРОБ

По ноябрьской унылой дороге неспешно трусила «Газелька» с поникшими людьми внутри салона. Ехать быстро было невозможно: сыпал первый снег, довольно обильный — казалось, в лобовое стекло летели белые тассирующие пули.

Девять вечера, темно, фары еле-еле пробивали снежную пелену. Неожиданно на лобовом стекле «нарисовалась» морда лошади — как в итальянском сюрреалистическом фильме. Раздался глухой удар, «Газель» затормозила, некоторое время люди сидели в оцепенении. Потом повыскакивали в снежную карусель снежинок, видят: лошадь отошла чуть-чуть в сторону, легла и затихла на обочине. Недалеко стояла огромная телега-арба, а человека нет. При ударе с микроавтобусом бедолагу-животное просто-напросто оторвало от повозки.

Пассажиры позвонили в дорожную инспекцию, примчалась машина с полосой, прибежали жители из близлежащей деревни. Одни

оформляют ДТП, другие причитают. Оказывалась, лошадь, сбежав от своего хозяина, шла посередине дороги, видимо, встречный транспорт ее испугал и ослепил, и она шарахнулась в сторону «Газели»...

Водителя микроавтобуса не стали винить в произошедшем — гужевая повозка считается транспортным средством. Именно животное налетело на «железного коня», а не наоборот.

Пока суд да дело, а метель все усиливалась. Лежащую лошадь стихия покрыла, будто саваном, и это был первый сугроб наступающей холодной поры с медленно тающими снежинками на еще теплом крепком теле.

«ШПИОН» НА ЛЮБОВНОМ ФРОНТЕ

У каждого человека есть такие воспоминания, которые не тускнеют с годами, не выветриваются никакими жизненными бурями. Мой добрый знакомый Александр Петрович любит вспоминать один яркий эпизод юности.

Сразу же после Великой Отечественной войны в 1946 году направили его работать токарем на Магнитогорском металлургическом комбинате, укреплять военную мощь родной страны. В это время там приспособивали японские электровозы к российским техническим реалиям. Приходилось вытачивать детали с точностью до микрона. Следили за этим ювелирным процессом в том числе специалисты из страны восходящего солнца. Среди них были очень даже симпатичные девушки-инженерши. Однажды одна за то, что Александр филигранно выточил сложную деталь, чмокнула мастера в щеку. Договорились о свидании. Страсть была взаимной, станочник даже подумывал на раскосенькой инженерше жениться. Но жизненные пути-дороги развели их в разные стороны.

Через несколько лет об этой его встрече-любви напомнили вездесущие блюстителю из службы госбезопасности. Вызвали в спецотдел, а потом на несколько суток посадили в камеру предварительного заключения. На допросах допытывались: шпионские связи налаживал с японкой? А специалист-станочник, смущаясь, честно признался: «Целовались до красноты губ!» Дескать, связь-то была любовной, мыслей не было никаких о подрывной деятельности — лишь о предмете воздыханий. Начальник слушал-слушал эти искренние оправдания погрустневшего молодого человека, да как расхохочется: «Я бы на твоём месте точно так же поступил!» Аж слезы выступили от смеха. Выпалил через пару минут, вытирая взмокшее лицо: «Верю! Свободен!» Здравый разум и юморное настроение особиста помогли избавиться ухажера от тюрмы.

ХОРОШО, ЧТО КОРОВЫ НЕ ЛЕТАЮТ

В каждой профессии есть свои тонкости. Вот у планеристов: как сделать так, чтобы летательный аппарат без мотора мог за счет восходящих потоков без единой капли бензина пролететь 100-200, а то и 500 километров? Мой друг дельтапланерист поделился этим секретом: оказывается, его увлечение сродни парусному спорту, только паруса ловят ветер, а крылья — воздушные потоки, идущие с земли. Кто быстрее «нащупывает» такой поток,

тот и выигрывает. Циркулирующий воздух нужно постоянно искать. Хороший его определитель — птицы: орлы, ястребы, аисты. Эти пернатые сами по себе тяжелые, лишней раз крылом махнуть не спешат, ищут, как планеристы, поддержку на перепадах ландшафта — лес-пашня, река-берег. Поэтому, если пилот увидел парящую в воздухе птицу, безошибочно можно присоседиться к ней: там самые мощные в округе восходящие потоки.

Примкнуть к пернатым можно, но иногда это может стоить каких-то издержек. Как-то мой знакомый с напарником поднялись на планере в воздух, смотрят: коршун висит над пашней, быстренько — к нему. Птица потеснилась — еще бы: к ней несется такой крупный конкурент-«хищник» с двумя головами в кабине! Но напоследок решила обидчика наказать: взмыла над планером вверх и совершила то, что все время делают голуби на памятники. И как ведь прицельно получилось: «снаряд» попал почти в центр «фонаря», так называют остекление кабины. Смеялись потом, когда приземлились, оттирая «метку» коршуна: «Хорошо, что коровы не летают!»

ПРОЩАЙТЕ, ЛАМПОЧКИ ИЛЬИЧА!

Еще в постперестроечные времена один артист-иллюзионист вместе с друзьями-музыкантами отправился с концертом в отдаленный район Татарстана. Расположились в классическом сельском клубе, и вот незадача — в нем на все про все один выключатель: одновременно вырубает свет и в зале, и на сцене. Артист к заведующему: «Непорядок это. В зале должно быть темно, а то не так эффектно будут выглядеть некоторые концертные номера». Завклубом растерялся: мол, что я могу поделать? Иллюзионист возьми и пошути: «Надо взять палку да разбить в зале все лампочки!» Сказал и забыл. Через пять минут послышались какие-то странные звуки, будто в клубе начался погром. Так и есть: заведующий взял длинную жердь и ну от всей души дубасил ею по лампочкам Ильича! А те под натиском «вандала» осыпались на пол мелким крошевом. У артистов — глаза на лоб. А в это время уборщица уже деловито орудовала метелкой, совком, ликвидируя следы «преступления».

Зрители заходили в зал в крошечной темноте, выходили — тоже...

Лет через десять казанские артисты вновь выступали в этом же клубе. Обветшалое здание, привычный выключатель — один, а под потолком дюжина 60-ватных колбочек... Заведующий тот же самый. Посмеялись с ним по поводу того давнего «происшествия» с лампочками. На этот раз обошлись с ними цивилизованно: поднявшись по стремянке, «гасили» их простым выкручиванием против часовой стрелки.

«БАННЫЙ» ДЕНЬ

Фронтовик Федор Анатольевич Егоров при встрече со мной всегда вспоминает военные будни: «Ты, милоч, запоминай, что со мной было, роман потом «придумаешь». Каждый день войны можно описывать отдельно — каждый раз получится особенный рассказ». Про один такой день он тут же мне поведал.

Отступая, немцы цеплялись за каждую возвышенность, чтобы оттуда вести минометный огонь. В один из дней они заняли карельскую деревню, расположенную на холмистом берегу реки. Враг держит оборону — «освежает» минометным ударом наших солдат, расположившихся в низине. Командир отделения попросил Федора Егорова провести предварительную разведку: узнать, где у фашистов огневые точки. Молодой солдат рад стараться, заметил: вон там, на задах огородов банька стоит. Под ее прикрытием выглядывать сподручнее, чем с открытой местности. Но немцы тоже не лыком шиты, догадывались, что это бревенчатое строение в первую очередь привлечет внимание любого разведчика — баньку заминировали и были наизготовку, следили за ней острым взглядом. И только-только наш герой приблизился к ней на полусогнутых ногах, на секунду рухнул на землю, чтоб ползком подобраться к строению — раздался страшный взрыв. Егоров вжался в землю, его лишь припорошило щепками и грязью, а бревна разлетелись вверх и рассыпались в радиусе 30-40 метров. Такой вот получился у Егорова «банный» день. ■

Карина Кадырова

Карине Кадыровой семнадцать лет. Она родилась в Казани, а живет в Нижнем Алькеево, учится в средней школе. Именно там, на встрече редакции с алькеевскими читателями, мы и познакомились. Это — ее первая публикация. Поздравляем!

А ты набери в телефоне тот номер,
 Что помнишь наизусть ещё.
 Скажи, как скучаешь по этой старушке,
 Обрадуй в холодную стужу ее.
 Она у окна сидит в своем кресле,
 Всё ждёт, когда же ты позвонишь,
 Когда, наконец-то, увидишь, приедешь,
 Когда на неё свое время найдёшь.
 Морщины всё больше лицо закрывают,
 Она постарела, но так хороша:
 Ты вспомни, как в детстве тебя всё качала,
 Любовью и лаской огорода.
 На час от тебя не отходила,
 Дарила улыбку свою и тепло.
 Возьми, набери в телефоне тот номер,
 Что наизусть ты помнишь еще.

► **Миляуша Набиуллина,**
Университет талантов

ПРОЧНАЯ НИТЬ

Город открывается передо мной, как книга, страница за страницей с самого детства. Разные места и районы города – от родного Соцгорода до близкого по духу Закабанья – создали мой собственный культурный код казанца, благодаря которому я представляю, что было, вижу, что есть, и узнаю, что будет. Проводник в мир прошлого и твердая опора, с которой я отправляюсь в будущее, – моя дэу эни, погрузившая меня в атмосферу стремительно уходящей старой Казани рассказами о людях города и прогулками по его зеленым, ещё не запыленным улицам.

Помню, как мы идём с дэу эни по замерзшей глади озера Кабан. Прозрачное ледяное покрывало замело снегом, но горожане проложили по нему тропы – так короче. Сумерки заботливо укутывают Казань, вдали видны огни театра и шумной улицы. Мы любим гулять вместе – я верный и, как мне кажется, совсем не капризный спутник. Моя маленькая ладошка – в её мягкой руке, и мы смело переходим озеро на пути к дому родственников. Лёд прочно сковал озеро, хранящее свои древние тайны. Как рассказывает дэу эни, на его дне много сокровищ, которые бережет Су анасы... Вдруг она просыпается и слышит наш разговор, но я не боюсь: дэу эни рядом, и ничего не случится. Я ещё не раз буду оказываться у озера, то случайно, то нарочно приходя сюда, и вглядываться в него: а вдруг появится Су анасы и покажет мне свои сокровища?

Я выросла и повзрослела, но моя рука в ладони дэу эни: нам нельзя друг без друга и без города с его загадочным озером. Зимняя прогулка – «сегодня» нашей жизни, а вчера...

...Дэу эни юна и весела. Летнее солнце встает над Казанью, ослепляя всё вокруг. Дэу эни (и вовсе не дэу эни, а ещё маленькая девоч-

ка!) ответственная за своих младших братьев и сестер, пока родители на работе. Вечером дружная босоногая толпа бежит к озеру купаться и ловить раков. Усевшись на берегу в лучах предзакатного солнца и лакомясь зелеными перьями лука с квасом, она всматривается в минареты мечетей и слышит волшебный, пленяющий своими переливами азан. Древний город плывет перед ней, рассказывая истории о ханах, богатствах и войнах за них. Вот появляется восточный базар с его ароматами пряностей и зачаровывающей речью. Всё бежит, суетится, меняется... Заливистый смех детворы, плещущейся в воде, будто пробуждает юную путешественницу во времени ото сна. Она снова в городе своего детства.

Это и мой город, вобравший в себя сотни лиц, впечатлений, мест и историй, соединяющих прошлое с будущим прочной нитью. Она не порвется: два поколения, две разные эпохи, две неразделимые части – внучка и бабушка – снова у озера, ладонь в ладони, вглядываются в мутные воды, узнавая отчетливые картины прошлого и едва замечая прозрачные, неуловимые очертания того, чему ещё только предстоит сбыться. ■

Казанский Государственный Медицинский Университет во второй раз выступил организатором литературного конкурса среди студентов и аспирантов медицинских вузов нашей страны.

В этом году победителями стали:

Первое место - Анна Малышева, студентка V курса медицинского факультета Чувашского государственного университета с работой «Кунсткамера».

Второе место разделили ординатор кафедры психиатрии с курсом наркологии КазГМУ Михаил Чертищев с рассказами «Беглец» и «Митя» и Эльмаз Мустафаева, студентка I курса Крымского федерального университета, с работами «Кукла» и «Возрождение планеты».

Третье место поделили Андрей Анисимов – студент V курса педиатрического факультета КазГМУ с работой «Записки юного врача или работа хирурга в районной больнице» и студентка КазГМУ Эльвира Ахмедзянова с эссе по мотивам книги Ф.Г. Углова «Сердце хирурга».

Михаил Чертищев

БЕГЛЕЦ

Женя З. сидел на кушетке в приёмке, корчил рожи, махал руками и хлопал в ладоши. Его мама, пожилая женщина с усталым лицом, направилась к двери:

– Женечка, футболку твою, ту полосатую, а тебе принесу завтра, хорошо?

– Хорошо, мамочка. Мамочка, а я здесь на-долго опять, да?

– Ну это как доктор скажет. Не расстраивайся: полежишь, отдохнёшь. Ну ладно, пошла я, до завтра...

– До свиданья, мамочка...

Женя из тридцати восьми лет своей жизни болел шизофренией уже около двадцати. Он был очень добродушным и послушным, вёл себя как шестилетний ребёнок, но при обострениях становился эмоционально неустойчивым, начинал то рыдать, то хохотать без причины. Появлялось куча ужимок, странных жестов, вычурной мимики. Появлялись и угрожающие «голоса». На этот раз Женя дома удержался

достаточно долго – около полугода не поступал в клинику.

– Так, давай свои трико сюда, а тебе вот – надевай.

Медсестра протянула Жене ярко голубую больничную пижаму и штаны. Женя скорчил очередную нелепую гримасу и стал послушно просовывать ноги в штанины.

– Ну теперь давай рост измерим! Не вырос ты за полгода? Не, не вырос! – засмеялась санитарка.

– Кожные покровы чистые, температура тридцать шесть и шесть.

Заведующий отделением сидел на диване и устало вздыхал:

– Ну что же ты, Женя, опять к нам. Голоса есть сейчас?

– Нету, голосов нету сейчас.

– А мусор зачем домой таскаешь – фантики всякие подбираешь? Это разве не они тебе приказывают?

– Нету, никто не приказывает.

Доктор отвернулся в сторону окна. В приёмном отделении воцарилась тишина, нарушаемая только щёлканьем компьютерной клавиатуры. В дверях показался врач скорой помощи:

– Добрый день! Вот, в женское привезли, дамочка одна тут дома газом решила отравиться, чуть пожар не устроила.

– Секунду, мы ещё больного оформляем.

– Кого вы оформляете?

– А вот этого... Стоп! А где Женя?

В приёмку вбежала вахтёрша с вытаращенными глазами

– Там парень, парень этот, дурачок, убегает!

– Как?

Все тут же кинулись к выходу, заведующий и санитарка выбежали на улицу. На дворе уже никого не было. Женя убежал. Побледневший врач вернулся в приёмку.

– Он согласие подписал? Первичный осмотр оформили? Данные в компьютере?

– Да, всё сделали.

– Вот попали мы!

На улице стояла середина марта. Погода была ужасной: небо затянуто облаками, как цементом, моросил мелкий дождик, снег на обочинах превращался в грязную кашу. В одних больничных шлёпанцах и синей пижаме огромными, размашистыми шагами по этой жиже шёл Женя. Он шёл домой. Из центра города – на окраину, в Северный посёлок. Ему предстояло пройти километров этак десять. Улица Бутлерова всегда была многолюдной, и все оглядывались на странного пешехода. На другой стороне улицы стояла группа школьников-подростков. Две девочки от хохота присели на корточки, держась друг за друга. Один из парней снимал происходящее на телефон, другой заливался гомерическим смехом. Женя смотрел по сторонам, нелепо хлопая в ладоши.

Тем временем в приёмном покое зазвонил телефон. Медсестра взяла трубку. Раздался хриплый мужской голос:

– Алло! Алло! Это психбольница на Волкова? У вас тут сумасшедший какой-то возле больницы бегаёт. В синей пижаме.

– Это по поводу Жени звонят, вот возьмите.

Доктор взял трубку:

– Вы кто?

– Я таксист. Вот, из двора выезжал и увидел.

– А где он сейчас?

– Да по Бутлерова вниз ускакал. Весь мокрый, в грязи по колено.

– Ну точно – домой побежал, в Авиастроительный. Надо в полицию звонить. Ох и попадёт же от начмеда!

– Полиция? Это РКПБ на Волкова, шестое мужское отделение. У нас больной сбежал. Да, да, особо опасный. Выбежал минут десять назад из приёмного покоя в синей пижаме, таких же штанах и шлёпанцах. Направляется предположительно в сторону Ленинской дамбы, в Авиастроительный район.

Часа через два по обеим сторонам Булака образовалась огромная пробка. Полиция перекрыла Ленинскую дамбу. Ещё длиннее пробка образовалась на проспекте, с другой стороны Казанки. Женя прошагал весь Кремль и стал выходить на дамбу. Вдруг его взору предстала группа полицейских с дубинками и растянутыми сетями. Женя в ужасе попятился назад, но за спиной его ждала такая же картина. Какие шизофренические мысли возникали тогда у него в голове, известно только одному Женю. Но, похоже, давний параноидный бред становился реальностью. Женя сел прямо в лужу, закрыл голову руками и горько заплакал. Поймали его быстро, сопротивления он не оказывал. Быстро подъехала скорая и отвезла Женю назад в приёмный покой.

Истошный вопль слышался по всей больнице. Когда в приёмку вошёл врач, Женя заревел ещё громче, сел на пол и начал причитать:

– Они...дубинками...сетями...пистолеты у них...доктор! Я же говорил! А вы не верили! Говорил, что следят, а вы всё – кажется тебе! Ааааа!

В отделении беглецу сделали инъекцию ами-назина. Ночь Женя провёл спокойно.

Эльмаз Мустафаева

КУКЛА

Каждое утро я гуляю в парке. Только там я могу избавиться от чувства пустоты и одиночества. Парк рядом с домом для престарелых — это уголок земли, где живёт только природа и нет места мирской суете.

Утро в парке — это яркий солнечный свет, ясное или пасмурное небо, дарящее благо всему живому; это и пушистая рыжая белка, прячущая свой драгоценный орех. Для меня — это целый мир, где Одиночеству нет места. Здесь я забываю о том, кто я, о своём прошлом, о смерти жены и предательстве сына. Здесь исчезает боль, сердце перестаёт колоть и приближение смерти не страшно. Сосна, ели и берёзы словно верные стражи, защищающие меня. Я живу лишь утром, всё остальное время я мёртв.

Двадцать лет назад, когда я ещё был врачом, а не обитателем в доме для престарелых, со мной приключилась одна история.

Помню, ранним утром, после долгого и утомительного ночного дежурства, я как всегда отправился на прогулку в парк.

Была поздняя осень; холодный ветер торопливо срывал листья с веток деревьев, небрежно разбрасывая их по всему парку. Я присел на скамейку и погрузился в свои мысли. Внезапно послышался чей-то плач. Неподалёку, метрах в пятидесяти от меня, на скамейке сидела пожилая женщина, а рядом с ней женщина помоложе вместе с маленькой девочкой, вероятно, дочерью. У девочки в руках была старая кукла, которую она так усердно пыталась спрятать от матери.

— Чего ты ревёшь, старуха? — гневно крикнула женщина. — Тут не так уж и плохо жить, ты привыкнешь.

Пожилая женщина молча сидела, перебирая бусинки на своём ожерелье. Маленькие капли слёз медленно катились из глаз, тихо падая вниз.

— Прошу, старуха, не надо этой драмы, я буду навещать тебя!

— А ведь когда-то ты называла меня мамой! Когда-то у меня была дочь Танечка, которая радовалась каждой новой игрушке, подаренной её любимой мамой.

На лице старушки появилась горькая улыбка.

Молодая женщина на мгновение замолкла, потупив глаза на жёлтую листву, падавшую с деревьев на неприветливую тропинку.

— Перестань... Мам, я же не отказываюсь от тебя... Я приеду, как только улажу с работой...

— Не надо, не приезжай! Танечка, я чувствую, что умру скоро! Так что можешь не волноваться за меня. Дай лишь попрощаться с внучкой, — холодно перебила мать.

Сморщив нос и сощутив глаза, женщина сказала:

— Опять ты за своё! Ладно, прощайся, сколько угодно, только не надо рассказывать Полине о том, какая мама у неё плохая!

Женщина отошла в сторону, погрузившись в телефон.

— Полина, подойди поближе! — подозвала свою внучку бабушка.

Маленькая девочка нерешительными шагами подходила к бабушке, всхлипывая и плача.

— Не плачь, милая! — успокаивала бабушка, обнимая внучку.

— Бабушка, ты правда не будешь с нами жить? Не хочу, чтоб так было!

— Полина, не грусти. Когда-нибудь мы с тобой обязательно встретимся!

На минуту девочка устремила свой взгляд на небо, какая-то мысль осенила её:

— Когда вырасту, я тоже брошу маму! — со злостью и плачем сказала она.

— Не смей так говорить! Мама очень любит тебя, всё, что она делает, ради тебя! Любая мама желает своему ребёнку только добра и взамен ничего не требует. Я не обижаюсь на твою маму, ведь она моя дочь. Она любит меня!

— Любит? Любить — значит бросать?

Большие голубые глаза девочки с укором смотрели на старушку, ожидая ответа. Но бабушка молчала. Она не знала, что ответить на этот вопрос. Думаю, на него нет ответа.

Мёртвую тишину прервала мама Полины. Закончив разговор по телефону, она подошла к дочери и с любовью взглянула на неё:

– Полюсочка, бабушка что-то наплела тебе обо мне? Не верь ей, твоя бабушка болеет, – улынулась женщина дочке.

В этот момент она увидела старую куклу в руке девочки:

– Что это за старьё? Зачем ты дала ей эту грязную куклу?

Женщина выхватила из рук девочки игрушку и выбросила её в стоящую рядом урну:

– Ты Поле лучше денег дала бы, а не кукол всяких дарила.

Маленькая девочка, прикрыв ладонями лицо, заплакала.

– Прекрати, Полина. Я куплю тебе новую куклу!

– Но, мама, мне нужна именно эта! Это подарок бабушки!

– Хватит! Вставай, пора прекратить эту ностальгию!

Схватив дочку, женщина быстрыми шагами направилась вперёд, на дорогу, которая вела в дом для престарелых. Немощная старуха медленно следовала за ними, прихрамывая и порою всхлипывая.

Тогда я впервые подумал о том, почему дети порою так жестоки? Работая с десятками брошенных, потерянных и обиженных, я ни разу не задумывался, почему дети обрекают на такую участь своих матерей и отцов.

После долгих размышлений я подошёл к урне и достал ту самую старую куклу, на платье которой было вышито: «Любимой дочке Оле». С тех пор я никогда с ней не расставался, до сегодняшнего утра...

Спустя много лет, гуляя по этому же парку, я увидел знакомое лицо той самой девочки Полины. Теперь это была симпатичная голубоглазая женщина с элегантной походкой. Позади неё шла пожилая женщина – та самая, некогда бросившая свою мать.

– Поля, доченька! Не поступай так с мамой! – умоляла женщина.

– Мама, это всего лишь на месяц, пока мы не найдём тебе подходящую квартиру! Присядь на лавочку.

Полина взяла за руки старушку:

– Мам, ты ведь понимаешь, что детям нужен покой. Им нельзя видеть твои постоянные истерики...

Старушка холодно сказала:

– Та самая лавочка! – из глаз, окружённых морщинами, потекли кристально чистые слёзы – слёзы раскаяния. – Мама, мамочка моя! Я бросила тебя тогда, прости! Я сполна расплатилась за это, – шептала старушка.

– Мама, что с тобой?

– Помнишь бабушку?

– Бабушку? – не понимала женщина.

Я больше не мог стоять в стороне. Я достал из кармана старую куклу и подошёл к Полине:

– Вы потеряли куклу, Полина! – сказал я. Вручив куклу, я незаметно удалился.

Из глаз Полины потекли слёзы, она вспомнила свою бабушку.

Мне неизвестно, как сложились дальнейшие судьбы этих людей, но в доме престарелых этих женщин я не видел. ■

Только для Вас всей душой проведем Никахи и Ваше главное торжество!

Центр Никаха в «Туган Авылым»:

- Халыль гастрономия в национальном стиле
- Интерактив «Благословение из родной деревни»
- Фотопроект «Семейное счастье»
- Эксклюзивная программа, креативное оформление залов
- Три зала общей вместимостью до 500 человек
- Встреча гостей в национальных костюмах
- Средний чек от 1500 рублей на человека
- Наличие мечети на территории комплекса

Адрес: г. Казань. Туфана Миннуллина, 14/56

www.tugan-avilyim.ru

Тел.: (843) 277-25-00

- > **КОНТРАМАРКА**
- > **РЕЛЬЕФ МЕСТНОСТИ**
- > **ЮБИЛЕЙ**
- > **СПОРТФОЛИО**
- > **ПОРТРЕТ ЭПОХИ**
- > **ЛИЧНОСТЬ КРУПНЫМ ПЛАНОМ**

▶ Айгуль Габаши

ДУШЕВНЫЕ УСТРЕМЛЕНИЯ И ПРИЗЕМЛЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Зрители уже привыкли к современному прочтению классики на сцене Казанского академического русского большого драматического театра им. В. Качалова. Постановка по пьесе Н.В. Гоголя «Женитьба» также отличается творческой изобретательностью, живыми и узнаваемыми характерами, актуальными акцентами в раскрытии темы и эмоциональной заразительностью.

Значительной переработке подверглось само литературное произведение. Сокращение текста, освобождение его от бытовой конкретики и колорита позапрошлого века делает спектакль более современным, условным, поэтиче-

ским. Сатирическая комедия заиграла новыми красками, психологическими переливами, философскими обобщениями.

Поднимаемая в спектакле тема любви, поиска второй половинки, подводных течений этого непростого процесса для театра очень выигрышна. Она дает возможность актерам проявить чувственность, темперамент, раскрыть свое человеческое обаяние. Вместе с тем, эта тема достаточно серьезна, актуальна в наши дни, трогает за живое.

На психологическую глубину и поэтические обобщения настраивает зрителя и художественное оформление постановки. Режиссер Илья Славутский и художник Игорь Четвертков создали особый фантазмагорический мир. Лаконичное пространство малой сцены, перевернутый вверх тормашками Петербург на декорациях, весьма условные, но тщательно продуманные костюмы (художник по костюмам Елена Четверткова) – все это придает спектаклю стилевое единство, композиционную стройность.

Сам по себе сюжет комедии довольно прост и по времени занимает меньше одного дня. Но в ней воспроизведена целая галерея ярких и самобытных образов, дающих актерам прекрасную возможность проявить в полной мере свой талант.

Это, конечно же, женихи Агафьи Тихоновны. Каждый из них обладает яркой индивидуальностью и внешней характерностью. Режиссер и исполнители осовременили персонажей, сделав их не только комичными, но и весьма узнаваемыми. Похожий на девочку, восторженный и инфантильный Анучкин Никанор Иванович (Алексей Захаров) – воплощение «гламура» с его легкомыслием и оторванностью от реальной жизни. Деспотичный и

Актриса Елена Ряшина в образе Агафьи Тихоновны одновременно и смешна, и трогательна. Угловатая, простодушная, недалекая, она подкупает своей искренностью и добрым сердцем. Очень убедительно показаны переживания героини, ее мечтательность и вместе с тем вполне земной прагматизм.

высокомерный чиновник Яичница Иван Павлович (Александр Малинин) проявляет прагматизм прожженного бюрократа. Владелец магазина Стариков Алексей Дмитриевич (Илья Скрябин) – уверенный в себе и по-своему обаятельный «бизнесмен», делающий ставку в любовной игре на деньги, материальный достаток, стабильность. И, наконец, неприкаянный балагур и бродяга, неудачливый любитель прекрасного пола Жевакин Балтазар Балтазарович (Виктор Шестаков). Он бойко и непринужденно демонстрирует стандартные приемчики столь популярного сейчас «пикапа», тем не менее, ему уже семнадцатый раз дают от ворот поворот.

В каком-то смысле спектакль

получился даже дидактический. Перед зрителями предстала своеобразная «энциклопедия», в которой показаны разновидности искателей «руки и сердца». Если для старшего поколения это просто занимательно, то для молодежи, возможно, даже поучительно.

Очень современно выглядит сваха Фекла Ивановна. Бойкая беспринципная баба, для которой, кроме ее работы и связанной с ней выгоды, ничего на свете не существует. Надежда Ешкилева подчеркивает ее настырность, напористость, безответственность, создавая портрет предприимчивой «деловой женщины». По-особому играет на раскрытие образа и ее костюм: элегантный, строгий, в пастельных

тонах, с сумочкой в тон, он резко контрастирует с ее вульгарностью и базарными замашками.

Центральное место в спектакле занимает лирическая тема. Несмотря на ярко зрелищную театральную форму постановки, граничащую с гротеском и пародийностью, история взаимоотношений мужчины и женщины показана достаточно глубоко и правдиво. Герои пьесы – люди не очень молодые: «закоренелый холостяк» Подколесин и засидевшая «в девках» Агафья Тихоновна. Это приближает происходящую ситуацию к нашим дням, когда многие, прежде чем создать семью, стремятся получить образование, преуспеть в профессии, а в результате привыкают к независимости, к определенному образу жизни, мышления, которые уже трудно поменять. Чем-то эта линия напоминает кинокомедии Эльдара Рязанова, его знаменитые «Служебный роман» или «Иронию судьбы». Такое впечатление усиливает игра актеров, богатая психологическими оттенками и пронизанная тонким лиризмом.

Актриса Елена Ряшина в образе Агафьи Тихоновны одновременно и смешна, и трогательна. Угловатая, простодушная, недалекая, она подкупает своей искренностью и добрым сердцем. Очень убедительно показаны переживания героини, ее мечтательность и вместе с тем вполне земной прагматизм. Е. Ряшина в этой роли напоминает известную актрису Инну Чурикову, ее выразительные, «говорящие» глаза наводят на мысли о внутренней, духовной красоте, которая и является единственно настоящей.

Очень интересен Илья Петров в роли Ивана Кузьмича Подколесина. В отличие от других исполнителей, он не делает акцента на внешней

характерности, а раскрывает свой персонаж как лирического героя, воплощение естественных человеческих качеств и чувств. Понятно его желание любить и быть любимым, но также понятны и его страхи,

стремление к свободе, нежелание обязательств, рутины, притворства. Пространство малой сцены создает особую доверительную связь между актером и зрителями, и надо сказать, что на разных спектаклях,

в зависимости от настроения зала, он играет сцену бегства немного по-разному.

Символично выглядит в спектакле качаловского театра столкновение позиций Подколесина и Ильи Фомича Кочкарёва (Марат Голубев). Это не просто отношения двух друзей, один из которых пассивен и ленив, а другой кипит энергией, планами, неудержимо стремится к победе. Одиозная фигура Ильи Фомича в начале спектакля по-мефистофельски появляется из-под земли и туда же проваливается в конце. Это явно аллегория. В классической трактовке можно было бы сказать, что он олицетворяет собой «век девятнадцатый, железный». Но сейчас, в веке двадцать первом, эта погоня за переменами, господство действия над мыслью и чувством выражена гораздо сильнее. Все, что угодно, только не застой — девиз современной жизни. От цели к цели, в бешеном

ритме, не успевая ни осмыслить, ни прочувствовать результаты своих усилий — разве это не наша сегодняшняя жизнь?

В таком контексте бегство Подколесина от скоростного брака не выглядит трусостью и малодушием. Напротив. Это вполне оправданный, благородный поступок — защита жизненного пространства человеческой Души от жесткого давления внешних обстоятельств. Ведь человек — не машина. Его чувства должны созревать своим чередом, а отношения развиваться по своим законам. И люди, в идеале, должны сходитьсь и быть вместе не для какой-то конкретной цели, не из прагматических мотивов, а по велению сердца, наслаждаясь всей палитрой возвышенных и романтических переживаний.

Увы... Похоже, тем, кто в это верит, уже во времена Н.В. Гоголя приходилось довольствоваться лишь

мечтами. Чего уж говорить о нас сегодняшних... Вот такой, знакомый всем конфликт между душевными устремлениями и приземленной реальностью разыгрывается на подмостках. ▀

Искреннюю, доверительную атмосферу в спектакле создают все его участники. Незамысловатую историю о несостоявшемся счастье актеры рассказали с мягким, интеллигентным юмором и большой душевной теплотой.

Лена Тябина

ЖИВАЯ СОВРЕМЕННОЦА ТУКАЯ

Как время быстротечно!.. После смерти Тукая всего-то сто лет прошло, но уже ни один человек не может сказать: «Я видел живого Тукая!»... Так мало остается даже тех, кто видел и слушал современников поэта. Тепло прикосновений поэта хранят его мемориальные предметы и мемориальные вещи его друзей, прижизненные издания, которые хранятся в музеях и библиотеках.

Поэта еще помнят здания, дома, камни, деревья... Одно из таких деревьев вы можете увидеть в деревне Новый Кырлай Арского района. Кырлай – деревня, которая помнит детские годы будущего поэта. Сюда Габдулла привезли ребенком в приемную семью в июне 1892 года. Ему тогда только-только исполнилось шесть лет.

Это дерево – сосна. По преданиям местных жителей, она посажена маленьким Габдуллой и его приемным отцом – крестьянином Сагди (Салиховым Сагдетдином, сыном Шамсетдина). Дерево растет на территории Государственного литературно-мемориального музейного комплекса Г. Тукая, в огороде дома Сагди, который является мемориально-бытовой частью экспозиции. Сосна-патриарх поражает необычностью и живучестью: ствол раздвоился, на дереве глубокая рана, из-за болезни спилены сучья. Она как символ жизни и творчества Тукая. Как будто дерево всю свою долгую жизнь вспоминало про маленького Апуша, внутренне

повторяло его пути-дороги, которые раздваивались... Может, именно в тот год, когда он умер, появилась эта страшная рана, зияющая на могучем стволе?

Отметили 130-летие Габдуллы Тукая, и, наконец, произошло долгожданное событие – в Литературном музее Тукая в Казани идет ремонт, музей готовится к созданию новой экспозиции. О том, что ожидает посетителей в обновленном музее, обязательно напишем. Пока сотрудники заняты тем, что ищут новые экспонаты, работают со строителями, историками, дизайнерами, обдумывают не только новую экспозицию, но и примузейную территорию. Музейный двор тоже ждет обновления. Перед нами стоит сложная задача: создать сад души Тукая. Кое-какие мысли-идеи у нас уже имеются, но осуществлять их должны профессионалы – садоводы, агрономы, цветоводы, ландшафтные дизайнеры, лесники. В первую очередь, необходимо создать научную концепцию сада. За эту работу взялись ученые и сотрудники КФУ. Чтобы проникнуться миром Тукая, попросили свозить их в Кырлай. Не отказались они посетить и деревню Кушлавыч (тоже Арский район), где поэт родился.

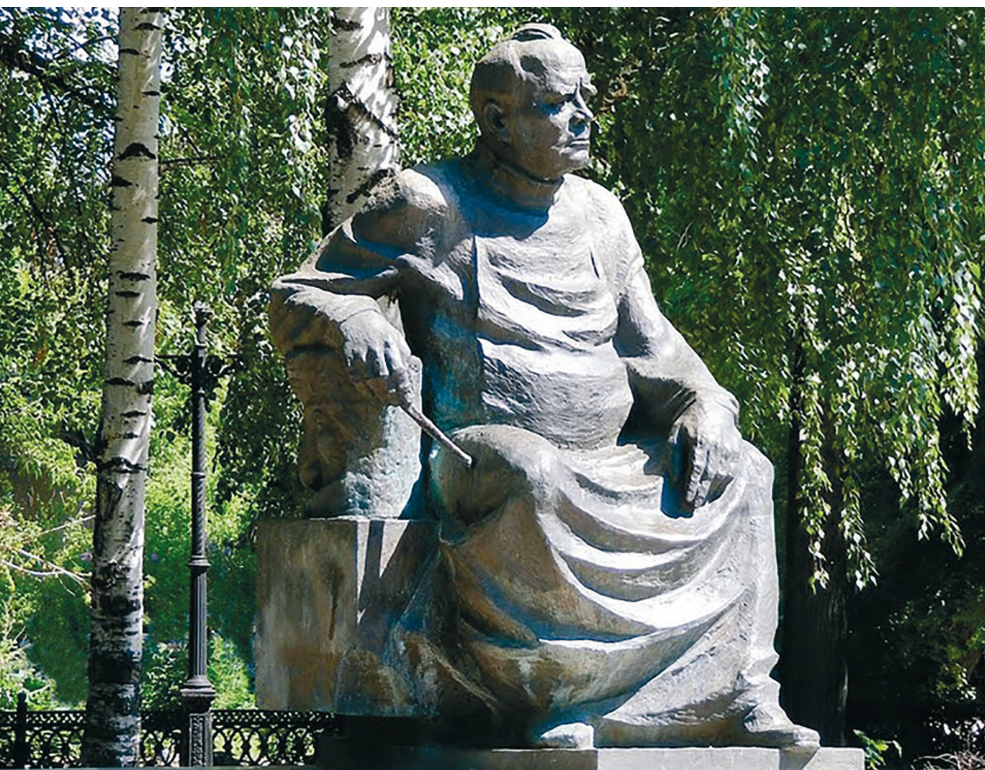
...День обычный, летний, хотя не совсем обычный: это случилось в Петров день! Солнце палит, правда, набежали тучи, и от Арска до Кушлауча ехали под ливнем. Пока знакомились с экспозицией дома-музея семьи Тукаевых, дождь прошел, опять жарко и солнечно... Заведующий Домом-музеем семьи Тукаевых Лайля Мухаметшина рассказала о том, какие планы у музея на будущее: «В маленьком домике во дворе, который построен еще в 70-е годы прошлого века и где до середины 90-х работал музей Тукая, предполагается создать экспозицию, посвященную сиротской доле будущего поэта, о чем он пишет в автобиографической повести «Что я помню о себе». Кто хорошо знает это произведение, помнит Шарифу карчык. Будущая экспозиция воспроизведет ее дом, покажет предметное наполнение повести, расскажет о жизни двухлетнего мальчика Габдуллы (ему было 2 года 8 месяцев) в ее доме». После экскурсии ученые изучили насаждения двора при усадьбе. Попутно я излагала ученым свои пожелания о содержании музейного сада в Казани: сад Литературного музея Тукая должен пробуждаться в апреле – ко дню памяти Тукая, к 15 апреля. Хорошо бы иметь несколько растений, которые напоминают и о его детстве: фиалки, хохлатки, мать-мачеху, папоротник, сныть, подорожник. Пейзажная лирика Тукая, отражающая его жизненные позиции, философию его творчества, будет раскрываться через конкретные рас-

тения, цветы, кустарники и деревья. Мир его поэзии очень органично вписывается в мир природы нашего края.

Обсуждая флору будущего сада, решили пройтись до могилы отца Габдуллы Тукая – Мухамметгарифа муллы. Это буквально несколько десятков шагов от музея. Именно здесь нас ожидало чудо. На полпути нас встречает (не встречает, заставляет остановиться и поздороваться!) дерево. Огромное, уродливое, но в то же время могущественное и прекрасное! Это ива – дерево мягкое, податливое и очень живучее. Лайля нам рассказывает, что дерево несколько раз спиливали, оно чуть не погибло. Его возраст она затруднилась назвать, но тут ученые начали свои исследования. По их мнению, иве ничуть не меньше, чем сто лет! А дальше мы начинаем рассуждать с Лайлей: последний раз Тукай в Кушлавыче побывал в 1907 году. Значит... Значит, Тукай видел эту иву! Она, наверное, тогда была совсем маленькая, не думала, что жизнь у нее будет несладкая, что проживет она сто лет. Дерево это – символ Тукая. Корнями оно ушло в недра родной земли, кроной тянется ввысь – «я устремляюсь в высоту, в бессмертность, в бесконечность...» А сколько ран на нем! Сколько попыток его уничтожить! Но живет дерево, радует людей, удивляет, восхищает.

Можно дерево словами подробно описать, можно рассмотреть внимательно на фотографии, но лучше увидеть его вживую. Очень хочется верить, что кушлаучская ива станет местом паломничества любителей и ценителей Тукая, жителей республики и туристов из разных уголков России. Те, кто хочет посетить родину Тукая – Кушлавыч и знаменитый край Шурале – Кырлай, могут проехаться по экскурсионному маршруту Национального музея РТ «Колыбель поэта». ■

► Розалина Шагеева –
лауреат Государственной
премии РТ им. Г. Тукая-2016

ВОСХОЖДЕНИЕ К ИДЕАЛЬНОМУ. БАКИ УРМАНЧЕ И ТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

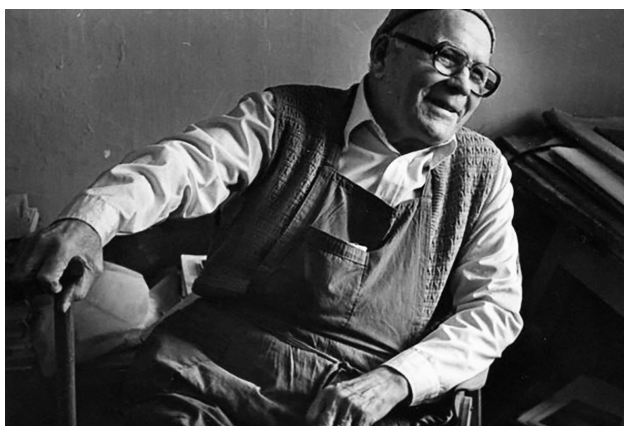
Творчество Баки Урманче, яркое, многогранное, протяжённое во времени, удивительное по масштабу и интеллектуальному содержанию, составило ядро татарской культуры XX столетия. 70-летний творческий путь мастера отмечен созданием выдающихся произведений живописи, графики, скульптуры, архитектуры, монументального и театрально-декорационного искусства, обширной публицистикой и смелым вторжением в сферу развивающегося искусствознания.

Нельзя отрицать того, что в творчестве Урманче как родоначальника татарского изобразительного искусства было немало интуитивного, спонтанного, романтического, порой злободневного, созданного в угоду времени, но фундаментальную основу его мировоззрения, проливающую свет на весь творческий путь и созданные мастером выдающиеся ценности, составила особого рода духовность. Связанная сначала с учёбой у отца-муллы, а затем в выдающемся медресе «Мухаммадия», эта духовность прошла через горнило реформаций джадидизма, готовая уже к началу нового века перенять новые для национального сознания европейские ценности. Доминанта духовности и нравственная вера – иман – составили этический каркас мироощущения и всего творчества мастера. Эта вера понималась Урманче не догматически однобоко, через атрибуты и регламентации Ислама, а как приобщённость к первоисточникам-импульсам Вселенной, к космическому разуму, к совершенству Мира и Природы. Отсюда и самодовлеющее значение литературы как самой духовной из искусств, составляющей центр этого миропонимания, восходящей еще к Корану, хадисам пророка, а затем к светской литературе XIII–XIX веков. На всём громадном творческом пути Мастера корректирующую, направляющую помыслы художника роль играла тысячелетняя татарская литература. Именно в недрах татарской литературы, взявшей на себя роль

компенсации отсутствующих форм визуального отображения, и родилась концепция национальных изобразительных искусств. Воплотить её в действительность предстояло первому поколению художников Татарстана и, в первую очередь, патриарху татарского изобразительного искусства Б.И. Урманче. Имея, наряду с сокровищами орнаментальной и пластической культуры народа, и великое здание его многовековой литературы, ощущая эпический дух и масштабы творений прошлого, их глубину и всеохватность, Урманче смог выйти на кардинальный путь развития – новый виток национальной культуры.

Говоря о литературности творчества Урманче, следует учитывать два фактора. С одной стороны, благодаря традиционным этико-нравственным устоям своего воспитания, он воспринимал мир через литературу. С другой стороны, его мировоззрение формировалось в переходную эпоху, в так называемый «золотой век» татарской культуры, подготовленный несколькими поколениями просветителей и представителей общественной мысли, когда национальное сознание стало трепетно вбирать в себя достижения европейского и русского искусства. И поэтому в 1913 году мы уже застаём его у дверей Казанской художественной школы (КХШ), но двери «не пропускают» мальчика, не знавшего «закона Божьего», в свой пантеон. Но действительный, настоящий прорыв в мир изобразительного искусства был совершён представителями татарской интеллигенции после революции 1917 года, о чём недвусмысленно и настойчиво пишет Урманче в своей неопубликованной статье «Искусство Татарстана» (1974), когда и он, наконец, оказывается воспитанником «начальных мастерских» КХШ.

Импрессионистическое творчество Урманче 1920-х годов, где щедро нюансированная живописная манера,

созвучная многооттеночности национального мышления, была в высшей степени адекватна духу изменчивого, символического времени, с самого начала отмечает подозрения мастера в литературщине в одиозном, негативном смысле этого слова, как в пороках академического искусства прошлого и настоящего («У переправы», «Катание на парусных лодках», «На Волге», «Портрет Сары»).

Литературоцентризм Урманче – явление более философского, мировоззренческого порядка, нежели стиливого или формообразующего. Это не подражательность литературе, сюжетность, иллюстративность, а ёмкая глубина воплощённой мысли, всеобъемлющее суждение о жизни, законченная целостность и жизненность авторской концепции мира. Литература – величайшее из искусств... То, что в ней присутствует беспрепятственное течение времени и событий, дает возможность высказаться широко и глубоко об эпохе и личности, возможность раскрытия чувств со всей её воздействующей остротой на струны души, возможность создания одухотворённого чувства и красоту посредством магии слова, представляет её как величественное и вечное составляющее искусства.

Эта точка зрения своеобразно высвечивает идейно-художественную, философскую значимость воплощённых Урманче в живописи, скульптуре, графических циклах литературных образов: поэтов, писателей, героев литературных произведений, мотивов поэзии Тукая, Дэрдмента, национального фольклора – легенд, сказок, песен и т. д.

Примечательно, что задача создания галереи деятелей татарской культуры и искусства актуализировалась именно в период возвращения в Казань в 1958 году, в «эпоху оттепели», когда мастер, пропустивший через себя культурные ценности древних цивилизаций Востока и Средней Азии, окунулся в бурную культурную жизнь столицы, где шло интенсивное развитие всех форм культуры и, в первую очередь, литературы, которая, как и прежде, в эти годы представала как целостное концептуальное воплощение татарского менталитета. Именно это подвигнуло мастера на создание скульптурного «лапидария» портретов татарских литераторов прошлого и настоящего: Кул Гали, Ш. Марджани, К. Насыри, Г. Тукая, Г. Ибрагимова, М. Джалиля, Н. Исанбета, С. Хакима, Х. Туфана и др.

Интерес к личности великого татарского поэта Габдулы Тукая, к миру его образов как к гармонической точке проявления «литературности» – в лучшем смысле этого слова – вылился в целую серию произведений, включая скульптурные портреты поэта, начиная с замечательной

мраморной композиции 1959 года, а также в обширный раздел графики с сотней листов, рисунков и акварелей с вариациями к поэмам «Шурале», «Сенной базар», к стихам и прозе разных лет.

Выражением могучей сопричастности мастера к миру литературы явился тукаевский мемориал в Тукай-Кырлае, где Урманче выступает как автор целостного архитектурного проекта музейного ансамбля, создателем скульптурной композиции «Возвращение поэта», рельефов и напольных деревянных ваз на тему поэзии Тукая, придав объёмность и конструктивность идее памяти народного поэта.

Помимо транзита образов литературы в мир изобразительных искусств (живопись, скульптура) и синтеза (художественная иллюстрация), в творчестве Урманче присутствует ещё один аспект осуществления этих связей, касающийся собственно поэтики его искусства, структуры художественных произведений. Визуально-пластические искусства нового времени обретают способность передавать впечатление, категорию времени, атмосферу воспоминаний, метафорических уподоблений, являющихся исконным приоритетом литературного творчества.

Как сложные метафорические образы, близкие к литературе многомерностью, затаённой глубиной заложенного смысла через вскрытие, «обнаружение» ассоциативного ряда, предстают скульптуры Урманче: «Весенние мелодии» (1968), где образ юной девушки с кураем в руке уподобляется музыке весеннего пробуждения, «Сагыш» (1966), где в основе образа лежит уподобление жизни творца и истории народа – эпической мощи и силе могучего, жизненного корня. Сюда же можно отнести живописные полотна из цикла «Воспоминания» (1970-е), совокупные фрагменты которого несут ощущение быстротекущего времени, где композиционным ритмом и цветом воссоздаётся пластика размышлений – то, что подвластно только литературе.

В триптихе «Татарстан» (1976) и в философском цикле «Раздумья», обращаясь к приёмам восточной миниатюры и литературной притчи, художник освобождается от примата и чисто физической характеристики материального мира; его живопись стремится к всё большей бестелесности и чистой духовности; пространство и объём уплощаются, краски делаются лёгкими, светлыми, прозрачными, рисунок – бесплотным и вибрирующим. Художник как бы совершает возврат к архетипу своего искусства – к синкретизму народного творчества, параллельно

развивая поэтическую, живописную, музыкальную и аналитическую стороны своего дарования, сознательно интегрируя профессиональный опыт и народные способы художественного освоения мира. Обнажается сокрытая от поверхностного взгляда тема философского ухода из жизни – растворения в космосе, пронзительно проступает то уникальное и всечеловеческое, что и делает наследие мастера чувственным и нравственным компонентом миропостижения людей нового, XXI века.

Наряду с прямым переносом образов литературы в изобразительное искусство, Урманче обращается и к специфически-литературным способам построения художественного образа, в которых нуждается стремящееся преодолеть свою двухмерность, плоскостность, временную однозначность изобразительное искусство.

И последний аспект, определённый духовной близостью Урманче к литературе, – его собственное литературное творчество: статьи, публицистика, а также поэтические произведения, создаваемые им на протяжении всего жизненного пути, – богатейший материал, пока не изданный во всём объёме, но обещающий встречу с настоящим поэтом, создателем творений, равнозначных другим граням его дарования.

Из стихов мастера вырастает вся его личная, внутренняя жизнь, пережитые им невзгоды и гонения, и в ответ на это – духовная мощь, сила сопротивления. Оставшиеся пока как неоткрытый родник или сокрытые под пластами земли неведомые сокровища, стихи Урманче раскрывают его мужественный, созвучный эпохе, возвышенный, изменчивый, полный внутренней борьбы и коллизий образ. Его поэзия – это целый параллельный мир, таинственный и заповедный, принадлежащий только ему и его музам, посещающим его в момент сосредоточенной работы на белом листе, там, где живут его боги, «учителя» в облике великих поэтов прошлого – Хафиза, Саади, Хайма, а также возлюбленные и вся окружающая его действительность, в форме бытовых картин, зрелищ природы и фантастических видений, в которых происходит невозможное – восхождение к идеальному.

Поэзия для Урманче – всеобъемлющее царство человеческих деяний, суеты мира и божественного миропорядка. В отличие от ограниченности скульптуры и живописи, поэзия способна с гораздо большей полнотой представить целостность эпохи-события и картины внутренней жизни в их последовательности, в смене

душевных состояний, страстей, дать законченный ход действия. Она выражает духовное со всеми порождениями фантазии и искусства, в широте развития во времени.

Стихи, созданные Урманче на Соловках и во время вынужденных странствий по Средней Азии и Казахстану, посвящены образу Родины: здесь путеводные звёзды – Волга, предгорья Урала, трагический образ матери и чарующие лики юных красавиц – цветов этой земли, картины, закрепившиеся в сознании с детства, юности как радужные всплески безоблачного счастья («Хатираләр» / «Воспоминание» (1930), «Тәтә әнкәйгә» / «Матери» (1935).

Другой пласт стихов посвящён испытаниям духа, перипетиям судьбы, выпавшим на долю лироэпического героя, его духовному становлению. Они воспринимаются как автопортрет художника. Поэзия его живописна, так же, как живопись «литературна» – в смысле широты, объёмности содержания. В этом отношении он близок Микеланджело, которого Рафаэль на фреске «Парнас» в Ватикане изобразил среди величайших поэтов всех времён и народов. В отличие от Буонаротти, Урманче своих стихов не читал, но молва о них жила, фрагменты проникали в творческую среду. Для обоих великих мастеров слово – такой же материал, как глина, мрамор, краски. Оба откладывали инструменты, дабы вырваться за пределы трёхмерности в бескрайние просторы воображения. В слове выражали то, что не удавалось осуществить в камне или цвете («Ярым ерак, жилләр житмәс жирдә...» / «Моя возлюбленная далеко...» (1945), «Гөрләр йөрәгемне сүндерерлек...» / «Нет на моём пути таких потоков...» (1940), «Мине?! Коллык!...» / «Меня?! Как раба...» (1940).

Третий пласт стихов Урманче несёт в себе идею великой творческой силы, мысль об ответственности за происходящее в мире; герой ощущает в себе великое дарование творца, создателя чудес... («Кайчак тыңласам күңелем...» / «Я – не провидец...» (1941).

Иногда радужное оптимистическое настроение сменяется нотами едкой самоиронии. Языковая палитра Урманче полифонична, «низкий» слог перемежается с «высоким». Шероховатость и прерывистость ритма напоминают удары молота. Складывается впечатление, что он со словом работает, как с мрамором, строит дворцы, высекает скульптуры... («Идел тын...» / «Идель безмолвствует» (1942), «Хыялымда кордым сарайлар...» / «Подлинную жизнь видел только в сновидениях...» (1979).

Наряду со стихами позитивно-рассудочными, философски-суфийскими, «пророческими», есть и некие итоговые, экзистенциальные стихи – о жизни и смерти, о наступающей старости, о чувстве долга и ответственности за прожитое. Этот плавный размеренный ритм перебивают стихи о судьбе татарского этноса, этнической разобщённости нации, необходимости «живой воды» для объединения народа в единое целое («Әйе, дустым, гомер үтте...» / «Да, друг мой, жизнь прошла...» (1960-е), «Чебешләрдәй аналарын козгын бәргән...» / «Словно стервятник побил их мать...»). Иные стихотворения созданы на синтезе цветозвуковых ощущений и являют собой словесное воплощение контуров живописных, скульптурных, каллиграфических композиций («Тәгъликъ» / «Таглик» (1936), «Дәрдемәндне укыгач...» / «Читая Дәрдемәнда», «Галәмне тудыручы» / «Создатель всего сущего...»).

Поэзия Урманче – исповедальная, повествовательная, драматическая, одическая, лирическая... Это татарско-тюркский силлабический стих, построенный на соизмеримости строк с одинаковым количеством слогов, а иногда верлибр – белый стих, построенный на чередовании и ритмико-интонационной соизмеримости строк различной длины.

Для Урманче поэзия – форма свободного выражения одухотворённого, сознательного «я» в свободно текущем потоке словесных знаков, имеющих свою национальную и ситуативную определённую, с детства вошедших в сознание с Кораном, Тукаем, Дәрдемәндом. Его гений-двойник – крылатый конь Тулпар, вырезанный в дереве и запечатлённый графическими и живописными средствами. Тулпар – символ поэзии, ясная окрылённая мысль, воспаряющая в духовные миры, вовлекающая туда и честолюбивого мастера. Поэзия – это самостоятельная область творчества Урманче, одна из граней многоликого «я», стремящегося к отображению всей полноты эмоционального отношения к миру и своих переживаний. ■

► Рустам Имамов

АННА НЕЧАЕВСКАЯ: «Перейдя в сборную Татарстана, я вывела свою карьеру на новый уровень»

На 28-ой Всемирной зимней Универсиаде в южной столице Казахстана Алматы Татарстан был представлен немногочисленной командой, однако внес немалый вклад в победу сборной России. А успешнее всех была наша лыжница Анна Нечаевская, завоевавшая в горах Алатау 4 медали, из которых 2 – «золотые».

– Анна, что вообще для вас студенческий спорт? Чувствуете ли вы особую атмосферу Универсиад?

– Конечно же, я большая фанатка студенчества, молодежного спорта, в Алматы я летела уже на вторую свою Универсиаду, имея большой «багаж» спортивного опыта, но все равно ждала старта Игр с нетерпением и очень рада, что все удалось!

– Как оцениваете организацию Универсиады? Справился ли Казахстан с проведением такого крупного спортивного события?

– До Алматы мне посчастливилось представлять Россию еще на Универсиаде в Трентино в 2013 году. Так что опыт у меня есть, я могу сравнивать и объективно оценивать уровень проведения Игр. И серьезных претензий у меня к Алматы нет, наоборот, все было прекрасно. Универсиада прошла на одной волне. Очень грустно сейчас с ней прощаться. Очень теплая, дружелюбная обстановка, активные

Фото из архива Анны Нечаевской

волонтеры, помогавшие нам с момента прилета в город. Нас всех встречали, провожали, вели по объектам, это крайне упрощало жизнь. Все было сделано с любовью, очень удобно, единственное небольшое упущение – атлетическая деревня располагалась далеко от основных спортивных объектов. Ехать до лыжно-биатлонного стадиона приходилось порой по 2-3 часа, особенно если учитывать знаменитые алма-тинские пробки. И очень мало было автобусов для спортсменов, ходили они редко и порой нерегулярно, иногда возвращались домой на такси. Это немного выматывало. Приезжая в отель после старта, мы не чувствовали сил ни на что. Выезжали мы на тренировки в 6 утра, возвращались только ближе к обеду или даже ужину. Быстренько ели, отдыхали час и бежали кросс уже в атлетической деревне. В Италии не было столько сил вложено в Универсиаду, видно, что Казахстан старался, просто, возможно, не хватило опыта проведения больших спортивных событий.

– А Вашими результатами Вы довольны?

– Я довольна тем, как выступила, в Валь де Фиеме я так и не смогла добраться до медалей, не самые высокие тогда были у меня места. Сюда же я ехала уверенной в себе спортсменкой и ставила высокие цели, но такого успеха не ожидала. Первая же гонка – и второе место, «серебро»! Значит, не с пустыми руками возвращаюсь домой! А затем уже настраивалась только на победу, тут, как говорится, аппетит приходит во время еды. Победы заряжают, наполняют эмоциями, силами, двигают вперед, хочется выигрывать еще и еще, но я показала на данный момент, пожалуй, свой максимум и всем довольна абсолютно.

– Вас не смущало, что стадион находился в горах, а атлетическая деревня в низменности? Повлияло ли это на выступление?

– Когда я летела в Алматы, я немного боялась акклиматизации, не знала, как поведет себя мой организм, как отреагирует на постоянные перепады высот. Обычно спортсмены, соревнующиеся в горах, проживают там же, так легче и для организаторов, и для спортсменов. Действительно, порой я чувствовала себя как в тумане, не понимала, где я, болела голова, закладывало уши. А затем заметила, что быстрее стал проходить восстановительный процесс: после гонок я не чувствовала себя убитой, оставались резервы для дальнейших выступлений. Например,

изначально я не планировала бежать классику 15 километров, а в итоге мы решили заявиться, почувствовала, что смогу, почему бы не попробовать? И не прогадала, как оказалось. Поэтому лично для меня этот фактор стал скорее положительным, по крайней мере, в спортивном плане. Легче прошло привыкание к климату, к местному воздуху, последнюю гонку я уже так легко бежала, будто бы всю жизнь жила в этой местности.

– Чувствовались ли поддержка трибун?

– Местные болели, конечно, прежде всего за Казахстан, но и российских спортсменов поддерживали, во многом атмосфера была и вправду домашней. Последнюю гонку я бежала вместе с Анной Шевченко, местной лыжницей, стадион активно кричал «Аня, давай, Аня!», плакатов было много. Меня это подбадривало, меня же тоже Аней зовут (смеется). Поддерживали ребята из нашей команды, у нас здесь была самая большая делегация как спортсменов, так и тренеров, врачей, технического персонала, мы все держались вместе, помогали друг другу. В последний день бежали только парни, но мы все вместе поехали на трассу, чтобы помочь организовать питание, тренировку, морально им помочь. Также и юноши приезжали на наши старты, такая взаимовыручка всегда отличала сборные России.

– Кто болел за Вас дома?

– За меня болели родители, друзья, телефон был заполнен поздравлениями. Мне звонили, я чувствовала, что нужна, понимала, для кого и для чего я побеждаю. Безусловно, это подбадривает, придает сил, приятно, что все наши старты показывали по российскому центральному телевидению, мама с папой хоть и были

далеко, но не отрываясь наблюдали за моими победами с телеэкрана.

– Вы совсем недавно перешли в сборную Татарстана, довольны своим решением?

– В сборной команде Татарстана я только год, параллельным зачетом выступаю, но даже за такое короткое время я смогла понять, насколько все в республике здорово в плане развития спорта: нас ценят, любят и ждут, есть опора. Приятно, что главным тренером сборной России на Универсиаде был наш тренер из команды Татарстана. Безусловно, было куда легче освоиться в команде, я уже знала все его требования и установки. Когда я на соревнованиях, мне всегда звонят из Минспорта Татарстана, пишут, спрашивают, чем мне помочь. Это очень приятно, сразу мобилизуешься, готовишь себя к новым победам, понимаешь, что на тебя надеются, в тебя верят и ты не можешь подвести близких тебе людей, от твоих выступлений зависит очень многое.

– А почему решили перейти в команду именно нашей республики?

– Предложение перейти в сборную команду Татарстана по лыжам поступило мне полтора года назад. Тогда у меня был довольно сложный этап в жизни, я не попала в главную сборную России, Вологодская область финансово не могла меня обеспечить, поддерживать, оплачивать тренировки, соревнования, экипировку. Было непросто, хотела даже перейти в биатлон, поэтому предложение Татарстана я с большим удовольствием приняла и ни разу об этом не пожалела. Здесь уже выступала моя подруга, и я знала, чего ждать. Огромное спасибо Татарстану за такую неоценимую помощь. Благодаря такой поддержке, я не просто

спасла свою карьеру, надеюсь, я вывела ее на новый виток.

– Неужели и сборная России, Федерация лыжных видов спорта нашей страны не оказывают поддержки молодым спортсменам?

– Когда я была в сборной России, все было неплохо, для основной нашей команды условия создаются. Платится довольствие, экипируются спортсмены, но, стоит выпасть из основной «обоймы», поддержки практически никакой нет. А составы у сборных сейчас небольшие, конкуренция огромная, попасть в сборную непросто, удержаться там – еще сложнее.

– Какие страны были самыми главными вашими конкурентами на Универсиаде?

– Понятное дело, что главными соперниками были хозяева: сборная Казахстана выставила всех, кого смогла, но и, помимо них, были сильные спортсмены, участники чемпионатов мира, этапов кубка мира. Очень сильной была команда

Польши, Франции, среди мужчин удивила Армения и Япония. Спортсмены показали очень впечатляющие минуты, достойные уважения. Внутри нашей сборной России была большая конкуренция. Так что Универсиада была представительной, и я очень рада, что смогла привезти домой столько медалей.

– Каково это, соревноваться с подругами по команде? Обидно ли проигрывать соотечественницам?

– Выходя на старт, обо всем забываешь. Дружба дружбой, но на лыжне каждый сам за себя. Каждый показывает, на что способен. Совсем другое – это эстафеты. Тут уже борешься не за себя, а за команду, в эстафетных

стартах все должны быть вместе, работать как единый механизм, друг за друга. Обидно ли проигрывать соотечественницам? Сложно сказать, по-разному бывает. Не обидно проиграть Лилии Васильевой классику в последний день, хоть многие и говорят, что совсем чуть-чуть не хватило до «золота», но я и «серебра» не ожидала, поэтому очень рада второму месту. Лилия же большой молодец, она была сильнее, я это признаю и очень рада за нее, за ее успехи. К тому же она очень хороший спринтер, даже если бы мы с ней вместе выходили на финиш, думаю, она бы меня опередила. Хотя кто его знает, сейчас рассуждать на эту тему в любом случае бесполезно. Нужно радоваться тому, что есть, и идти вперед, не оглядываясь.

– И все-таки, где же Норвегия, Швеция, Финляндия, почему спортсмены из этих стран не были в призерах? Считается же, что лыжный спорт – это скандинавская «фишка»?

– Норвегия действительно лыжная страна, это их спорт, они им живут, на прошлой Универсиаде в Вальди Фьемме было много норвежских лыжниц, достаточно именитых, в Казахстане же их было мало, и результат они показать не смогли. Возможно, решили поберечь своих спортсменов, возможно, и вправду не нашли достойных молодых атлетов.

– В чем секрет успеха норвежских лыжников и лыжниц? Почему они доминируют в «снежных» видах спорта?

– У них идет с самого детства плотная работа и поддержка юношеского спорта, спортсменов, государство нацелено на его развитие и делает для этого все возможное. Кроме того, в странах Скандинавии

живут спортом, зимним спортом, живут лыжами, сноубордом, биатлоном, все занимаются хотя бы на любительском уровне спортом, семьями выходят гулять на природу, обязательно берут с собой лыжную экипировку. Это объединяет, укрепляет здоровье. Все-таки где массовость, там и результат. В советское время все бегали на лыжах, поэтому у нас и были олимпийские чемпионы, были школы, тренеры.

– СМИ часто упрощают все, за цикливаясь на проблеме допинга. Как вы наверняка знаете, большинство норвежских спортсменов сидит на противоастматических препаратах, которые сокращают частоту сердцебиения и расширяют легкие...

– На самом деле, я никогда не задумывалась на этот счет. Сейчас очень популярна тема допинга, она везде, я же никогда не вступала в эти разговоры и сейчас не намерена. Стараюсь не читать ничего про допинг, не смотрю, не узнаю. Просто это не мое, мне это не интересно. Я всегда была за чистый спорт, и я верю в настоящий спортивный дух и чистое соперничество, скандалы спорту совершенно ни к чему.

– А как обстоял вопрос допинга на Универсиаде? Было ли приковано особо пристальное внимание офицеров ВАДА к российским спортсменам?

– Нет, все было в штатном режиме, по окончании соревнований брали допинг-пробы у призеров и победителей соревнований, у всех, кто был на пьедестале. Все спокойно было, у всех были равные условия, поблажек никаких не было, по крайней мере, я их не наблюдала. К россиянам относились спокойно, так же, как и к казахстанцам, но я особо не смотрела на других спортсменов,

сконцентрировалась на себе и на своем выступлении. Ко мне лично никаких вопросов не было.

– В Алматы вы уверенно выступали на самых разных дистанциях, но что предпочитаете – спринт или марафон?

– Я больше люблю длинные дистанции, спринт – это не совсем мое. Здесь на первый план выходит функциональная подготовка, выносливость. Нужно правильно рассчитать свои силы, разложить их по трассе, не рваться вперед на первом же километре, уметь выжидать. В спринте же главное выложиться без остатка за короткий промежуток времени, пройти как можно быстрее, не оставляя сопернику шансов.

– Почему выбрали именно лыжный спорт?

– Моя мама была директором в спортивной школе у нас в поселке, тренировала детей, занималась подготовкой спортсменов. В свое время она сама была лыжницей, входила в сборную Советского Союза. Но мама на лыжной секции не настаивала. В детстве я попробовала разные виды спорта: и волейбол, и футбол, легкую атлетику. Все каникулы я проводила в спортивных лагерях, очень хорошо бегала кроссы, была очень быстрой. Я любила спорт, соревновательный дух, не столь даже важно было, каким именно видом спорта заниматься.

– Значит, вашим кумиром была мама?

– Я всегда восхищалась своей мамой, она большая трудяга, многого добилась, и я всегда стараюсь достойно продолжать семейное дело. Кроме того, наблюдала за успехами российских лыжников и лыжниц на Олимпиадах, чемпионатах мира,

этапах кубков мира. В нашем Верховажском районе жил и работал лыжник Антон Николаевич Алябьев, дважды олимпийский чемпион (два «золота» на ОИ-80 в Лейк-Плэсиде на 20 км и в эстафете). Он всегда развивал и развивает спорт в регионе, содействовал развитию детско-юношеского спорта. Это гордость и кумир всего нашего края. Конечно же, всегда хотелось самой хоть немного, но приблизиться к его высотам, и дело не в славе и почете, хотелось быть успешной и радовать своих земляков, помогать спорту Вологды, Верховажья.

– Вы довольно поздно встали на лыжи. Сложно было конкурировать с опытными лыжницами, занимавшимися не первый год?

– Не сразу все получалось, сначала я много падала, на районных, городских соревнованиях плелась в хвосте, но никогда не сдавалась, характер у меня всегда был боевой. В девятом классе я переехала в город, меня записали в группу к опытным тренерам, и результаты не заставили себя долго ждать. Я по-другому стала относиться к себе, к тренировкам, соревнованиям, узнала, как проходят сборы, подготовка к старту, как нужно работать по дистанции. Как проводить силовые упражнения, как готовить свой организм, как восстанавливаться. Мне очень не хватало информации, методик, поэтому переезд стал неким толчком вперед. Затем уже я попала в юниорскую сборную России, и дальше все уже само собой закрутилось...

– Универсиада закончилась для нашей сборной триумфально, безусловно, огромную долю медалей завоевали наши лыжники, но и в других видах спорта россияне

были на первых ролях. Удалось ли вам поболеть за коллег и друзей из других видов спорта?

– К большому сожалению, только по телевизору. Вечером после соревнований и тренировок, тренерских собраний в отеле или по интернету смотрела новости или записи трансляций выступлений. Поехать посмотреть и поболеть вживую не было ни времени, ни сил. Но все равно то, что все мы, спортсмены разных видов спорта, волонтеры, журналисты из разных стран мира, жили вместе, объединяло нас, в деревне атлетов царила особая непередаваемая атмосфера. Все были очень дружелюбны: каждый день улыбки, слова поддержки

от конкурентов, совершенно незнакомых тебе людей, спортсменов из других видов спорта – такое можно встретить только на Универсиадах. Это настоящий спортивный праздник, праздник дружбы и единства спорта. Единственное, в последний день все вместе хотели пойти на хоккей, на финал (мужской хоккей, Россия-Казахстан), но не смогли: нам не организовывали выезд либо не сказали, как проехать, кажется, на стадионе не было мест... Зато мы без опозданий успели на церемонию закрытия, которая была очень красивой, удивительной, масштабной. В Италии такого и близко не было, Казахстан смог по-настоящему удивить!

– Вы последний год учитесь в университете, стало быть, это ваша последняя Универсиада.

– Это была моя лебединая песня в молодежном спорте, я очень рада, что завоевала медаль, что мною могли гордиться, что я принесла наконец-то «золото» для своего университета, где также меня всегда поддерживают. Звонили, поздравляли, в Трентино я не смогла тогда их порадовать, было некое опустошение после Универсиады, здесь же все получилось.

– Кстати, об учебе. Многие иностранцы со скепсисом относятся к спортивному студенчеству России, считая дипломы наших спортсменов «фикцией», выдаваемой только за успехи на соревнованиях. Согласны ли вы с этим мнением?

– Нет, конечно, мы учимся так же, как все, сдаем экзамены, зачеты, получаем задания. Конечно же, университет входит в наше положение и не требует посещать все занятия, благо, сейчас есть интернет. Через него порой отправляем задания, но легче они от этого не становятся. Те же курсовые, дипломы, госэкзамены – все это мы сдаем, как все, больших поблажек нам никто не дает, мы полноправные студенты.

– А на кого вы учитесь?

– Я учусь в Уральском государственном университете на учителя физкультуры.

– Значит, по окончании карьеры планируете быть детским тренером?

– Если честно, я сейчас даже не задумываюсь о том, что будет у меня после спортивной карьеры, все-таки я еще молодая спортсменка и сейчас думаю только о профессиональном спорте. Но согласна, что спорт не вечен, век профессионального

спортсмена очень недолгий, родители постоянно мне об этом напоминают. Все вокруг говорят о том, что нужно думать и о будущем, что я не смогу всю жизнь бегать на лыжах, важно, чтобы это не стало для меня ударом, не было стресса, чтобы я спокойно приняла жизнь после спорта. Важно знать, куда можно пойти, где и как себя реализовать, иметь запасные варианты под рукой. Сейчас плотно взялась за языки, начинаю с английского, без знания иностранных языков сейчас никуда.

– Удалось ли запомнить несколько татарских, казахских слов?

– Я понимаю простые разговоры, смысл фраз, могу поддержать легкие беседы, объясниться в простых бытовых ситуациях, но хорошо, спокойно пока нет, не говорю. Татарский

язык хотела бы выучить, да времени все нет. Казахский же учить и не пришлось, здесь же все на русском, очень легко и понятно. В Казахстане в принципе все как дома, как в России, местные, конечно, говорят на казахском, но с русскими, с россиянами говорят на твоём языке, никаких проблем с этим нет.

– Планируется ли встреча с Президентом России? Например, после Универсиады 2013 в Казани Владимир Путин встречался со всеми чемпионами студенческих игр.

– И после зимней Универсиады в Италии всех чемпионов приглашали в Москву, на встречу с Президентом. Очень хочется посмотреть изнутри на Кремль, сфотографироваться с Путиным, пожать ему руку. Когда девочки, призёрки Трентино, выкладывали на своих страницах фотографии из Кремля, завидовала белой завистью.

– Какие у вас дальнейшие спортивные планы и цели?

– Очень хочу победить на чемпионате России, выступить на чемпионате мира. Здесь уже не все зависит от меня, не все в моих силах. Моя задача – показывать стабильные результаты, привлекать внимание, попадать на этапы кубка мира и хорошо там выступать. Если я буду побеждать, меня не смогут не заметить и вернут в обойму сборной, так что нужно много работать и доказывать делом свое мастерство. Надеюсь, Универсиада мне поможет выйти на новый уровень, у меня большие спортивные планы и надежды. Очень хочу попасть на Олимпийские Игры в Пхенчхан в 2018 году, это большая моя мечта. Верю, что она сбудется, все в моих руках. ■

P.S. Приносим наши извинения автору статьи Рустаму Имамову за ошибку в его фамилии (№3, 2017, стр. 18).

► Ашира Катеева

Встречи с МУСОЙ ДЖАЛИЛЕМ и АДЕЛЕМ КУТУЕМ

Рукопись воспоминаний Аширы Катеевой, активной участницы татарского литературного процесса первой половины XX века, мы получили в ходе встречи с читателями в Ташкенте. Публикуется впервые.

В 1929 году проездом в Ленинградский институт им. Герцена я оставила рукопись в Москве, в Центриздате, который в дальнейшем заключил со мной договор, и главный редактор Махмуд ага Максуд попросил написать вторую книгу на тему «Как организовать в колхозах детские сады». Весной 1930 года я переслала в издательство вторую рукопись. Рецензировала мою будущую книгу Кояш Валитова, она одобрила рукопись и попросила ее дополнить, включить туда детские песни. Стихов я тогда почти не писала, но стихотворение родилось. Студент Ленинградской консерватории Х. Сагитов переложил его на музыку.

Летом 1930 года я ехала на практику и заехала в Центриздат к Максуду. Редактировал мою книгу Ахмед Файзи, который познакомил меня с рецензией и показал небольшую записку, написанную композитором Хамиди (позже он стал видным казахским композитором). Прочитав отзыв на книгу наших детских песен, я громко

засмеялась. В это время открылась дверь, и в кабинет редактора вошли двое парней, оба небольшого роста, в черных косоворотках, один – круглолицый, курчавый, с длинными волосами, другой – гладко причесанный на косою пробор. Они подошли к столу А. Файзи, который представил нас друг другу:

– Муса Джалиль – студент-филолог из Московского государственного университета, поэт Шигаб Шигир – студент Университета народов Востока, Ашира Катеева – студентка Ленинградского педагогического института им. Герцена.

Молодые люди были не из робкого десятка, особенно свободно

Муса Джалиль среди авторов и корреспондентов журнала «Октябрь баласы». 1929 г.

вел себя Шигаб Шагир. Они извинились, что помешали нам, и настойчиво попросили рассказать, над чем мы смеялись. Я начала было излагать суть дела, но в это время снова открылась дверь, и в редакторскую вошел Хамиди. А. Файзи познакомил меня с композитором. Я призналась, что стихи писать вовсе не умею, но нужны были детские песни, и тут Хамиди перебил меня: «Милая девушка, он ведь, ваши стихи переложил на музыку из оперы «Эшче» и на арию Гульюзем из драмы «Наемщик», а ваши песни для детей от 3 до 7 лет». И все, кто был в кабинете, расхохотались...

Закончив все дела в издательстве, я собралась уходить. Со мной вместе из Политехнического музея Вышли Муса и Шагар. В Москве я была третий раз, проездом в Уфу, и столицу нашей родины не знала. Молодые люди решили мне показать Москву. Вышли к Большому театру, показали Малый театр, были в здании Московского Государственного Университета. Нас Муса накормил обедом на свои талоны. Вышли на Красную площадь, ходили по мосту через Москву-реку, обошли Кремль по набережной, пришли в Александровский сад и там сидели до вечера.

Муса по нашему настоянию прочитал свои стихи, мы с большим удовольствием слушали их. Помню, он прочитал стихотворение из «Дневника студента». Муса свои стихи читал вдохновенно, не очень громко, глаза его были задумчивые, он смотрел в одну точку, как будто он их читал, но он все свои стихи знал наизусть. Когда он прочел слова «невзгоды житейские нас не волнуют и собственность нас не влечет в западню, студент всем имуществом именует корзину, подушку и простыню», Шагар остановил его, попросил это место еще раз прочитать.

В доме отдыха «Васильево». Июнь 1940 г. Стоят (слева направо): Ахмед Исхак, Шайхи Маннур. Сидят: Хасан Туфан, Сибгат Хаким, Муса Джалиль, Ахмед Файзи.

Мы долго разговаривали, вспоминая свои юные годы. Я рассказала, как последний раз покидал Колчак Уфу, как вошли Красные войска под командованием Чапаева и Фрунзе. Как в 1921 году в Башкирии мы голодали, как я обманула свою маму, что, если я буду учиться в ликбезе, мне дадут пять аршин сатина, училась зиму, как было трудно мне в Башкирском Педагогическом техникуме: не давали стипендию, как городской жительнице, как я Покинула родной дом, ушла в общежитие и т. д.

Шагар смешил нас, рассказал, как он, будучи 16-летним мальчиком, прибавил несколько лет, завербовавшись в качестве стекольщика, поехал со взрослыми в Архангельск. Там ему дали огромный лист бемского стекла, а он не знал, с какой стороны подойти, и разбил, его за это прогнали с завода, тогда он пошел на лесопильный завод, чтобы заработать деньги на обратную дорогу. Он так все преподносил интересно, смешно. Мы все время хохотали. Настроение вообще у нас у всех было хорошее. Мы могли без конца смеяться.

Мы с Мусой оказались одногодки, нам шел 24-й год, а Шагар был

старше нас на 2 года. Потом я рассказала, как вступила в комсомол. В течение двух месяцев я ходила, сидела на собраниях на первом ряду, потом еще раз подала заявление с рекомендациями из обкома комсомола. На этот раз меня приняли. Теперь вроде не смешно, а мы хохотали над всем этим. Муса, немного щуря свои глаза, мне сказал: «Ты, Ашира, все же хитрая девушка оказалась. Через два месяца обратилась, а другая бы так и ходила без конца». Опять нам смешно стало, смех так и распирал нас.

Муса, видимо, очень любил свою бабушку. Он из детской жизни вспоминал про свою бабушку. Много рассказывал об Оренбурге, где он рос, любил своего старшего брата, старался во всем подражать ему, как дружил с Чинакаем, доказывал, что Оренбург совсем близок к Уфе, приглашал посетить его город детства и Сакмар-су, о которой много песен.

Поздно вечером, часов в девять, Муса с Шагаром меня проводили на вокзал, обещали зимой в 1931 году приехать в Ленинград на летние каникулы. Я обещала показать

Участники литературного кружка под руководством Мусы Джалиля. Москва, Дом Асадуллаева, 1939 г.

им город Пушкин и Петергоф, Петропавловскую крепость, Смольный и т.д. Муса обещал летом приехать на каникулы в Оренбург и оттуда заехать в Уфу. Они долго смотрели вслед отходящему поезду, махали мне платком, Шагар делал вид, будто плачет. В 1931 году Шагар с Мусой в Ленинград не приехали. Я в 1932 году с Шагаром встретила в Уфимском Издательстве. Он работал в журнале «Алласыдлар». Вскоре он был назначен главным редактором Башиздата.

В 1940 году мы с Шагаром случайно встретились в Москве. Мы были очень удивлены этой встречей. Первый его вопрос: «Какие ветры тебя занесли в Москву?!» Я говорю:

«Меня ветры давно, в 1935 году, занесли, а ты как попал в Москву?» Он объяснил все подробно и задал мне еще один вопрос: «Ашира, ты что – стала поэтессой?» Я заулыбалась, говорю, нет, на это надо смотреть как на очередное баловство, объяснила, что, вместо аспирантуры, я в 1938 году поступила в литературный институт им. Горького, уже перешла на 3-й курс. Мы больше не расстались, решили пожениться.

В 1941 году при Московском татарском Доме культуры была организована читательская конференция по произведению Аделя Кутуя «Неотосланные письма». Шагар как критик сделал основной доклад, я написала стихотворение, посвященное Аделю, и выступила со своими впечатлениями о книге.

Шагар говорил: Мы сегодня видели встречу читателя с писателем, такую читательскую конференцию,

Кутуй является образованнейшим критиком, знающим историю революции, психологию и специфику искусства. Он владеет художественным вкусом. Значение каждого советского писателя и критика измеряется его заслугами перед Родиной, народом.

где присутствует сам автор, возможно провести лишь только в нашей стране, в стране социализма. Участь писателей, художников и работников искусства в царской России была тяжелой. В нашей стране писателям созданы все необходимые условия для творческой работы: наши писатели отдыхают на лучших курортах Крыма, Кавказа, пользуются домами отдыха.

Лучшие наши писатели и драматурги награждаются высшей наградой – орденами Союза. Для этого требуется от писателя создание достойных произведений, преданность делу социализма, делу партии, делу Ленина». Далее Шагар останавливается на творческом пути А. Кутуя: Кутуй не переставая пел о талантах Родины, о героях социалистического строительства, о любви и дружбе и т.п. Кутуй испытал большие трудности, прежде чем получил славу советского писателя.

Кутуй – сын богача, родился в 1903 году, его Октябрьская революция разбудила ото сна. Он с детства стремится к лучшему, к свету, к красоте. Он хочет от окружающих услышать мягкие и теплые слова, но на него летит грязь, говорят душераздирающие слова, называют его организатором правых, левых, контрреволюционных течений в татарской литературе. Бури Октября приводят его в клуб, но его там, как сына богача, ругают, выгоняют из клуба, а домашние ругают его за то, что он ходит в клуб, посылают его в мечеть молиться. Молодому Кутую приходится жить между двух огней. В 1922 году он бросает отчий дом и уезжает в Казань, где поступает учиться. Но он систематически подвергается и шельмованиям. За свое происхождение он терпит эти гонения до тех пор, пока Сталин не сказал, что «сын за отца не отвечает». На его жизненном

пути были также и радостные минуты. Он был лично знаком с М. Горьким, Маяковским и татарским писателем Х. Такташем, последний помог ему выйти в печать. Первые стихи Кутуя были переданы в редакцию журнала «Безнең юл» рукой Х. Такташа. А. Кутуй начал печататься в 1922 году. В этом же году его одноактная пьеса ставится на сцене Самарского клуба. Когда мы подходим к творчеству Кутуя, мы должны его ценить как драматурга, поэта, новеллиста, критика, журналиста. Он является человеком широко образованным, специалистом-литературоведом, отличается способностью декламировать свои стихотворения. Кутуй в своей творческой деятельности создал около 10 театральных произведений, около 50 рассказов, много критических статей и ряд стихотворений. Поэтому я лишен возможности проанализировать детально каждое из этих произведений. Я их буду частично только перечислять. Кутуй в начале своего творчества выступал как представитель левого фронта в литературе. У него имеется сборник стихотворений под названием «Кэннэр йогэргэндэ». Он там пишет, что эта книга выпускается из мастерской «Сулф». Некоторые товарищи, возможно, не знают, что такое «Сулф». Поэтому хотя бы двумя словами придется подчеркнуть, что значит «Сулф». В эти годы существовала организация футуристов под названием «Леф». Они в 23-24 годах в Москве объединились вокруг журнала «Леф». Сторонники этого течения говорили, что они в своем творчестве должны создать материальную ценность, в литературе игнорировали психологические моменты, в 1922-23-24 годах Кутуй себя называет футуристом.

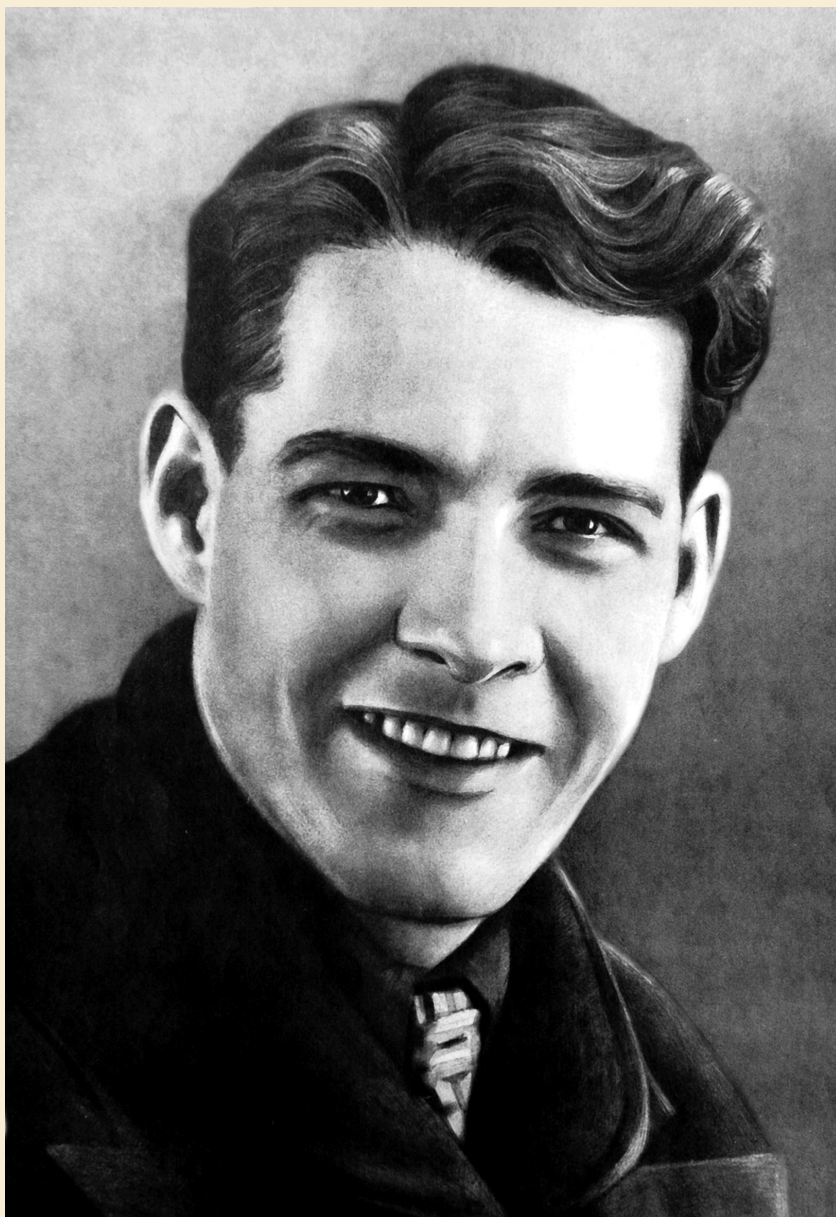
Кутуй – драматург, глубоко думающий, серьезный, стремящийся реалистически изображать жизнь. Он в

своих пьесах показал образы стахановцев («Песня радости») и ряд положительных героев социалистического строительства.

Кутуй – критик. Среди статей, посвященных анализу литературной деятельности татарских писателей, обращает на себя внимание работа А. Кутуя об истории татарского театра. Критические статьи Кутуя раскрывают целый мир, полны жизни, культуры и красок.

Кутуй является образованнейшим критиком, знающим историю революции, психологию и специфику искусства. Он владеет художественным вкусом. Значение каждого советского писателя и критика измеряется его заслугами перед Родиной, народом. Кутуй и в критических трудах показывает себя как советский патриот. Читатели увлекаются его критическими статьями. Кутуй – новеллист. Мы в лице Кутуя видим одного из талантливых и плодовитых новеллистов татарской советской литературы. Самое интересное и ценное в рассказах Кутуя – это обрисовка искренних и честных отношений в любви, образы новых людей. Я здесь хочу остановиться в нескольких словах на произведении «Неотосланные письма», т.к. наша конференция посвящена в основном разбору этого произведения. Темой этой повести является любовь и новая семья. Мне хочется задать вопрос конференции: «Актуальной ли является такая тема? Можно ли наметить ряд вопросов по этому произведению?» Мы говорим, что эта книга написана о любви, а что такое любовь с точки зрения марксизма? Мы, прочитавшие эту книгу, ругаем Искандера, ненавидим его, мы его обвиняем в безответственном, легкомысленном и преступном отношении к семье – жене и детям.

Спрашивается, чем объясняется такое отношение Искандера?

Мы живем в социалистическом обществе. Откуда берутся такие люди? Почему ошиблась Галя в выборе спутника жизни? В чем заключается ее достоинство? Почему мы обязаны клеймить гневом и презрением таких людей, как Искандер?

На эти мною поставленные вопросы читатели сумеют ответить и дадут правильную оценку произведения.

Шамсутдинов (читатель): Тема любви не новая тема, но она в

повести Кутуя приобрела новые черты. Эта повесть согрета большой любовью автора к своему народу. Произведение отличается богатством образностью языка. И знакомит читателя с величайшими людьми мира, вооружает знанием о литературе и культуре не только татарской, но и западно-европейской. Тип Галии дан очень сильно. Она изображает настоящую советскую женщину, способную любить. Она не подчиняется влиянию

Искандера, упорно стремится к знаниям и самостоятельной жизни. Галя может служить примером не только для женщин, но и для мужчин. Таких отрицательных типов, как Искандер, у нас еще много. Галя любит отрицательного типа Искандера. Она его бранит в письме, но она бранит его, лаская, она искренне любит Искандера. Галя устраивает жизнь с Вали. Ее любовь по отношению к Вали подозрительна. Брак Галии с Вали получился каким-то искусственным. Мы надеемся, что Кутуй на этом произведении не остановится.

Амиров (читатель): В «Неотосланных письмах» упоминаются знаменитые композиторы, которых не знают колхозники: Галя заставляет ожидать возлюбленного, а в это время пишет письмо Искандеру. Произведение написано красивым языком, имеет большое значение в деле коммунистического воспитания, оно мне очень понравилось. Хорошо дан эпизод с утопленником и Магинур, которая выздоравливает. В жизни много еще таких мужчин, которые легкомысленно относятся к женщине. Мы ждем от автора новых произведений.

Катеева (студентка литературного института им. Горького): В этом произведении Кутуй показывает достоинство Советской женщины, выросшей в нашей стране. Автор в этой повести ярко показал свой творческий рост. Поэтому «Неотосланные письма» пользуются большой популярностью в народе.

Произведение написано на реалистической основе, оно главным образом отличается правдивостью обрисовки действительности. Когда читаешь произведение, то невольно возникает вопрос, почему именно Искандер является отрицательным героем. Его тоже ведь воспитывала советская действительность. Это доказывает, что капиталистические

пережитки в сознании людей еще полностью не преодолены. Тип Искандера присущ ли только мужскому полу? На это я отвечаю, что это не совсем так. Мы такую картину можем встретить как в сознании мужчин, так и в сознании женщин: мало ли студентов, которые женятся из-за выгоды на старых, совершенно не подходящих им женщинах? Мало ли таких женщин, которые выходят замуж из-за положения? Это доходит до такого абсурда, что они в течение месяца способны менять своих супругов как перчатки.

Жилкин: Мне хочется поставить тов. Кутуя рядом с русским писателем Макаренко и хочется сказать им, что они любят детей и воспитывают их.

Искандер не любит детей, он против детей. Это произведение нужно читать и родителям. Данное произведение в татарской литературе сыграло большую роль в показе нового социалистического человека.

Губайдуллин: Произведение «Неотосланные письма» написано образным языком. Оно доступно для

каждого рядового читателя. Оно переведено и на русский язык. Образ Галии дан очень реально, типично. Таких женщин, как она, у нас много. Повесть имеет большое воспитательное значение. Однако следует отметить, что там встречаются непонятные для читателя слова и отдельные выражения.

Дебердеева (учительница): Здесь все выступающие говорили о достоинстве и положительных сторонах произведения. Все это правильно. Повесть имеет большое актуальное значение, но я хочу сказать о ее недостатках.

Галия, мне кажется, представлена как женщина с очень широким кругозором. Она знает все: и музыку, и литературу, и историю. Образ же Искандера является отрицательным. Спрашивается: как он мог любить умную женщину? Он же, по мнению автора, является испорченным человеком. Надо было видеть в отрицательном человеке и отдельные положительные элементы.

Кутуева (учительница): Галия кипит в советской действительности. Она является типичной советской гражданкой, готовой отдать все для родины.

Она принимает активное участие в общественной работе. Она искусственного отца выдумывает в интересах нормального воспитания своих детей. Да, она ошиблась в выборе спутника жизни. Это ее слабость. Этот момент автором дан убедительно. Человеку в этом возрасте свойственно ошибаться. Образ Валия есть образ педагога. Он также изображен мастерски. Произведение мне понравилось.

Кутуй А. (автор книги): Спасибо вам за активное участие в обсуждении произведения. Я считаю себя счастливым человеком, потому что являюсь участником Вашей

конференции. Я полностью согласен с критикой товарищей. Я сознательно выбрал форму письма. Мне кажется, что такую форму нельзя считать легкой. Наша задача заключается в том, чтобы служить народу, воспитать нового человека с новыми качествами, с новым марксистским мировоззрением.

В этом отношении вопросы создания новой социалистической семьи приобретают особо важное значение... (по просьбе читателей он прочел свои новые стихи на татарском и русском языках).

Заключительное слово т. Шагретдинова Ш.Ш.: Я согласен со всеми выступающими. Товарищи правильно понимают значение произведения «Неотосланные письма», но меня не удовлетворило выступление преподавателя Абдрахманова. Он говорит, что форма письма для советской литературы является неподходящей формой, и это свое мнение он старался оправдать ссылкой на Чехова. Мы знаем значение Чехова. Антон Павлович Чехов является выдающимся беллетристом. Мы ценим его. Но к литературным явлениям мы подходим с точки зрения марксизма, с точки зрения партийности литературы.

Литература всегда была партийной. Достижение повести «Неотосланные письма» в том, что оно в форме письма и скорее доходит до читателя...

Мы с Шагаром заранее планировали после конференции к себе на пельмени пригласить А Кутуя. Я поэтому из дома культуры ушла раньше. Стала накрывать стол на троих. Я была изумлена, услышав в прихожей голоса мужчин. Когда открылась дверь, Шагар в комнату впустил Мусу Джалиля, потом Салиха Сайдаша, лишь потом А. Кутуя. ■

Продолжение следует

► Марат Сафаров

Музыкальные сюжеты судьбы **ЗЮГРЫ БАЙРАШЕВОЙ**

25 июня 1925 года в Казани на сцене Оперного театра (сегодня это здание Тинчуринского театра) была поставлена первая татарская опера «Сания». Ее авторами стали композитор, дирижер и музыковед Султан Габяши, певец и композитор Газиз Альмухаметов, композитор, скрипач и преподаватель музыкально-теоретических предметов Василий Виноградов. Эти же авторы в 1930 году представили новую татарскую оперу «Эшче».

...Работаю над материалом, посвященном народной артистке Татарстана Зюгре Гиреевне Байрашевой (1906-1984) и слышу её голос, сбереженный в архивных фондах. Непривычная, уже давно ушедшая вокальная манера. Музыкальная архаика. И хотя многие довоенные советские голоса воспринимаются уже скорее как символы и признаки эпохи, что-то таинственное проникает сквозь долгие десятилетия.

Романсы Чайковского и Рахманинова и, конечно, ария Сании из одноименной первой татарской оперы. И сама Зюгра Байрашева была первой профессиональной татарской оперной певицей. Сценическая её судьба довольно быстро заместилась педагогической, и помнящие её сейчас застали Байрашеву в статусе пожилого, уважаемого профессора. Но все начиналось в бурные, авангардные 20-е гг., когда жили и творили создатели новой татарской культуры, дерзнувшие создать национальную оперу. Зюгра Байрашева была среди них.

Опере «Сания» посвящено несколько ценных исследований, включая статью известного казанского музыковеда Гузель Юнусовой. Так, удалось реконструировать обстоятельства постановки и распределения ведущих партий. Известно, что главную роль в опере «Сания» С. Габяши создавал специально для своей любимой ученицы Сары Садыковой, однако по семейным обстоятельствам она не смогла участвовать в премьере. Позднее муж Сары Садыковой режиссер Газиз Айдарский поставит для неё вторую редакцию оперы. А 1925 году в премьерных спектаклях блистали младшая сестра Сары Садыковой Разия Садыкова и героиня нашей статьи Зюгра Байрашева. Начинающие певицы учились в вокальном классе Казанского восточного музыкального техникума у признанных в городе педагогов О. Замбелли-Молотковой и Е. Ковельковой. Юная Зюгра Байрашева часто выступала в концертах, уже имела в Казани свою публику.

Родилась Зюгра Байрашева в 1906 году в Касимове Рязанской губернии. Как часто в конце XIX – начале XX вв. этот уездный город на Оке становился местом рождения многих видных представителей татарского народа! И энергичные девушки из касимовских купеческих семейств прокладывали пути к новой жизни, овладению профессией, становились первыми в своем народе. Разыя Кутлуярова – первая из татарок, получивших медицинское образование. Сара Шакулова – выпускница Сорбонны, «татарская Ковалевская», первая татарка-математик. Неистовая революционерка и педагог Сагдия Булатова, создававшая студенческий театр, а после свершившейся Февральской революции «обличавшая буржуазию» с балкона особняка. Муршида Бикжанова, ставшая авторитетным этнографом и много лет изучавшая культуру народов Средней Азии. Другие известные и уже забытые имена.

Зюгра Байрашева была много младше их, но особая «пассионарность» Касимова, благодатный джадидский уклад сказались и на её судьбе.

... Успешный дебют в опере «Сания» предопределил её путь. Для продолжения образования Зюгра уехала в Москву, где провела почти все 30-е гг. Среди её учителей по классу оперной подготовки Московской консерватории были маститые советские дирижеры Николай Голованов и Леонид Баратов.

В отличие от многих касимовских купцов-меховщиков, многочисленный клан Байрашевых традиционно владел ресторанами и буфетами в разных частях империи. Были годы, когда Байрашевым принадлежали почти все станционные буфеты на пути из «Петербурга в Москву». Большой ресторан Николаевского вокзала в Петербурге также содержали Байрашевы. В петербургской татарской общине, и в особенности в её касимовском магометанском приходе, большим влиянием обладал купец Атаулла-хаджи Байрашев (1846-1908).

К ветвям этого богатого рода принадлежала и Зюгра Байрашева.

Но ей не было суждено долгое счастливое детство. В революционные годы умирают родители, и маленькую Зюгру забирают сестры, жившие в Вологде. Из Вологды она и перебралась в Казань, в музыкальный техникум. В Казани её ждала судьбоносная опера «Сания».

... Успешный дебют в опере «Сания» преопределил её путь. Для продолжения образования Зюгра уехала в Москву, где провела почти все 30-е гг. Среди её учителей по классу оперной подготовки Московской консерватории были маститые советские дирижеры Николай Голованов и Леонид Баратов.

Однако самым важным этапом в профессиональном становлении Зюгры Байрашевой стала учеба в Татарской оперной студии при консерватории у опытного Назария Райского (когда-то среди его учеников был сам Лемешев).

Среди соучениц Байрашевой – её сверстницы Галия Кайбицкая, Асия Измайлова, Марьям Рахманкулова. Вскоре все они станут ведущими певицами оперного театра в Казани. Учится в оперной студии и совсем

В консерватории Зюгру Байрашеву ждал новый успех – вокальная педагогика стала её призванием. В отличие от многих оперных прим, вынужденно переходивших к преподаванию, Зюгра Байрашева владела особым даром вокалиста-педагога, знатока методики совершенствования голоса.

молодая Мунира Булатова. Здесь же – будущие корифеи Фахри Насретдинов и Усман Альмеев. В Татарской оперной студии Зюгра Байрашева встретила и свою любовь – драматического тенора Льва Маева.

Литературную часть в студии возглавлял Муса Джалиль. В качестве постоянных либреттистов и переводчиков в литературной части работали известные татарские писатели – Фатхи Бурнаш, Ахмет Файзи, Махмуд Максуд, Хасан Туфан, Ахмед Ерикеев, Салих Баттал, Мансур Крымов, Карим Тинчурин и другие. Они выполняли переводы песен, романсов, оперных арий на татарский язык. Вновь, как и в Казани 20-е гг., уже в Москве 30-х гг. Зюгра Байрашева в центре культурной жизни.

В стенах консерватории и на репетициях концертов Байрашева часто общается с молодым композитором Назибом Жигановым. Сотрудничество с ним, сценическое и преподавательское, определит в дальнейшем всю её судьбу.

А пока, помимо интенсивной учебы, Зюгра активно участвовала в концертах, проходивших на сцене Дома Асадуллаева в Замоскворечье – тогда уже Татарского рабочего клуба им. Хусаина Ямашева. Это – и школа, и опыт, и небольшой заработок. Байрашеву тепло принимал московский татарский зритель, хотя иногда и с иронией обсуждал некоторые её выступления. Как вспоминала современница Байрашевой (также уроженка Касимова) Рауза Кастрова, татарские песни и арии давались Зюгре непросто. Она еще слабо владела татарским литературным языком, пела с заметным русским акцентом. Да и особый касимовский говор, знакомый ей по раннему детству, выделяется не только лексическим, но и фонетическим своеобразием. Над произношением Байрашевой татарских слов часто шутили, но зритель её любил.

По окончании студии она возвращается в Казань и вступает в труппу молодого оперного театра.

Конечно, «языковые» недостатки были характерны не только для Зюгры Байрашевой, но и многих её коллег.

Любопытный документ в тему – приказ по только что созданному в Казани оперному театру, датированный маем 1939 года, в котором указывалось, что «Борьба за чистоту изучаемого татарского языка на данном ответственном этапе формирования оперного театра заслуженно считается активной борьбой за создание национальной оперы, за качественное открытие театра в срок. Но, несмотря на это, состояние культуры языка в нашем театре еще не находится на должной высоте. Совершенно мало уделяется внимания коллективному изучению основ фонетики, не систематизировано преподавание языка, сказывается отсутствие руководящего ответственного лица над общей языковой культурой пения, наличие разобщенность методов преподавания фонетики и имеют место нарушения общего литературного языка».

Тут стоит отметить, что в 20-е и особенно в 30-е гг. в СССР сложилось оригинальное правило – переводить западноевропейскую оперную классику на русский язык, а с него – и на национальные языки. Так, еще в студии в 1935-36 гг. полностью на татарский язык были переведены оперы «Фауст» (М. Максуд), «Свадьба Фигаро» (М. Джалиль) и «Евгений Онегин» (Х. Туфан). Эти оперы планировалось включить в репертуар оперного театра. Были сделаны и переводы на татарский язык современных советских опер «Мать» В. Желобинского (М. Джалиль и А. Файзи) и «В бурю» Т. Хренникова (М. Максуд и А. Ерикеев). Сложное и неоднозначное это явление, очевидно, было вызвано глобальными идеологическими задачами советской власти, советским культурным проектом – необходимостью знакомить народные массы с сюжетами произведений мирового искусства. Но на деле все выглядело не так радужно, терялась техника исполнения и изящные итальянские оперы становились похожими на произведения соцреализма. Байрашевой довелось жить и выступать на сцене в это время...

Репертуар Зюгры Байрашевой в Казани за 10 лет её службы в театре был на редкость широк и сложен. Микаэла в опере Ж. Бизе «Кармен», Чио-Чио-сан Дж. Пуччини, Маргарита в опере «Фауст» Ш. Гуно, Татьяна в «Евгении Онегине» П.И. Чайковского. Сотрудничество с Назибом Жигановым продолжилось; Зюгра Байрашева пела в его операх «Качкын», «Ирек», «Ильдар», «Тюляк». Композитор доверял ей премьерные спектакли. Её Райхана, Бибисара, Сажида, Аембике становились образцами исполнения этих знаковых для своего времени татарских партий.

Сценическая конкуренция была велика, в труппе театра находились первоклассные певицы – исполнявшие заглавные партии репертуара колоратурного сопрано

Галия Кайбицкая и Шафика Кутдусова, меццо-сопрано Мунира Булатова. Однако Байрашева, певшая в партиях лирического сопрано, занимала свое особое место и ушла из театра не из-за закулисных интриг или проблем с репертуаром. К 1948 году мучившая её астма заставила Зюгру Гиреевну покинуть сцену. Незадолго до этого по болезни из театра ушла и вернулась в Москву певица Саида Девишева (1907-2003), как и Байрашева, происшедшая из касимовских татар, учившаяся с ней в оперной студии. В военном 1944 году в Москву вернулась и любимая публикой Асия Измайлова, возглавившая вновь открытую Татарскую оперную студию при Московской консерватории и татарскую театральную при ГИТИС.

Началась новая жизнь. Еще за год до ухода Байрашевой из труппы Назиб Жиганов пригласил её преподавать в руководимую им консерваторию. Муж Зюгры Гиреевны, Лев Соломонович Маев (1904-1988), оставался в труппе вплоть до 1971 года, до времени их вынужденного отъезда из Казани...

В консерватории Зюгра Байрашеву ждал новый успех: вокальная педагогика стала её призванием. В отличие от многих оперных прим, вынужденно переходивших к преподаванию, Зюгра Байрашева владела особым даром вокалиста-педагога, знатока методики совершенствования голоса. В 1955 году она возглавила кафедру сольного пения. К мнению Зюгры Байрашевой Жиганов, собравший в консерватории корифеев музыкальной культуры, прислушивался. Её (теперь уже педагогический) голос весомо и убедительно звучал во время экзаменов. Профессор Казанской консерватории Нина Петровна Варшавская поделилась со мной своим воспоминанием о Байрашевой: «Мне посчастливилось с ней немного поработать, она была очень деятельный и творческий профессионал, любила свою работу до фанатизма. Очень интересны были ее обсуждения выступлений студентов после экзаменов. Как специалист она была высокого класса. Знала себе цену!» Легендарный оперный певец, народный артист России Эдуард Германович Трескин также тепло вспоминает Зюгру Байрашеву: «Она принимала меня в консерваторию, была педагогом по камерному пению. Позднее мы работали вместе на вокальной кафедре. Очень энергичная женщина, эмоциональная, с чувством стиля в пении».

В её классе всегда было много молодежи, стремившейся учиться именно у Зюгры Гиреевны. Благодаря Байрашевой, в Казанскую консерваторию поступила запоздавшая абитуриентка из Уфы Зиля Сунгатуллина. Как вспоминала Зиля Даяновна, приёмные экзамены в консерваторию уже закончились, и взяли её только

благодаря тому, что заведующий кафедрой сольного пения Байрашева буквально за руку привела опоздавшую абитуриентку в кабинет с роскошным белым роялем на прослушивание к ректору Жиганову. Поначалу тот выразил сомнение в отношении юного возраста и миниатюрности Зили, на что она горячо стала уверять его в том, что это – не помеха: «Я обязательно вырасту! Да и вы – не очень высокого роста...»

Но отношения Байрашевой с Жигановым не были столь идиллическими. Сложный характер, нелюбовь к компромиссам привели в 1971 году Зюгре Байрашеву к конфликту с всесильным ректором. Предмет противоречий двух титанов татарской музыки сейчас уже никто не вспомнит, но Байрашева уступила своему старому товарищу. ... И бросила налаженную профессорскую жизнь в одной из лучших консерваторий страны. Вслед за ней покинул театр и Казань и её муж, вышедший на пенсию.

Зюгра Байрашева приняла предложение знаменитого башкирского композитора Загира Исмагилова (1917-2003), переехала в Уфу и стала преподавать в местном институте искусств. Поначалу она планировала поработать год-два и вернуться в Казань, однако задержалась в Башкирии на 12 лет. Зюгре Гиреевне было предложено заведовать кафедрой сольного пения и одновременно руководить классом камерного пения.

Уфимская диспозиция стала зеркальной казанской: композитор – он же живой классик, автор опер (через несколько лет Загир Исмагилов, подобно Жиганову, станет народным артистом СССР); он же – создатель и ректор высшего музыкального учебного заведения; Байрашева – ведущий вокальный педагог.

Как отмечала верный и преданный концертмейстер и ассистент Зюгры Байрашевой Галия Мухамедова:

«12 лет работы Зюгры Гиреевны в Уфимском институте искусств сыграли огромную роль в развитии вокальной школы Башкортостана. Результаты деятельности профессора Байрашевой не замедлили сказаться в первый же год ее приезда. Стены Уфимского института и великолепного Шаляпинского концертного зала наполнились голосами молодых певцов - студентов и педагогов кафедры. Не менее двух раз в году давались открытые концерты класса камерного пения профессора З.Т. Байрашевой. Они неизменно проходили в переполненном зале и встречали горячий прием у слушателей.» Занятия

Байрашевой со студентами в классе камерного пения почти всегда были открытыми и собирали многих представителей уфимской интеллигенции, восхищавшихся её владением актерской техникой и глубоким пониманием театральной режиссуры. Приходили артисты башкирской

оперы, преподаватели вокала, музыковеды. А студенты перед экзаменами, бесконечными конкурсами или судьбоносным выпускным распределением оттачивали у Зюгры Байрашевой свою технику. Класс камерного ансамбля Байрашевой прошли свыше 100 казанских и уфимских певцов. Среди уфимцев и прославленный баритон, рано ушедший из жизни Радик Гареев. Байрашева представляла музыкальную Уфу на Всесоюзных конференциях по вопросам подготовки вокальных кадров в вузах. Её слушали и слышали.

... Последний год жизни (и учебный год тоже) Зюгра Байрашева провела в Казани. Она вернулась летом 1983 года в родные стены Казанской консерватории; Жиганов проявил благородство и распорядился принять её на ставку почасовика. Но Зюгра Гиреевна уже тяжело болела, недолго преподавала и в 1984 году умерла.

Потомки Зюгры Байрашевой живут в Уфе, Казани, Москве, её ученики с успехом выступают в лучших театрах и концертных залах; в своей нынешней педагогической работе используют вокальные приемы, помнят её – строгую, решительную и отзывчивую, до конца жизни – артистичную, помнившую о своем былом сценическом успехе.

А в истории искусства она осталась первой профессиональной татарской оперной певицей. ■